

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ3 2018 NO2

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018
ТОМ3 NO2

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018

ТОМ 3 NO 2

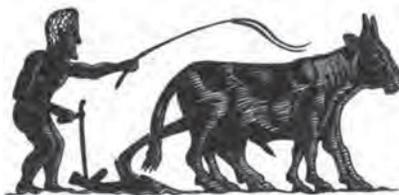
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания) председатель
А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
В. Я. Узун, РАНХиГС
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР И.Е. Кроль; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Рябины». И.Э. Грабарь (1924, Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»).

© Авторы статей, 2018
© РАНХиГС, 2018

Содержание

Теория

- Чауянов А.В.* What is the agrarian question? 6
Рожанский М.Я. Сибирские узлы империи. 34

История

- Морозов К. Н.* Почему партии социалистов-революционеров не удалось реализовать свою демократическую альтернативу в 1917 году? 55
Крылатых Э.Н., Фролова Е.Ю. Александр Александрович Никонов: жизнь и вклад в науку. 71

Современность

- Рогозин Д.М.* Ограничения и возможности сельского старения 86
Крылатых Э.Н., Лерман Ц., Строков А.С., Узун В.Я., Шагайда Н.И. Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве: методические подходы и планируемые результаты 102

Интервью с исследователем

- Савченко Е.С., Никулин А.М.* «Мы всю жизнь — первопроходцы» 127

Рецензии

- Троцук И.В.* Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире 155
Бабашкин В.В. «...Жить единым человеческим общежитием», или Теория общины 179

Научная жизнь

- Куракин А.А.* Китайско-российская конференция «Сельское возрождение» 188
Горская А.О. Энциклопедия по модели «общего дела» 198

Russian peasant studies

Vol. 3. 2018. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

ADVISORY BOARD

T. Shanin, University of Manchester (UK) (chairman)
A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
J. C. Scott, Yale University (USA)
V. Ya. Uzun, RANEPA
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Chayanov A.* What is the agrarian question? 6
Rozhansky M. Siberian nodes of the empire 34

HISTORY

- Morozov K.* Why did the Socialist Revolutionary Party fail to realize
its democratic alternative in 1917? 55
Krylatykh E., Frolova E. Alexander Alexandrovich Nikonov: His life
and contributions to science 71

THE PRESENT TIME

- Rogozin D.* Challenges and prospects of rural aging 86
Krylatykh E., Lerman Z., Stokov A., Shagaida N. Assessment
of structural changes in agriculture: Methodological approaches
and estimated results 102

INTERVIEW

- Savchenko E., Nikulin A.* “We are all pioneers”. 127

REVIEWS

- Trotsuk I.* Biological, social and moral in the logic of history,
or whether or not there is peasantry in the contemporary world. 155
Babashkin V. “A human coexistence way of life”, or a theory of the
rural community 179

SCIENTIFIC LIFE

- Kurakin A.* China-Russia conference “Rural revitalization”. 188
Gorskaya A. A “common task” type encyclopedia 198

What is the Agrarian Question?¹

A.V. Chayanov

This text is a translation into English of the brochure “What is the ‘Agrarian Question’?” published by A.Chayanov in the summer of 1917, between the February and October Revolutions in Russia.

Young 29-year-old professor Chayanov took an active part in the revolutionary events of 1917, trying to justify the fine-drawn plan for agrarian reforms for the new Russia. Chayanov became one of the initiators of the creation of the League for Agrarian Reforms, which included many leading agrarians of various political trends in Russia with a view to discussing and developing a holistic strategy for agrarian reforms in Russia.

The popular-science version of his views on agrarian reform, summarizing the most varied ideas of the League for Agrarian Reforms, Chayanov presented in the brochure “What is the ‘Agrarian Question’”.

In the ideological basis of this work lies the realization of the revolutionary demand “Land to the working people!”, which affirmed the necessity of transferring the landlord’s land into the hands of the peasantry. Chayanov considered various options for such a transition of land in the form of agrarian programs of socialization, nationalization, municipalization of land, a single land tax, and the system of state regulation of land ownership.

In reforming Chayanov proposed to be guided by two principles: 1) the greatest productivity of peasant labor applied to the land; 2) democratization of the distribution of national income. The extensive development of peasant cooperation was to ensure the implementation of these principles. Chayanov also stressed in every possible way the importance of taking into account regional and national peculiarities in resolving the agrarian question in such a huge country as Russia.

Personally, Chayanov was inclined to the way of agrarian reforms combining state regulation of land ownership and progressive taxation. Though, the October Revolution under the leadership of the Bolsheviks and left-wing socialist revolutionaries in their “Decree on Land” declared the implementation of the most radical version of agrarian reforms — the socialization of the land, stopping the search for the best compromise agrarian solutions that Chayanov and his colleagues tried to implement in the League for Agrarian reforms.

Chayanov’s brochure “What is the ‘Agrarian Question’?” is a model of theoretical and practical search for alternatives to the fine-drawn solution of the agrarian question in the interests of the peasants on the basis of a broad political coalition of democratic forces.

Keywords: agrarian reform, peasantry, revolution, A.V. Chayanov

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-6-33

---

1. Translated from: Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? Москва: Акционерное общество «Универсальная библиотека», 1917. 63 с. (Лига аграрных реформ).

1. Introduction

The Revolution has presented Russian society with the very great task of creating a new, democratic Russia.

The Russian democracy will need many years of hard, creative work for its political, civil, and economic development. Our political and civil tasks are clear and relatively simple; they depend entirely on our will and human laws, whereas the task of economic development is much more difficult.

Economic life develops according to its own spontaneous laws, which are almost independent of the will of man. Therefore, when starting to reform our economic system, we must remember that far from everything in economic life is subject to our will.

We must know the basic laws of economic development. Having learned them, we must adopt our human state laws according to them to bring the future economic development of Russia closer to our social ideals. If we choose any other way, we will inevitably doom ourselves to bitter disappointment!

This is especially true of *the agrarian question*, which is the most important for our economic life.

In our country, three-quarters of the population work on the land. Agriculture is the basis of the entire, national economy of our homeland. By providing our agriculture with a democratic and sustainable structure, we will ensure a solid foundation for the entire national economy and our statehood. Therefore, we are to start the agrarian development with a clear awareness of our greatest responsibility, thoughtful caution, and firm determination. If we take a closer look at the leaders of our public opinion, we admit with a feeling of profound satisfaction that they all share these ideas.

Today, discussions about the agrarian question rarely take the form of intolerant party disputes. There are almost always serious debates that respect different opinions and joint work aimed at one goal with unpredictable results.

The very creation of the inter-party League for Agrarian Reforms², which unites the Narodniks, Marxists, and supporters of a single tax system, testifies to the statements above.

There is no doubt that all old agrarian programs should be revised, and the agrarian question should be addressed anew.

The old programs were created by us ten to twelve years ago in a completely different situation than the current one.

A.V. Chayanov

What is the
agrarian question?

---

2. The League for Agrarian Reforms is an inter-party organization established in April 1917 to develop a recommendation for agrarian reforms in Russia, the publication of materials on the agricultural issue. The League includes leading farmers from various social, scientific and political organizations. Chayanov was one of the initiators and active participants of this League. . .

The peasant economy of 1917 is not the peasant economy of 1905. It has changed: fields are cultivated differently, livestock is kept differently, and peasants sell more and buy more. The peasant co-operation covered our village and transformed it; our peasantry became more developed and more cultured. The Stolypin land reform confused land relations to the extreme, and the peasantry bought millions of *desiatinas* of land in private ownership.

The political situation has also changed radically.

But the most important thing is that the agrarian question must be solved tomorrow. Today is not the time to proclaim some common ideas, nor the time for bare principles.

We need detailed draft laws, organizational plans for land redistribution, instructions for land surveying, and financial calculations for the reform...

The agrarian question has moved from the world of abstract ideas and conflicting principles to the field of specific, organizational, economic work.

Certainly, we cannot give up our guiding ideas; our social ideals will still remain our guiding lights. However, we must remember that today's task is not only to profess certain ideas, but also to find specific forms to bring these ideas to real life. Such an implementation should not be superficial or forcibly squeezed into the very body of the national economy. It should enter economic life organically and merge with it.

We cannot block the flow of the developing economic life, but we must direct it according to our social interests by all the means available to us.

To resolve the agrarian problem, we must delve into the very nature of farming. All of our activities aimed at this goal must be consistent with the basic laws of agricultural development.

In the vastness of our huge homeland, the forms and directions of agricultural development are far from the same. Different economic patterns determine different land relations.

In Asiatic Russia, we still find pasture land; in the southeast, there is still farming without manure but with long-term fallows instead; and in central Russia, dairy cattle breeding and fodder crops are rapidly developing.

Under such circumstances, the agrarian question cannot be solved uniformly for the whole country. There should be a special solution for each agricultural situation. This is the new formulation of the agrarian question in all its complexity.

We will need many months of hard work to see clear and concrete ways to solve it. There will be conflicting opinions and contradictory methods for agrarian reform. However, we clearly understand the key solutions of agrarian disputes.

Everyone agrees that the peasant labor economy should be the basis of the agrarian system in Russia, and that this economy should use the land of our homeland.

This land transfer must be carried out according to the state plan of redistribution. It will take into account households and economic features of certain regions of our fatherland and will be systematically and orderly implemented without disturbing the intense production activities of the national economy.

We are all clearly aware that the land system is only a part of the solution of the agrarian problem. After providing the peasant economy with land, we must organize this economy by enriching it with culture and agronomic knowledge, by creating powerful cooperatives, strengthening its position in the market, and providing it with affordable loans.

This is the path our agrarian reform will follow.

2. Formulation of the agrarian question

Under the current revision of agrarian programs, as when solving any question, success depends largely on how correctly the question is posed.

If the question is asked correctly and successfully, the question will solve itself by half. However, if we make mistakes in the very formulation of it, then all our efforts will be fruitless, and the work will be fatally doomed to failure. Therefore, before we begin to solve the agrarian question, we must carefully formulate it.

We must clearly identify exactly what the question in the agrarian problem is and what requirements the answer to this question must meet. Without such clarifications, our work on the agrarian programs will inevitably remain random and deprived of systematic planning.

The agrarian question can be approached from various starting points. Many of us tend to believe the solution to the agrarian problem is the realization of the basic social ideas in our worldview.

Some say that light, air, and land by their very nature are free elements and cannot be seized by anyone in private property. They belong equally to all and everyone. From this point of view, the agrarian question can be solved by liberating land from the shackles of private property. The agrarian reform should pursue this very goal, and once it has been achieved, the agrarian question will be solved.

Others approach the agrarian question using the principle of state socialization of all processes of national production. They consider agriculture to be a branch of state production, which delivers the products of farming and cattle breeding. Using this point of view, the agrarian question can be solved by organizing agriculture as a branch of the state economy based on the same social principles as other industrial sectors.

We, the social builders of today, certainly do not deny the great importance of these social ideas, but we cannot accept them as a starting point to solve the agrarian question. Explanations of this denial are listed below.

Every social phenomenon consists of two principles — spontaneity and reason. Spontaneous development does not depend on someone's guiding will and follows its own laws, which people can learn

but are powerless to cancel or replace. The other principle is the dictate of social consciousness.

The organized public mind presented by the state and other forms has considerable power to influence social and economic development. However, when confronted with spontaneous laws of social development, it is far from absolute.

The impact on economic life of the organized public mind is especially limited, for here the spontaneous processes are extremely powerful and poorly amenable to rationalization. That is why when we start laying the new foundations of the agrarian system of our homeland, we cannot draw a plan, which relies solely on reason or our abstract ideas.

These ideas do not depend on time and place. The agrarian systems deduced from them are equally applicable to the Assyrian agriculture of Ashurbanipal³ and the era of Aristotle⁴ or Robespierre⁵; to the subsistence farming in Russia at the times of Radischev's *Journey from Moscow to Saint Petersburg*⁶, and to the contemporary Russian village covered by cooperatives and reorganized into a monetary commodity economy.

This is a situation with which we, the builders of real life, cannot agree. We believe that at different phases of agricultural evolution, we face different issues of agrarian policy that need different solutions.

In the Kyrgyz nomad camps of Central Asia, there are some problems of agrarian development in the Tambov three-field system⁷ — completely different problems. The agrarian system of the Estonian village outlines a different path of agrarian development, than the vineyards of the southern coast of the Crimea, or *kishlaks* with irrigated rice and cotton in the Zeravshan valley.

Finally, there is very private land ownership that does not meet our ideals. Nevertheless we do not consider it a social misunderstanding accidentally determined by seizure. For us, private land ownership is a social fact generated by time and place. It has social roots not only in the seizure by those in power.

Thus, the only way to solve the agrarian question seems to be a detailed and thorough analysis of the existing organization of agricultural production and of the agrarian and labor relations determined by it. It must include a study of the origins of the systems of economy and agrarian relations together with possible ways and tendencies of their further development.

3. Ashurbanipal (669 — 633 BC) — the famous king of Assyria.

4. Aristotle (384 — 322 BC) — a great Greek scholar and philosopher

5. Robespierre Maximilian (1758–1794) — the famous leader of the French Revolution

6. Radishchev Alexander (1749–1802) — a Russian writer and philosopher.

7. Three-field system — an archaic system of crop rotation that was widespread among peasant households in pre-revolutionary Russia.

However, such research is not the end of our work. We must not only study and describe the reality and trends hidden in it, but also estimate it. We must give a social assessment of the observed facts.

Therefore, at the next stage of work, we should set theoretical criteria that allow an evaluation of both the analyzed organization of production and the agrarian relations inherent in it. The criteria should include possible ways for their further development.

Then we should use these criteria to reveal shortcomings in the existing agrarian and production systems to develop such forms of an agrarian system that would lack the existing shortcomings and not contradict the spontaneous development of economics. Finally, we should use these criteria to suggest a number of necessary state and public events to realize our plans. Only this way promises us real success and protects us from heavy disappointments.

Our statistical, economic, and historical research provides us with strong weapons for doing this. The most crucial task for our entire work is to set social criteria determining the direction of it.

Usually one of these criteria is the development of productive forces. Any changes in the economic system that increase the productive power of the national economic mechanism and multiply the country's total national income are progressive.

For us, the representatives of labor democracy, the development of productive forces in agriculture can be expressed in the improved conditions and methods of the people's work on the land. This increases the productivity of this labor. Such an interpretation considers the increase in national wealth not per unit of capital or land, but per capita. All reforms and any impact of the organized public mind on our economic life should be evaluated from this point of view.

However, we cannot use only this criterion. For us, the democrats, it is not enough to organize national production; we must also think about distribution. We do care about the fate and possessors of national wealth produced by the people's labor in our fields.

Therefore, in addition to the production criterion, we must develop a criterion that allows for an assessment in terms of the distribution of national income. This criterion is the democratization of the distribution of national income. In other words, it is the most uniform distribution among all people contributing to its creation.

When applying this principle to the organization of our life, we cannot confine ourselves to agriculture only, but must keep in mind the national economy as a whole.

In modern society, the economic life long ago carried out a complex social distribution of labor. The labor of the peasant, agronomist, worker, merchant, engineer, employee, banker and sailor has divided our society into special production groups and classes.

Our national income is the product of not any one of these groups, but of their joint work. In a piece of cloth bought from a rural merchant, you will find the labor of a farmer, a factory worker, a railwayman, an

engineer-technician, and an inventor of a steam engine. It is difficult to discern in the final product which part of its value was created by whom. The same applies to all products. Thus, when we start to organize the distribution of our national income among all the workers who created it, we cannot confine ourselves to any one branch of the national economy. Instead, we must aim at the general redistribution of national income.

When speaking of the redistribution of our national income, we hardly consider something like the black market redistribution of available material goods. Only a young, revolutionary democracy in its youthful and naive condition could consider such an aim. It is clear to every economist that such actions do not solve the problem.

Therefore, we are talking about new production relations that will ensure that the national income will be distributed more democratically than it is now distributed.

Thus, we insist on (1) *the greatest productivity of people's work on the land, and (2) the democratization of the distribution of national income*. These are our two main criteria to assess the existing system of agrarian relations, their historical past, and possible ways to the future.

These criteria can be also used to evaluate conceivable systems of production relations, including the system of state socialism and anarchist communism, which can be considered ideal organizational expressions of the second criterion. When applying these criteria to evaluate our agrarian projects and state measures, we should not forget for a moment that there are two criteria. We should evaluate each phenomenon from both a production and a distribution point of view.

Such assessments can be conflicting and even opposite, for what increases productivity does not necessarily ensure democratic distribution, and vice versa — not every democratization increases production capacity. However, we cannot offer a general solution to these conflicts and should try to creatively and harmoniously combine both organizational principles in each case.

3. “Land to the working people!”

The main demand of all democratic agrarian programs is the slogan “Land to the working people!”

According to this slogan, all land used by the large landlord economy must be given to the peasant labor economy. Before accepting this demand, we should evaluate it using two criteria from the previous chapter.

First, we should decide if the peasant labor economy, in which only the owner and his family work, is just as powerful and perfect an economic organization as the large, capitalist economy, in which work is done by wage workers, while the owner deals only with the control and general management of the enterprise.

In due time there were many scientific papers and heated debates about the struggle of large and small economies in agriculture. Sup-

porters of the large form of production pointed out that in agriculture, small-scale farming was as doomed to perish as was the manufacturing industry. This was because the capitalist factory long ago killed the artisan and handicraftsman.

Advocates of small-scale agriculture objected by pointing to a number of fundamental features of agriculture, which determine different results in the struggle between large- and small-scale production in agriculture compared to industry. If we recall these old disputes and arguments of the opponents, we certainly will admit that, other things being equal, a large-scale economy almost always has an advantage over a small-scale economy. This is a basic economic law. It would be absurd to deny it.

However, when recognizing this law, we have to ponder it and then, observing even the manufacturing industry, we will have to admit that large-scale production does not overcome small-scale production equally in all branches. In some branches it completely replaced small artisans and handicraftsmen; for example, hand spinning was crushed by a mechanical spindle.

According to the Barykov's research⁸, a Kostroma female spinner-peasant selling her yarn at factory prices worked for approximately 8 *kopeks* per a 14-hour working day. In such conditions, no competition is possible.

However, in weaving, we already see a somewhat different state of things. Until now, hand weaving is still common in the Moscow and Vladimir provinces. Although the conditions of its existence are difficult, it still withstands competition with the factory. Actually, commercial capital captures hand weavers, but the production remains small-scale.

Among locksmiths, fullers, toy-makers and the like, small-scale production still prevails. Thus, even in industry itself, the advantages of large-scale production over small-scale production are not always the same: in some branches they are overwhelming, in others they are insignificant.

Therefore, when we talk about the advantages of a large form of production over a small one, it is not enough to recognize the advantages. It is necessary to ask ourselves a quantitative question about the quantitative measure of such advantages of a large economy over a small one. If this question involves agriculture, we should answer that the advantages of the quantitative measure of large-scale farming over the small one are insignificant.

This is primarily because in industry, large forms of production displace small ones mainly if there is a possibility for the spatial concentration of production, i.e., if tens of thousands of horsepower can be reduced to one steam engine or if thousands of workers can be placed under one roof of a multi-story factory building.

Such changes provided huge savings and significantly reduced the cost of the manufactured product. If there was no way for such

---

8. Barykov V.I. (1868–?) — a Russian Zemsky statistician of the Kostroma province.

a spatial concentration, there was no victorious procession to large-scale production.

In agriculture such a concentration is unthinkable. What is agriculture? At its core there is the human use of solar energy at the surface of the earth.

One cannot collect sun rays falling on a hundred *desiatinas* on one *desiatina*⁹. One can only catch them with the green chlorophyll of his crops on the entire territory of his field. In its very essence, agriculture is inherently connected with space, and the larger the agricultural enterprise, the larger area it should occupy. No spatial concentration is possible here.

I will give a small example. A manufacturer with an engine of 100 horsepower willing to increase his production by ten times can install an engine of 1,000 horsepower and, thus, significantly reduce the cost of production.

A rural owner plowing his field with one horse and willing to increase its crops tenfold, certainly, cannot get a horse ten times larger in size. He is forced to get ten horses of the same quality as the first one. He can slightly reduce the cost of production by transitioning from a horse traction to a tractor (automotive). However, an owner of one tractor cannot increase its power according to the tenfold increase in crops. He is forced to get ten of the same machines working simultaneously in different spaces, which will reduce the cost of production insignificantly. The same applies to other implements — seeds, fertilizers, cattle, etc.

A rural owner willing to increase his production in most cases should increase the number rather than the size of his implements. Therefore, the quantitative measure of the benefit of enlargement cannot be significant.

Moreover, it should be noted that the very nature of agricultural production puts a natural limit on the enlargement of the agricultural enterprise. Whereas agriculture is inevitably scattered in space, the farmer has to move a huge number of objects throughout this space — people and animals, machines, fertilizers, and products must be transported.

The larger the farm and its cultivated area, the greater number of products will be transported for a greater distance. The cost of transportation within the farm will increase per the economy as a whole and per unit of production. The more intensive the farming, the deeper and more careful the cultivation of the land, the more fertilizers and care for crops are needed. Also, the more often the farmer travels from the farmstead to the fields, the more expensive these trips are for the cost of the product.

The extensive grain system in our Orenburg or Saratov provinces allows the farmer to make only two trips — for sowing and harvesting. However, if he begins autumn plowing for spring crops and brings manure to the fields, the number of trips will increase accordingly, which we can observe in our central agricultural provinces.

---

9. Desiatina (Desyatina) — an old Russian unit of area measure: 2.7 acres or 1.1 hectares.

Further intensification in the form of pre-sowing tillage for industrial crops and replacement of cereals with beets, turnips, and potatoes will increase the number of trips to such an extent that every extra *sazhen*¹⁰ on the way from the farmstead to the field makes difference.

All the benefits of the enlargement of production are brought to naught by the rise in the cost of within-farm transportation. The more intensive the farming, the sooner this happens.

Our Orenburg and Saratov farms often consist of a manor managing a territory of two or three thousand *desiatinas*. In the Poltava province, such an enlargement would be impossible. In the Kiev province and cultural countries of Western Europe, the costs of within-farm transportation further limit the size of the economy — to an optimum of 200-300 *desiatinas*.

There are cases under the intensification, in which the large owners were forced to divide an estate into several separate farms (*khutors*). At the time, they were large landowners and small or medium-sized farmers.

Thus, the very nature of the agricultural enterprise limits its enlargement, so the quantitative measure of the advantages of a large-scale economy over small farming can never be particularly significant.

However, for us, such an admission is not enough. Let us examine where the advantages of a large-scale economy over small farming are mainly manifested. The large farm mostly wins in the relations with the outside world. A large buyer and a large seller in the market of a large-scale economy enjoy all the benefits of the wholesale market and cheap bank loans, whereas the peasant remains in the power of buyers and usurers.

Further one can note significant advantages in the use of complex machines, such as separators and grain-cleaners, of males for breeding such as bulls and studs, and, most importantly, of agronomic science by inviting agronomists and specialists.

However, in all these spheres, cooperative practice clearly indicates the possibility of making the advantages of a large economy available to small peasant economy. It is sufficient to separate those branches of the peasant economy, in which large forms have undoubted advantages over small ones, from individual peasant farms without destroying their individuality. It is also possible to organize them into a cooperative, i.e., to make them a large-scale production. In all cooperatives, small peasant farms reach such a large size and production capacity that they exceed the possibilities of any large, private farm.

Russian cooperative centers — Moscow People's Bank, Moscow Union of Consumer Societies, Central Partnership of Flax Growers, and the Union of Siberian Dairy *Artels* — unite hundreds of cooperatives and millions of peasant farms with a turnover of tens of million rubles.

10. Sazhen — an old Russian measure of length: 2.3 yards, 2.1 meters.

Therefore, because of the features of agriculture and the potential of the peasant economy to cooperate in separate branches, a small-scale, peasant economy as an economic organization is technologically not inferior to a large, capitalist, agricultural enterprise.

However, to prefer the peasant labor economy to the landlord or capitalist economy, we need to identify not only the lack of advantages for large farms, but also their availability for peasant farms.

Are there any advantages? To answer this question, we have to delve into the nature of the peasant economy.

So far, we have considered large and small farms, but, today, for the majority of economists, this opposition seems obsolete and wrong in its very formulation.

Speaking of small and large economies, we again contrasted quantity and quantity, although, in fact, this is a qualitative opposition.

We have to contrast not small and large economies but rather a labor economy based on the workforce of its owner and his family and a capitalist economy based on wage labor.

These are two fundamentally different types of economic organization.

A semi-subsistence peasant labor economy is nearly always closely connected in its organization to the consumer budget of the household. This determines the task of this type of economy.

This task is to obtain the means of subsistence for the household with the fullest possible use of its means of production and workforce.

Such a statement in no way applies to the capitalist economy for it denies the last condition. The whole definition is eventually reduced to the following: *the task of the non-labor economy is the fullest use of capital invested in the enterprise, or, briefly speaking, maximum profit on this capital.*

This definition, in its turn, cannot be applied to the labor economy because it admits the possibility of benefits of a smaller profit on capital (by calculating profit by assessing one's work according to wage rates), if there is an opportunity to use the family workforce much more extensively and eventually achieve a greater increase in the means of subsistence.

In other words, the task of the capitalist economy is *net profit*, whereas the task of the labor economy is *gross profit*. A high gross profit does not always coincide with a high net profit. Thus, there is no need to admit in many proofs that, from the point of view of the greatest productivity, the interests of the labor economy largely coincide with the interests of the national economy as a whole. This is a huge social advantage of the labor economy.

I will try to explain my idea with a small example. We have a flax crop and an oat crop. As a labor-consuming crop the former requires one hundred working days per *desiatina* and ensures a high gross profit, whereas the latter requires only twenty working days and provides a small gross profit but a higher net profit as can be seen from the table.

Limited in its land area, there is no doubt that the peasant economy will always prefer flax to oats, whereas the capitalist economy will always do the opposite and will sow oats.

Crop	Gross profit	Cost of labor	Other costs	Net profit
Oat	40 rubles	20 rubles	5 rubles	15 rubles
Flax	115 rubles	100 rubles	10 rubles	5 rubles

The flax crop increases the national income and the scale of work on the land, which is also desirable for the national economy in general.

From the point of view of production, these are the grounds that make us prefer the peasant labor economy over the capitalist landowner economy. It is hardly necessary to prove that we should also choose the peasant economy for the democratization of the national income.

4. What we should do with forests and special types of economy

In the previous chapter, when we considered the peasant labor economy to be the most perfect, economic organization of people's labor in agriculture, it combined some of its economic branches into a cooperative, and we meant the most common forms of agriculture, i.e., growing traditional field crops and breeding cattle.

One is tempted to ask whether our findings can be applied to all types of agriculture, or do some of them constitute an exception to the general rule?

These questions refer mainly to forests and special types of agriculture, such as livestock breeding, plant selection, horticulture, and so on. Some technical features of these types of economy make them exceptional.

A properly organized agriculture that divides forests into many dozens of plots, which are gradually cut down at the age of 60-80 years old and then artificially planted, requires huge areas. It also requires a plan of development for future decades and a single will to implement this plan with the hands of numerous workers, watchmen, foresters, sawyers, forest wardens, clerks, estate managers, forestry scientists, plant pathologists, and entomologists.

The size of such an economy and its inherent complexity in the division of labor among numerous categories of workers make it impossible for a labor economy. Therefore, when forests are made public property, they cannot be divided among individual labor economies or even communities (*obshchinas*). Instead, they must be placed partly under the management of self-government bodies and partly under state management (forests of national importance).

Quite different reasons turn our attention to livestock breeding. These include selection and other types of economies, which require greater knowledge and workmanship than large capital and numerous workers.

There are very few such farms, and their organization consists of two elements. The first is a creative mind, which has mastered the whole stock of knowledge accumulated by mankind in this field; a mind that

explores and often guides the economy intuitively. The second element is numerous workers performing tasks assigned by the agronomical mind.

No one can deny the great importance for the state of such economies, and the number of leaders who can manage them is negligible. The importance of their knowledge and work forces is significant for the creative will of the state. Their own hands, but also a number of other hands form a powerful working device to fully realize this will.

We do not now resolve the controversial issues of whether such economies should become state or cooperative, or what should be done under the reform with the privately-owned ones. It is clear only that these economies cannot become labor economies.

After these lines I can be accused of inconsistency. One can ask that if I value cultural economies so much, why do I not stand up for the preservation of private farms, which are, on average, much more developed in terms of their culture than peasant economies. If private farms are given to the currently unenlightened labor economy, the productivity of the land will certainly and significantly decrease.

I will answer this reproach by stating that privately sown areas make up only 11% of the total sown area of European Russia. A reduction of their yields by half will reduce the total national yield by only 5%.

Undoubtedly, the rise of agronomic technology after the land revolution will quickly cover this deficit.

It is much more dangerous that the harvest of these 11% of the sown area was sold nearly totally by private owners, whereas the harvest of the peasant economy for the most part was consumed by the household. Thus, more than 40% of the total amount of bread on the market was the bread of private farms. Certainly, the transfer of private lands to the peasant will weaken the commodity character of their exploitation, and the supply of grain bread to the Russian market will immediately decline, which will significantly raise prices and reduce our exports.

However, the growing needs of our peasant way of life will force the peasantry to increase the monetary value of their economy and, thus, gradually increase the supply of bread.

5. Land question or agrarian question?

A few days after the formation of the Provisional Government, a large red poster, "Land and Freedom — Ministry of Agriculture," was hung at the entrance of the ministry in Petrograd.

The old Narodnik slogan that has been the banner of revolutionary demonstrations for decades, became the banner on a state building.

What will be the government work under this banner?

What is "freedom"?

What is "land"?

For us, the builders of New Russia, freedom means not only liberation from the arbitrariness of the old authorities and police surveil-

lance, but also the free creation of the democratic state and democratic *zemstvo*¹¹. It means the joint work of all the living and cultural forces of our homeland on the development of public education and health and the organization of the spiritual and economic life of our people.

Similarly, when we talk about land, we think not only about *desiatinas* of arable land, meadows and forests. The land itself is of little interest to us.

When we talk about land, we mean work on the land. The labor of the farmer is the economic basis of our state, and it must be protected and organized by democratic Russia. We must facilitate work on the land, multiply its power, improve all its conditions, double and triple its productivity.

The first condition of the farmer's work is certainly land; therefore, the first step of our agrarian reorganization must be land reform.

All the lands of our homeland should be given to free labor. However, we frankly admit that that the land reform alone cannot help our village.

For half a century after the liberation of peasants, they bought about 27 million *desiatinas* of mostly arable land from private owners.

The complete nationalization of non-peasant private land will mean that the price of 20 million *desiatinas* of land permanently leased from owners will be reduced and paid not to the owners but to the state. It means also that about 10 million *desiatinas* of owners' plowed land, (a part of the income peasants have already received in the form of wages), will expand the area of the peasant economy.

If our peasant labor economy absorbs all the capitalist plowed land and means of production, its expansion will be insignificant. Before the Revolution our agriculture was predominantly peasant.

The agricultural census of 1916 shows that in 44 provinces of European Russia, 89 *desiatinas* out of every 100 *desiatinas* of cropped land were peasant, and only 11 *desiatinas* were of the landlords. The census also shows that 93 horses out of every 100 horses in agriculture were peasant, and only 7 were of the landlords.

Nevertheless, we still consider land reform the first and most important step of our agrarian reform. This is because the quantitative value of private lands given to peasants is insignificant, but their moral value is great.

For the peasant, there are so many memories of serfdom associated with private lands that the moral significance of each landlord's *desiatina* is many times greater than its economic value. Therefore, the land question is urgent, and the land reform is our primary state duty.

However, to start the reform we must clearly remember that it is only an introduction to our hard and long-term work on the organization of agriculture. Land reform is only a part of agrarian reform and, perhaps, the easiest part.

11. *Zemstvo* — an elective local rural council established after the liberation of the serfs in Russia.

First of all, we must not only give land to the working peasantry, but give it in an organized form and, at the same time, organize the land of the peasantry.

The strip allotments of land in 1861, the endless division of land in redistribution in rural communities, the unsystematic allotments of separate farms (*khutors*) and pieces of land, the Stolypin consolidation of land — all of this determined an incredible land chaos in our village.

Correct land surveying, the rounding of borders, getting rid of strip farming and small strips in rural communities, i.e., the general organization of land, will provide our peasant with not less but more benefits than giving him private lands. If the general organization of land is combined with the latter, we will witness the greatest era in our agrarian history.

Certainly, such a land system will be complete only if supported by extensive reclamation works on drainage and the irrigation of uncomfortable lands. It must be accompanied by the resettlement of the population from land-hungry to land-rich areas.

This will be the final step in the organization of one of the conditions for the people's work on the land, which is land itself. However, agricultural labor requires not only land but also other means of production: buildings, machines, implements, and seeds.

Before the war, the supply of rural households with means of production was in the hands of private commercial capital. Only the *zemstvo*, cooperatives, and in part the Resettlement Department tried to organize the distribution of the means of production on a voluntary basis.

The supply of agriculture with means of production was guided not by the interests of production, but by the goal of maximum profit for private capital. Due to its exceptional circumstances during the war, the supply of the country with machinery and binder twine was concentrated in the hands of the association of three *zemstvo* partnerships, the People's (Cooperative) Bank, and the state represented by the Department of Agriculture.

It is necessary to consolidate this achievement so that the supply of agricultural labor with the means of production will be confidently controlled by the democratic state and public institutions.

The human labor must organize the economy from land and the means of production. And, in this organization of production, we must help our peasantry. Despite huge changes of the last decade, our peasant economy is technically backward. Many arable lands are still organized in the form of our grandfathers' three-field system and hoed by plow, and the peasants' method of cattle breeding aims mainly at manure production.

Meanwhile, the future of our country, the entire strength of our democratic statehood depends on the dynamic and rapid rise of our agriculture. It depends on how successfully we will "make two ears grow upon a spot of ground where only one grew before."

Our Constituent Assembly can nationalize land and transfer the country's supply with the means of production to the state. However, neither the Assembly nor any other power can order and force the

Kalmyk to grassland farming and the Tula peasant to intensive dairy farming with the use of skim milk to feed Berkshire pigs.

Indeed, in due time, the Empress Catherine, King Frederick the Great, and other representatives of enlightened absolutism used violence with guns and executions to introduce potatoes. However, there are grounds to believe that such methods are beyond the power of the public mind, even with all the power of the state.

There are millions of economic agents with their own skills and ideas about agriculture, who will not obey any orders. They will do everything on their own and according to their understanding.

It is necessary to draw their attention with verbal and written explanations to the possibility of changes in traditional methods of work. It is necessary to convince the population of the advantages of new agriculture by examples and obvious cases, to prove its greater profitability, and, moreover, to awaken the population to activity and give people an emotional push.

These tasks have been solved for more than a decade by *zemstvo* agronomists in the very heart of our village. These tasks are as follows:

1) Introduce into the national economy the improved methods of farming and cattle-breeding.

2) Change the organizational plan of the peasant economy in the direction of greater compliance with the current economic realities of the country.

3) Organize the local population into unions and groups. On the one hand, this will use the cooperative generalization of individual aspects of production to provide the small farm with all the advantages of the large one. On the other hand, it will take on consolidation and the further development of new economic principles.

Today, when the frozen agrarian forms become flexible and are ready to turn into a new agrarian system and when the people's psychology gets rid of the ossification, the social agronomy faces an exceptionally important challenge of bringing agronomic reason into the spontaneous process of creating a new agrarian system and a new agriculture.

Our young cooperative movement is no less responsible for this than the organized economic initiative of our peasantry.

The task of the state is to provide all possible support to both types of creative work.

By supplying the people's work on the land with the means of production, by organizing the peasant economy on new principles, and by strengthening its power with cooperation, we will facilitate the relationship of a peasant economy with the world market.

We must bring the peasant closer to the market by building new railroads; we must facilitate the use of transportation by revising our tariffs in the interests of agriculture; we must protect the products of our agriculture in foreign markets by new customs treaties and trade agreements.

We must also correlate the heavy postwar tax burden with the capacities of the peasant economy.

I can continue this list of tasks for our agrarian development, but from the above, it is already obvious that our future work goes far beyond land reform.

The agrarian question we are to solve is much broader than the land question. Yet, because of its inherent social acuteness, the latter can push out of public attention all other issues related to the people's work on the land.

6. Forms of land socialization

Certainly, the land question will be the part of the agrarian reform that will attract the greatest public attention. We put it in the first place due to its inherent social acuteness and great moral significance. However, the fact that the land question is brought to the fore does not mean that we must first carry out the land reform and then proceed with the development of other sections of the agrarian program. It is our deep conviction that all aspects of the agrarian reform should be developed and implemented simultaneously.

The reform of land use is inconceivable without restructuring economic organizations. Therefore, the land reform will yield insignificant results if it is not accompanied by land resurveying, melioration, agronomical reforms of production itself, and a credit system for restructuring farms.

To take land from private owners, especially large ones, seems a relatively easy task. It is much more difficult to organize this land, distribute it among labor economies, and organize the cultural labor economy that is not inferior in its productivity to the old private economy.

If we consider and imagine only the organization of the distribution of land taken from the private owner, we will face a huge and extremely difficult task, which requires efforts of all the organized forces of our state.

The simplest way to expropriate private property would be to allow neighboring peasants to seize private estates and follow the principle of "grab what you can." However, such a land reform would confuse and complicate the agrarian question rather than solve it. Only the neighbors of landed estates would benefit from such seizures, whereas the majority of peasants would stay with what they had. Landed estates would be seized mainly by strong peasant economies with the greatest economic power and are capable of cultivating the seized lands. It was these strong farms and not the land-hungry ones that rented most of the landlords' land. Now, undoubtedly, they will try to secure the lands that are already in their use. Such results are unlikely to correspond to the social significance of the reform we are planning.

It seems perfectly clear to us that the organized public mind must use all the power of the state and public authority to direct the agrarian reform to the state solution of the social and economic tasks that we face.

The national economy of Russia outgrew its previous subsistence forms long ago. Our national economic organism is a single whole.

The agrarian need is the need of this very national, economic whole and not of individual villages or peasants.

Individual farms and areas are different parts of the same economic mechanism. They do different work but are connected by the unity of joint movement.

Therefore, our land reform, the transfer of land to the working peasants, should be carried out not by unorganized seizures, but according to the state plan of a land-use system. This plan takes into account households and economic features of different regions of our country and is systematically and orderly implemented without disrupting the production cycle of our national economy.

The last circumstance is evident for all of us, who painfully survived the severe food crisis. Once again it stresses the need to conduct the agrarian reform in an organized and state form. We cannot afford a single unsown *desiatina* and a single smashed and destroyed herd.

What are the main ideas of Russian public opinion considering the state solution for the agrarian question?

The idea of land *socialization* to the greatest extent contradicts the basis of the existing agrarian system. According to this idea, land is a public domain. We emphasize that it is a domain and not a property. It belongs equally to everyone, like light and air. The peasant labor economy is only a user of this free element.

To organize this use, the working peasantry unites into special bodies of land self-government and land communities. The state transfers land for distribution to these bodies according to the economic and social order, in the form of communal or households' land tenure. It can also introduce a large-scale, collective farm on the whole territory.

If land is free, if it cannot be owned, and does not have value, then every farmer should use it for free. State and local taxes are imposed on the economy, not on land.

However, the difference in soil fertility and in the position of farms should be taken into account by taxation that must put all workers in the same conditions of labor productivity. For temporarily weak and inefficient farms, the land community should organize public plowing and harvesting.

Buildings, implements and livestock should remain in private property together with agricultural products.

The idea of land *nationalization* is based on quite different creative grounds. Land rent and land value are not excluded from the existing social categories claiming that land can and should be a property. But land is to have one owner — the state.

As an owner, the state gets (1) the right to all land rent, which is the main source of public finances, and (2) the right of disposal of all the country's lands in national interests.

According to the latter right, the state gives a part of land to the labor economy on terms similar to rent and makes sure that the usable land of each family does not exceed the labor standard.

A.V. Chayanov

What is the
agrarian question?

And the state does not interfere in the internal structure of the economy and allows the possibility of wage labor.

Forests and special types of economy can stay in state and public use or be exploited on capitalist terms if it corresponds to the national economic interests.

The supreme command of land is in the hands of the state; at the local level, land is managed by local land authorities based on the principle of self-government.

One of the forms of nationalization, in which all local lands are at the autonomous disposal of the *zemstvo* self-government (its rights are limited only by the national law on land), is called land *municipalization*. Under municipalization, the local, self-government bodies collect land rent.

These are the basic ideas of the land system that are most common in our socialist circles. These ideas are somewhat similar to the ideas of the followers of Henry George¹². They recognize the right of all people to land and the right of every person to the products of his labor. They seek to establish these rights by taking away the unearned income from land (rent) in favor of all the people.

The single land tax in the amount of land rent is sufficient to solve the agrarian question, because land without rent will lose its value and, therefore, attractiveness for capital.

Capitalist land tenure will lose its meaning, and we will have only a labor economy and such a capitalist economy that is intensive and rational enough to survive under the tax equal to rent. This type of capitalist economy is of great value for the national economy.

Thus, the single tax system is similar to land socialization and nationalization by giving all land rent to the state bodies. But it is different for it does not suggest to the organized public mind to dispose of land. This system claims that without state intervention, the labor economy regime will establish itself on the lands free of rent.

This idea is particularly interesting, because it implies a solution for the agrarian problem not by an active state reorganization of the existing system of land tenure, but rather by creating a land regime in which the spontaneous process of economic evolution itself would lead to the sought-for ideals.

This idea is most developed in *the system of state regulation of land tenure* suggested by some economists. Under this regime, private land property remains, but the free sale and purchase of land are completely destroyed. Land ceases to be a free commodity. It can be sold only to the state and be bought or received only from the state. All lands at the disposal of the state form a land fund, which the state uses in the national economic interests by giving land either for use or into possession of farmers. Moreover, the state organizes and carries out the reclamation of lands at its disposal.

---

12. Henry George (1839–1897) — an American economist and journalist.

To speed up the transition of private farms into labor economies, a system of land tax is introduced. It reduces taxes for the labor economy, raises taxes for small and medium-sized private farms up to the alienation of land rent, and raises taxes for large farms even above land rent. In addition to this tax pressure, the state reserves the right to compulsory alienation of any land if it is necessary for the land system of a particular region.

When comparing the above-mentioned land systems, we should first note that their main differences are determined by motivation and justification rather than by specific conditions of land use.

Under all the systems, the farmer pays to the state or local self-government bodies a part of his income equal to or about the same as land rent. The difference in the names of payments or their justification does not matter from an economic point of view. Furthermore, using various state measures, all systems seek to turn the economy into the labor type.

We can arrange them in the following order of the increasing impact of the organized public mind on everyday economic life: socialization, nationalization, state regulation of land tenure, and, finally, a single tax system.

Land socialization simply prohibits wage labor in agriculture. If some types of economy cannot manage on their own with the labor efforts of the family, this system imposes on the society the organization of work on a labor partnership basis.

Land nationalization approves the labor principle by a compulsory restriction of land use by labor standards; however, it allows the use of wage labor in special types of agricultural production.

State regulation of land tenure places the capitalist economy in extremely difficult tax conditions. It forcibly directs all land resales in the interest of the labor economy.

The single tax system considers it sufficient to destroy land rent as the only source of landed property and capitalist farming.

In fact, all these systems aim at the same goal but use instruments of different power to achieve it.

The implementation and maintenance of land socialization requires the exceptional activities of all the organized forces of the public mind and an extraordinary amount of work. The implementation of the single tax system requires minimal state efforts, because it leaves all the work on the development and strengthening of the labor economy to the spontaneous process of economic evolution free of rent.

The basis of all organizational skills is the ability to correctly scale the estimated means to the sought-for goals and the means for achieving it to the possibility of their implementation.

A successful solution of the problem is the one that is based only on necessary and, at the same time, sufficient means. Therefore, to choose one or another way of approving labor economy, we should clearly answer the question of whether the planned set of measures is really necessary for the desired effect or can it be achieved with less effort and less waste of resources.

On the other hand, the opposite is also true: for example, when assessing the single tax system, we have to answer the question of whether the selected means are sufficient to introduce and maintain the labor economy. Considering quite a number of other measures, e.g., the prohibition of wage labor, we have to decide if such measures are feasible at all.

Only after evaluating the above-mentioned systems from the organizational-technical point of view, we can accept them as the guiding principle of real work.

However, we must remember that they are presented here as ideal schemes. And we have to do a lot of work to turn these schemes into reality and concretize them according to the conditions of the Russian village.

Therefore, I ask all those wishing to purposefully choose and implement any system of land use to imagine a well-known rural district (*volost*)¹³, for instance, the Shechipovatovskaya *volost* of the Volchansky *uezd*¹⁴ of the Kharkov province, or the Murikovskaya *volost* of the Volokolamsky *uezd* of the Moscow province. Then, consider the possible outcomes of the implementation of a particular system of land use for these familiar villages and farms.

The above described schemes can be fully understood only if translated into a whole world of concepts and living representations. We can confidently say that they will be differently turned into reality by residents of Samara, the Mogilev province, Vologda, or by the Cossacks from the Don.

Our vast fatherland has absorbed countries that are so diverse in their economic and everyday life that by enumerating them inwardly one can trace the economic history of all mankind.

The Siberian taiga reminds us of the period of hunting life, the steppes of Central Asia represent a nomadic economy, the Akmolinsk region and the Orenburg steppes preserve examples of a fallow economy. We know the belt in the Samara and Saratov provinces, where the three-field economy is only developing; we know all the phases of the decay of the communal three-field economy; we witness the rise of the grassland economy near Moscow, and observe the western regions of intensive farming and dairy cattle breeding in the Vologda province and near Moscow.

According to the differences in the organization of production, there are different production relations and ideals. In the northern Siberian regions, land is as free an element as light and air, and there are no grounds to introduce any right to it.

In some regions of Siberia, there is still a grabbing right to land: the farmer who cultivated a new land will be its owner as long as he works on it. Here, the right to land is the “right of labor” spent on its cultivation.

If population density increases, the grabbing right to land leads to conflicts and determines the need for some social regulation of agra-

13. *Volost* — a rural area administrative subdivision of *uezd*; the primary administrative unit for the peasants in the late 19 and early 20 centuries in Russia.

14. *Uezd* — a territorial administrative unit, a subdivision of the province.

rian relations. Thus, the land community develops. Its regulating activities lead to, according to the figurative expression of K.R. Kocharovskiy¹⁵, the “right to work,” i.e., the right to get land to work on. The workforce becomes an allotment unit for land redistribution.

Today, in some parts of the Astrakhan province and the southeast, we witness only the emergence of this regime and land ideology. But, in the regions where the land community is alive, the number of workers is the land redistribution unit, and the “right to work” is still the main idea of egalitarian redistribution.

In land-hungry areas, where the available land is too small to provide work for all under the existing field crop cultivation, because the land is barely enough to feed the population, the idea of the “right to life” spontaneously develops, and the land redistribution unit is the number of mouths to feed rather than the number of working hands. Consumer redistribution was discovered by *zemstvo* statisticians in a number of land-hungry areas.

Finally, when commercial agriculture develops and land becomes value and capital, the egalitarian community begins to disintegrate, and the ideology of private landownership begins to win the minds of farmers. Here and there we see only the start of this process, whereas the entire west and southwest of Russia have long ago switched to household land tenure.

Undoubtedly, such a diversity is not accidental; it has deep economic and everyday-life roots. Therefore, it is absolutely clear that we have to coordinate the content of our plan of land reform with the features of the local economic order.

A member of the land community from Samara willing to transfer his entire agrarian ideology will probably be greeted with stakes in the Mogilev province. Not a better fate will befall the fanatic from the Mogilev province in the Balashovsky district. And no matter how deeply we, the leaders of democratic Russia, are convinced of our agrarian ideals, we cannot follow the path of “enlightened absolutism” and forcefully introduce a single land regime in all areas of Russia regardless of their everyday and economic order.

Thus, our agrarian ideas are preliminary guiding schemes, and the task of local land committees and local departments of the League for Agrarian Reforms is to turn them into specific plans of the new land system.

7. Land reform

The ideas of land socialization, nationalization, and municipalization as the bases of the ideal land regime do not clarify the essence of land reform. They allow us to imagine a land system after the reform but say nothing about how the reform will be implemented and what the path will be from the existing land regime to the ideal one.

---

15. Kocharovskiy K.R. (1870-?) — a socialist revolutionary, the author of the book on the Russian peasant community.

Meanwhile, this is exactly the question that can cause great discrepancies and even irreconcilable confrontations between us, representatives of democratic Russia. Therefore, special attention must be paid to this question.

Actually, in many party programs, we find some indications of the path of agrarian reform. However, we can confidently say that these sections of programs are the least developed and strongest parts of them. Only some issues of the agrarian reform have become sufficiently clear.

First, for most of us, it is clear that the future land system should be based on the interests of the state as a whole, and in the same way, the paths to this new system should follow the interests of the state. There can be no regional or local ways to solve the agrarian question.

We must take into account household and economic features of different regions. We cannot impose on the local life recipes for those aspects of the agrarian organization that concern them and only them. However, in the course of our agrarian reform we must not for a minute forget the interests of our national economy as a whole.

One example will be enough to prove the importance of what was said above.

Imagine our southeastern provinces. Peasant and Cossack economies there still have large enough plots for extensive grain farming of almost a fallow type. There are also large private and state lands in these provinces. Perhaps, for Samara and Orenburg peasants, the best solution will be to divide these estates among peasant farms, thus, increasing their size by ten or fifteen *desiatinas* each.

However, such a solution is unacceptable for the state, because an increase in the already large plots would strengthen for years the most extensive forms of farming and would not contribute to the growth of the productivity of our national economy. From the state's point of view, it is much more valuable to use these alienated lands to settle settlers from land-hungry provinces.

In the Kiev and Podolsk provinces, in some parts of the Poltava province, overpopulation is so enormous that, despite exceptionally intensive farming, the people's labor cannot be used even in half.

The outmigration from these provinces to the southeast will reduce their population and, undoubtedly, will intensify our southeastern economy and, thus, significantly increase our national income. However, we are equally certain, that the settlers will encounter a very hostile attitude and the serious opposition of the local population.

Here, the interests of the whole are confronted with the interests of the units. The key secret of agrarian reform is the ability to reconcile these interests, which is an extremely difficult task. Local interpretations of the state issues are the most dangerous pitfalls of the agrarian reform.

In one of the chapters I pointed out that every social phenomenon consists of an element and reason. These two manifest themselves not only in the future agrarian system, but, unfortunately, in the very implementation and discussion on the reform.

One element that does not take into account arguments of reason and does not accept the laws of logic will play an important role in our future agrarian development. Nevertheless, reason should not lay down its arms. It must exert all its power to direct the resultant force of the historical progress closer to the state course of the reform.

What does reason tell us? How does it portray the desired course of the agrarian transformation?

First, it tells us that the organized egalitarian redistribution of state and private land in the interests of the working people requires an infinite number of the most difficult statistical, land-surveying, and organizational activities. Even if there are no social difficulties and social resistance to the reform, such a huge work will require many years to finish it.

Therefore, whatever regime we take for an ideal, we will approach it only after a long transition period.

Only systems of the single tax and state regulation of land ownership can be introduced almost immediately, because they establish new conditions for economic life and do not create a land system. This is especially emphasized by the fact that, for example, the state regulation of land ownership as we described it in the previous chapter, can be both an independent land regime and a transition stage for land socialization, nationalization, or municipalization, depending on the policy of regulation.

The state regulation of land ownership is such a powerful instrument of the Organized Public Mind that, provided the strong pressure of the state, it can force the spontaneous process of agricultural evolution to automatically come to nationalization or municipalization in one or two decades.

It is our deep conviction that three means of the state regulation system — progressive land taxation, abolition of free land purchase and sales, and the right to expropriate any land — are necessary and sufficient for the state to get full control of land reform. However, we admit that political conditions and the understandable impatience of the broad democratic masses can force the state to speed up the reform by a violent method of implementation. At the same time, we must clearly realize that the immediate issuance by the Constituent Assembly of a decree declaring that, from some date, all land is state property is not yet a land reform.

The state should not only declare that all land constitutes its property but it must also organize this transfer of land into its hands. The very fact that the decree was issued does not really make land a public domain.

If the law on land nationalization is issued without a system of measures for the transition period, we will have only a dangerous state fiction. That is why we will have a long transition period in all cases.

During this period, we have to be extremely careful in two respects.

First, with respect to those relatively few private estates, which are centers of culture. Livestock-breeding farms, plant-selection farms providing the country with seeds, horticultural economies, stud farms, dairy farms, and other similar types of economy are the cul-

tural treasures of our country and a public domain. It is our deep conviction that almost all these types of economy can become labor economies on a cooperative basis.

Today necessary cooperatives have not yet matured, and we do not have organizational forces to transfer all these types of economy into the hands of the peasantry. Therefore we should take special care to ensure that the fine thread of our cultural agronomic tradition does not tear.

Cherry orchards should not be cut down, stud farms and breed herds should not be sold and destroyed, fields of selection farms that produce new varieties of plants should not be sown with a poor grade of oats. All these cultural values are our common cultural heritage. In the name of our future we must save them from being plundered and destroyed.

The second issue that requires a particularly cautious approach is land privately owned by peasants. Over the last decade, our peasantry has bought from other classes about 27 million *desiatinas* of land.

This land is scattered among thousands of peasant farms and often bought with hard-earned money. It is not uncommon that this land exceeds the labor standard. Quite often it exceeds allotments of whole land communities and even districts (the Cossack lands). Therefore, we consider it dangerous for the state to be pedantic in the implementation of the reform and to begin immediately to alienate all peasant land above a certain labor standard. Such a measure is acceptable only after socialist ideas penetrate deeply into all minds of our village and become firm beliefs. Otherwise, violent strife among peasants and Cossacks is inevitable, which will pave the way for a counter-revolutionary strike. Thus, although logically this measure is a correct conclusion from the idea of land socialization, politically its premature implementation will be fraught with terrible dangers.

The same or nearly the same applies to the question of refundable or gratuitous alienation of private land. If one believes that landed property is an accidental social mistake, then this question can be easily solved by the gratuitous alienation of private land.

However, for us, who believe that even though it does not correspond to our social ideals, landed property is a fruit of the historical development of national economic life with sufficient social roots, the question of alienation of private land cannot be so easily solved.

We cannot consider the existing landowners as invaders and usurpers. They and their property are the consequence of the existing economic system, which has developed historically and is now close to destruction by virtue of the same historical necessity.

Land reform is the reform of our economic system and not the division of wealth between different groups of the population.

When we consider agrarian reform a complex organizational-economic task, we are interested in only one question: what is the easiest way (i.e., with the fewest difficulties and costs) to socialize land and give it to the labor economy?

From this point of view, we have to oppose, on the one hand, several billions of rubles of gradually paid-off state debt resulted from the state's payment of compensation for the alienated land. On the other hand, we must oppose a severe financial crisis determined by the denial to pay mortgage debts and aggravation of social antagonism, which paves the way for counter-revolutionary movements. We solve this opposition in favor of refundable alienation.

Our private land for the most part is mortgaged to the eyeballs in state and private land banks. Therefore, the value of private land largely belongs not to landowners, but to depositors of land banks and holders of mortgage bonds. In other words, gratuitous confiscation of private land aimed against landowners, in fact, misses the aim and, for the most part, falls on our financial system and on holders of mortgage bonds scattered among diverse social strata.

As of January 1, 1916, the amount of money lent by land banks on land and real estate in cities and districts (*uezd*) reaches *five and a half billion rubles*. If we subtract from this amount loans secured on city property and mortgage bonds of the Peasant Bank, we will get about *two and a half billion rubles* issued to landowners as loans secured on about fifty million *desiatinas* of land.

This money was given by depositors of land banks and holders of mortgage bonds scattered among diverse social strata. Suffice it to say that the deposits of our savings banks amounting to more than eight hundred million rubles are placed in securities of land banks. These few figures clearly indicate the possible financial danger and social discontent with that would occur with the refusal to pay land debts.

The idea of gratuitous confiscation with paying mortgage debts does not stand up to scrutiny from the point of view of elementary justice. This system implies paying debts of the squandered nobility at the expense of those cultural enterprises that managed to survive without indebtedness and had a large positive impact on our national economy.

Moreover, it is necessary to take into account the political outcome of this measure, because it will affect a huge number of small peasant landowners who have bought approximately 27 million *desiatinas* of land in private ownership since the reform of 1861. We consider it very difficult to carry out socialization of these lands in the near future, and yet their alienation without compensation will encounter extremely strong resistance and is fraught with political dangers.

When accepting the idea of refundable alienation, we involuntarily ask ourselves: in the end who will pay the landowners for their alienated lands? We suggest the following financial plan for the land reform. To our state debt, which by the end of the war will exceed 50 billion rubles, another 5 or 6 billion will be added to compensate for the alienation of private land.

The owner of the alienated land will receive government liabilities for an amount equal to the real value of land and not to its market

price. The state will annually pay interest on these liabilities and gradually repay them by extending the repayment period for 50-100 years.

Payments will be made from the general state budget. Because its revenue part is democratic, i.e., based on income and rent taxes, the propertied classes will bear the main burden of land reform. Certainly, the peasantry will also participate in paying rent and income taxes, thus contributing to the financing of land reform.

However, it should be remembered that according to the basic idea of income taxation, families with income below the statutory subsistence level are not taxed at all. A large number of land-hungry and weak peasants have incomes below this level. That is why only the well-to-do strata of the village will have to pay income taxes, and will thus pay the compensation for the alienated land.

The financial plan of land reform can be developed in different ways, but we have to bring to the fore the principle stating that the need for land is not the need of individuals or classes but the need of the state as a whole.

Land reform should be carried out according to the plan and at expense of the state as a whole.

8. Conclusion

In the previous chapters, we considered almost all the key issues of the agrarian problem. We did not seek to offer final solutions for these issues but rather tried to correctly formulate questions and outline some directions for their possible solution. We think that, at the present moment, when these lines are being written, we cannot take on any other task. We expect many months of hard work by many hundreds of local land committees, the State Land Committee, and League for Agrarian Reforms.

By no means can such work be considered predetermined; otherwise the very existence of local land committees would lose all meaning. It is our deep conviction that only they alone are capable of transferring agrarian reform from the world of abstract ideas and concepts to the real world of live representations and of making the reform a fact.

This painstaking and difficult work will gradually lead us to the solution of all the above questions. Such decisions will take into account local experience and follow the idea of social development. The creation of local and central bodies of land reform as its efficient apparatus, which is deeply rooted in the local life, will be the main token of the success of the undertaken reform. It clearly feels the heartbeat of local life and at the same time uses the full power of Russian economic science and the state's creative thought. However, the work of these bodies can be fruitful only if comprehensively supported by the living public opinion of the general Russian public.

Agrarian reform is the long overdue need of our entire state; therefore, it is every citizen's business and a direct duty for each of us. The

basic law of citizenship ethics tells us that participation in state affairs is everyone's responsibility. The most serious reproach to our civil conscience is that we did not do what we could do in our state building.

That is why we believe that we have the right to call all citizens to participate in the solution of the agrarian question and to remember that each of us is responsible for its successful solution.

A.V. Chayanov

What is the
agrarian question?

Translated by Irina Trotsuk

Что такое аграрный вопрос?

Александр Чаянов

Данный текст представляет собой перевод на английский язык брошюры «Что такое аграрный вопрос?», опубликованной А.В. Чаяновым летом 1917 года, между Февральской и Октябрьской революциями в России.

Молодой 29-летний профессор Чаянов принял активное участие в революционных событиях 1917 года, стараясь обосновать оптимальный план аграрных реформ для новой России. Чаянов стал одним из инициаторов создания так называемой Лиги аграрных реформ, в которую вошли многие ведущие аграрники различных политических направлений России с целью обсуждения и выработки целостной стратегии аграрных преобразований в России.

Научно-популярное изложение своих взглядов на аграрную реформу, суммирующее самые различные идеи Лиги аграрных реформ, Чаянов представил в брошюре «Что такое аграрный вопрос?».

В идеологической основе этой работы лежит реализация революционного требования «Земля — трудовому народу!», утверждавшего необходимость передачи помещичьих земель в руки крестьянства. Чаянов рассмотрел различные варианты такого перехода земель в виде аграрных программ социализации, национализации, муниципализации земли, единого налога на землю, системы государственного регулирования землевладения.

В проведении реформ Чаянов предлагал руководствоваться двумя принципами: 1) наибольшая производительность крестьянского труда, прилагаемого к земле; 2) демократизация распределения народного дохода. Широкое развитие крестьянской кооперации должно было обеспечить воплощение этих принципов в жизнь. Чаянов также всячески подчеркивал значение учета региональных и национальных особенностей в разрешении аграрного вопроса в такой огромной стране, как Россия.

Лично Чаянов склонялся к варианту аграрных реформ, совмещающих государственное регулирование землевладения и прогрессивное налогообложение. Но свершившаяся Октябрьская революция под руководством большевиков и левых социалистов-революционеров в своем «Декрете о земле» заявила о реализации самого радикального варианта аграрных реформ — социализации земли, таким образом оборвав поиски оптимально компромиссных аграрных решений, которые пытался осуществить Чаянов и его коллеги в Лиге аграрных реформ.

Брошюра Чаянов «Что такое аграрный вопрос?» является образцом теоретического и практического поиска альтернатив оптимального решения аграрного вопроса в интересах крестьян на основе широкой политической коалиции демократических сил.

Ключевые слова: аграрная реформа, крестьянство, революция, А.В. Чаянов

Сибирские узлы империи

М.Я. Рожанский

Михаил Яковлевич Рожанский, кандидат философских наук, научный директор Центра независимых социальных исследований-Иркутск. 664003, Иркутск-3, ул. Богдана Хмельницкого 30А. E-mail: mr1954@yandex.ru

Статья посвящена роли сибирского фактора в ключевых противоречиях российского развития, в том, что логика экстенсивного освоения пространства преобладает над логикой налаживания жизни, в воспроизводстве монополистического характера власти и имперского сознания. Автор обращается к концепции Пьера Бурдьё о «круговом подкреплении» (взаимозависимость физического и социального пространства) и анализирует, как и насколько она применима к социальному пространству России. Рассматривается новый виток внутренней колонизации и его оформление в идеократию, то есть систему власти, которая санкционирует себя как хранитель больших исторических смыслов и требует от подданных быть приверженцами этих смыслов. Возобновление власти центра (и новое учреждение гиперцентрализма) происходит, по мнению автора, во-первых, как подтверждение новыми акторами, составляющими «центр», абсолютной собственности «центра» на территорию страны, а во-вторых, как процесс вторичной колонизации (т.е. системы удержания населения), что и необходимо иметь в виду при объяснении воспроизводства империи.

Соглашаясь с концепцией о ключевой роли сибирского фактора в поисках путей преодоления логики экстенсивного развития (программа В. Зубова и В. Иноземцева), автор проблематизирует доксу единой субъектности Сибири как одну из составляющих оптики централизма в социальных науках. Презентация сибирской идентичности («сибиряки») не означает субъектности Сибири даже на уровне политической рефлексии. Одно из деструктивных следствий централизма в организации социальных наук — неспособность инструментально артикулировать субъектность края, земли, местного сообщества на языке социального знания. В статье обозначена роль конкретных социальных исследований и гуманитарного образования в продвижении к реальному федерализму

Ключевые слова: Сибирь, социальное пространство, круговое подкрепление, внутренняя колонизация, идеократия, местное самоуправление, федерализм

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-34-54

Бремя и миссия

В книгах и статьях о перспективах развития России, опубликованных с начала века, одна из самых цитируемых работ — «The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold» историка Фионы Хилл и экономиста Клиффорда Гэдди (Hill, Gaddy, 2003). Оценки этой книги в России радикальны. Ее либо

определяют как доказательный диагноз основных российских проблем, либо обвиняют в выполнении геополитического заказа. Идея книги проста и убедительна: госплановская советская экономика разместила в Сибири предприятия и города, поддержание которых непосильно для России. И если не подсократить «сибирское хозяйство» державы, то Россия не вылезет из западни, в которую себя загнала, и никогда не сможет встать в число развитых стран.

Бесспорно, что в советское время освоение Северной Азии было впечатляюще масштабным, поскольку государственная экономика позволяла не всегда считаться с затратами ради отложенных (и не всегда ясных) эффектов. Советская власть придавала новый масштаб политике, которая оформлена крылатой фразой Михаила Ломоносова «Могущество российское прирастать будет Сибирью!». Но истоки этой политики восходят к концу XVI столетия, хотя и реализовывалась она наиболее последовательно в XX веке после строительства царским правительством Транссиба и благодаря преобразовательным планам советского режима.

Точно так же не нова идея о том, что для удержания сибирских земель нужно гораздо больше средств, чем можно извлечь из Сибири. Решение о поддержке казачьих рейдов за Урал после победы Ермака в 1582 году было принято после значительных колебаний. И когда обсуждались планы строительства Транссиба в конце XIX века, петербургская газета «Гражданин» писала, что один Невский проспект в Петербурге «в пять раз ценнее всей вашей Сибири». После крушения советской экономики в 1990-х годах популярная среди экономических и геополитических экспертов идея «сжатия» России также отводила Сибири (за исключением тюменского газонефтедобывающего региона) роль периферии, интересами которой необходимо пренебречь ради экономического развития России. Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди выступили как критики геоэкономических иллюзий, порожденных политическим и экономическим всевластием Центра, но при этом воспроизвели взгляд на Сибирь из этого самого Центра, то есть отношение к Сибири не как к месту жизни, а как к ресурсу экономического развития страны. Противоречие между масштабами геополитических планов и экономических проектов, с одной стороны, и слабостью инфраструктуры, необустроенностью жизни, с другой, — ключевое противоречие развития России. Именно на него пытались дать свой ответ и противники строительства Транссиба, и сторонники «сжатия России», но любой из этих ответов предполагает тот же взгляд на пространство за Уралом, который лежит в основе решений власти — взгляд из Центра, брошенный на восточные просторы.

В 2013 году вышла книга о сибирском факторе в проблемах России, заслуживающая как минимум не меньше внимания, чем книга Гэдди и Хилл. Речь о работе Валерия Зубова и Владислава Иноземцева (Зубов, Иноземцев, 2013), анонсированной авторами как обоснование концептуального тезиса для последующей дискуссии

и разработки. Валерий Zubov, ученый-экономист и бывший губернатор Красноярского края, свое авторское послесловие к книге (и книге в целом) завершает предельно краткой формулировкой главного тезиса: «Сибирь для России — не проблема, а шанс».

Иноземцев и Zubov, так же как Гэдди и Хилл, показывают несостоятельность геоэкономических перспектив централизма, но в отличие от американских авторов видят корень проблемы не в том, что невозможно поддерживать жизнеспособность того, что создано советской госплановской системой, а в том, что гиперцентрализм не способен играть конструктивную роль в экономическом развитии и что современная модернизация не может быть централизованной. Авторы назвали свою книгу «Сибирское благословение», представив ее, таким образом, как реплику на «Сибирское проклятие». Но книга, если и предстает «нашим ответом», то лишь в очерчивании общего взгляда на роль Сибири в российском развитии, основное содержание книги не подчинено полемике, а скорее, предлагает альтернативный взгляд, основанный на знании сибирского потенциала российской экономики. Развивая свою позицию и развертывая ее в некую программу необходимых шагов, они используют понятие «сибирская миссия», которое гораздо точнее выражает их взгляд на роль Сибири в развитии России, чем слово «благословение», вынесенное в заглавие. Сибирь как некий страдающий объект политики Центра и некий субъект действия обладает возможностями и жизненно заинтересована в том, чтобы вывести страну из исторической колеи сверхцентрализма. Логика и пункты программы, предлагаемой авторами, направлены именно на это. Но, предлагая программу вывода России из исторической колеи, Zubov и Иноземцев не анализируют, как сама Сибирь из этой колеи выйдет. Будучи согласным с авторами «Сибирского благословения» в их главном тезисе (Сибирь — шанс для России), я все-таки хотел бы рассмотреть вопрос о ключевых трудностях в реализации этого шанса.

Россия как колония Сибири. Круговое подкрепление

Сибирь сохраняется как единое имя для территории, составляющей две трети России. Все это огромное и природноразнообразное пространство Северной Азии имеет единый топоним только потому, что оно было стремительно (по историческим меркам) взято под власть Московского государства. На административной карте современной России это полтора или два десятка областей, республик, краев — в зависимости от того, что считать Сибирью. С определения границ Сибири, на мой взгляд, начинается диагностика социального пространства России как имперского.

Нет разногласий только в отношении южных и северных границ — это государственная граница России. Несовпадения в определении границ Сибири в физической географии, экономической

и административной, расхождения в определении Сибири в западной и российской справочной литературе связаны с противоречиями в ее освоении, более того, отражают глубинные противоречия российского развития.

Иннокентий Серебренников в курсе по сибиреведению, прочитанном в июне 1920 года в Харбине, писал, что «под Сибирью в общем подразумеваются североазиатские владения России» (Серебренников, 1920: 21). Различая административный и географический подходы, он далее предлагал:

«Исторической, коренной Сибирью можно считать территорию, занятую губерниями: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, с добавлением к ним еще Западного Забайкалья. На этой территории имеется уже прочно установившийся русский уклад жизни. Остальная Сибирь находится еще в периоде освоения ее русским народом, большие колонизаторские способности которого едва ли могут подвергаться сомнению» (Там же: 22).

Иначе говоря, Сибирь — пространство, на котором установился и устанавливается «русский уклад жизни», те цивилизационные модели, которые вместе с Россией пришли на североазиатские земли. Обратим внимание, что даже при относительности критерия («установился и устанавливается») к этому пространству не относится некая «остальная Сибирь». Речь, по сути, идет о несовпадении государственной территории и социокультурного пространства. Спустя столетие это несовпадение сохранилось, несмотря на масштабную экономическую активность государства в Сибири в советский период, несмотря на урбанизацию (Сибирь с 1950-х гг. является самым урбанизированным регионом страны), рост населения, развитие культурных, научных и образовательных центров.

Сибирь — северная часть Азии, куда вместе с пришедшими, присланными или сосланными из-за Урала людьми, вместе с русским государством пришла европейская цивилизация, которая стала доминирующей, но не стала органичной и до сих пор прочно не укоренилась. «В русской экспансии все было непрочным и неопределенным. Подвиг поразителен, но окружен хрупкими звеньями», — писал Фернан Бродель в очерке о том, как Московская Русь в XVII веке, решая свои проблемы, «изобрела Сибирь» (Бродель, 1992: 474). Эта оценка применима и к результатам четырехвекового российского освоения Северной Азии.

Два проблемных пункта, создающих неопределенность восточных и западных границ, отражают как раз незавершенность «изобретения Сибири». Первый — разность между Сибирью и Дальним Востоком, совершенно несущественная, условная или даже незаметная за пределами России¹, но безусловная для тех, кто живет

1. В зарубежных энциклопедиях такое разделение и приводят как советскую или российскую практику. В Польше Историческая энциклопедия еще в 1969 году обращала внимание на то, что в советское время сосущество-

в пространстве между Уралом и Тихим океаном. Безусловна она для «региональной» идентичности, но принципиальна и для анализа проблем. Владислав Иноземцев и Валерий Зубов оговаривают, что намеренно объединили Сибирь и Дальний Восток в своем анализе и проектных предложениях. На мой взгляд, в этом кроется концептуальная ошибка.

Дальний Восток — регион, история, перспективы, человеческая жизнь в котором определяются тем, что это выход России в Тихий океан и Азию. Сибирь — регион внутренний, континентальный. Приход русского государства в пространство, которое получило название Сибирь, сделало его судьбу и судьбу людей, живущих здесь, зависимыми от того, как европейский тип цивилизации будет согласован с ландшафтом Северной Азии, от того, наладится ли неразрушительная для природы хозяйственная жизнь человека. Второй пункт неопределенности границ Сибири — несовпадение ландшафтных границ с теми, которые устанавливаются экономической и административной практикой: например, в экономическом районировании в советский период или при выделении федеральных округов при «укреплении вертикали власти» администрацией В. Путина. И это отчетливо свидетельствует, если говорить о политике, что логика экстенсивного освоения пространства преобладает над логикой налаживания хозяйственной жизни в этом пространстве, и если говорить о результатах политики, что отношения между хозяйственной жизнью и природой в локусах этого пространства задаются внешними, а не местными факторами, то есть не потенциалом природного и культурного ландшафта.

Разногласия в отношении того, что считать Сибирью, отражают ключевое противоречие развития России — неорганичность ее социального пространства, а эта неорганичность, в свою очередь, исторически объясняется наличием в составе России огромной территории за Уралом. Расползаясь в пространстве, империя не успевала осваивать его. Сибирь осваивалась фрагментарно, но не обустривалась. Как и вся Россия, ставшая заложницей сибирских богатств. Доход от сибирских ресурсов позволяет выходить из системных кризисов, сохраняя экстенсивный характер экономики. Так воспроизводится монополистический характер экономиче-

---

ют два определения Сибири: первое, как и до 1917 года, охватывает территорию от Урала до Тихого океана; второе объединяет Западную и Восточную Сибирь, исключая Дальний Восток («Radzieckiej Encyclopedij Historycznej» XII, s. 830). Замечание о сосуществовании двух определений достаточно верное, но все же при уточнении, что к концу XX века первое — «широкое» — более характерно для зарубежной литературы, а в Советском Союзе и в России более употребимым стало второе. И еще одно уточнение к статье из польской энциклопедии — возникшее невключение Дальнего Востока в понятие Сибири нельзя относить полностью к советской практике, у него есть досоветская предыстория.

ской и политической власти, закрепляющей, в свою очередь, основы экстенсивного развития.

Ход российской истории можно описать метафорой маятника, одна из крайних точек движения которого — Смута или угроза распада страны, а противоположная — всевластие полицейское, бюрократическое, олигархическое, способное переходить в деспотию. Гигантская амплитуда этого хода объясняется масштабами пространства, которое власть пытается подчинить и которое выходит из повиновения, когда власть слабеет. А география России: ее размеры и характер, формы заселения — от казачьих поселений, скитов вольных крестьян в прошлом до «поселков городского типа», созданных для добычи природных ресурсов (т. е. для временной жизни), и моногородов, возникших вокруг больших строек и предприятий, — производны от деспотии и смуты. Создавались они либо людьми бежавшими (не обязательно преследуемыми, но бежавшими), либо людьми, брошенными сюда властью. Ведущую роль в этой взаимозависимости между неопределенностью власти и неосвоенностью пространства играет именно фатальная «недеструктурированность» общества.

Разрабатывая концепцию социального пространства, Пьер Бурдьё подобные взаимозависимости социума и физического пространства назвал «эффектом кругового подкрепления» (Бурдьё, 1993: 51). Понятие «социальное пространство» помогает описать взаимодействие физического пространства, географии с формами социальной жизни, но формами достаточно структурированными, отчетливыми. Понятие оказывается крайне приблизительным для России, его инструментальность ограничена: социум определяет здесь природу бессистемно, не считаясь с необходимостью взаимного приспособления ради сохранения природной основы и устойчивого социального развития. А подобный тип отношений с природой, в свою очередь, становится мощным фактором деструкции социального пространства, поддержания рисков аномии и реализации этих рисков в кризисных ситуациях.

Общество не сложилось, как не сформировалось и государство. Европейский путь не состоялся — власть, распространившись на огромное пространство, не развилась в государство, которое нуждалось бы в опоре на общество и могло бы рассчитывать на такую опору. А формирование общества могло проходить в сопротивлении абсолютистскому государству, но не абсолютной власти, и в обуздании индивидуалистской анархии, которую невозможно обуздать, если антисоциальный человек имеет возможность уйти, убежать от любого контроля — общественного ли, полицейского ли. Благодаря этому Московская Русь, Российская империя, Советский Союз переживали радикальные революции. Василий Ключевский отмечал, что этот обычай — решать жизненные проблемы, уйдя на новое место и начав жить сначала — оборачивается в русской истории революционными рывками, бескомпромиссными по отношению

М.Я. Рожанский
Сибирские узлы
империи

к прошлому. Можно добавить, что революционные рывки оборачиваются повторением прошлого, в том числе и гиперцентрализацией системы власти. Смута и революция завершаются новым стягиванием страны из Центра, а созидательная энергия, разбуженная «минутной слабостью» державы или ее распадом, частично подавляется, а частично мобилизуется на решение амбициозных внешних задач. При этом институты и инструменты иерархической власти предлагаются центральной властью как «приводные ремни», приводящие жизнь «на местах» в движение.

В то же время сохраняется разнообразие России — повседневность на этом пространстве не унифицируется, жизнь не сводится к единому знаменателю. Ни одна «вертикаль власти» выполнить эту задачу не в состоянии, даже если ставит ее перед собой. Благодаря этому сохраняется потенциал для поиска альтернативных путей развития, который позволяет прорываться из кризисных ситуаций, но благодаря этому возникает и «смута» — реальная угроза распада государственного пространства. И угроза «смуты» определяет фатальное откладывание реформирования экономического, политического, социального пространства.

Внутренняя колонизация: новое издание

Распад СССР и предшествовавшие события в союзных республиках заслонили противоречие «Центр/места», представив его в межнациональной форме². Перестройка может быть рассмотрена как революция провинциалов: по кадровым изменениям в партийном руководстве, по географии первых массовых политических акций, по формированию новой политической элиты на съездах народных депутатов СССР и, наконец, по формированию руководства постсоветской России (Rojansky, 1995). Формирование политико-экономической системы постсоветской России проходило как сложный поиск новой точки равновесия и завершилось утверждением «вертикали власти» как стержня гиперцентрализованной конструкции³.

2. Перестройка началась с выступления Михаила Сергеевича Горбачева в апреле 1986 года в Тольятти. И дело не только в том, что именно в этой речи было впервые употреблено само понятие «перестройка», не менее существенно, что непредуказанная инициатива на «местах» была обозначена как необходимая основа системных изменений. Генеральный секретарь ЦК КПСС, бывший руководитель Ставропольского края, поднял взгляд от текста важного программного выступления и, глядя в зал, сказал: «Нельзя развиваться по указке из Москвы».

3. Можно напомнить, что начало этого процесса (еще в период тязбы с союзным руководством за суверенитет России) также ознаменовалось призывом Бориса Николаевича Ельцина к инициативе на местах (по сути, к региональной субсидиарности): «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Известия, 08.08.1990.

Постсоветская государственно-капиталистическая модернизация, стартуя на основе системного кризиса, заново осваивает территорию страны, а затем структурирует пространство социальное, формирует каркас новой системы. Но несущей конструкцией в этом каркасе остается сверхцентрализация политической, экономической и культурной жизни. Именно это задает экстенсивный характер модернизации, который протекает как возобновление внутренней колонизации страны.

В свою очередь, достижение экономических целей через концентрацию ресурсов прочно увязывает модернизаторские задачи не столько с инициативой и предприимчивостью, сколько с отношениями подчинения и зависимости, не столько с практиками партнерства, сколько с практиками культурного дистанцирования и исключения. Этот процесс описывается понятием «внутренняя колонизация».

Эвристичность концепта внутренней колонизации в территориальном анализе России отчетливо и аргументированно заявлена Борисом Родоманом в книгах и статьях, начиная с момента распада СССР (см., например: Родоман, 1996, 2008). В исследованиях русской культуры в большой степени как инструментальное легализовал это понятие в серии своих статей, а затем в авторской книге и в проблемно-тематическом сборнике Александр Эткинд. В работах Эткинды через призму внутренней колонизации рассматривается российская культура (прежде всего XIX века), которая предстает социокультурным дистанцированием между интеллигенцией и народом, между социальными науками и населением страны и т. д. (Эткинд, 2001, 2003; Etkind, 2011). Такое социокультурное дистанцирование — неотъемлемая сторона внутренней колонизации и ее отчетливый признак. Применение понятия «внутренняя колонизация» к сегодняшним российским реалиям⁴ — признание факта подобного дистанцирования и, заметим, признание столичной (а также «экспортной») ориентации в производстве социального знания. В рамках статьи, которая не посвящена специально понятию «внутренняя колонизация», в эту дискуссию на нынешнем ее этапе включиться невозможно. Отметим только: факт обращения к прилагательному «внутренняя» показывает, что в слове «колонизация» применительно к России заключено не деление на метрополию и колонии, а представление об отношениях власти (=Центра) и страны, диктуемых соотношением экспансии и развития в том пространстве, которое входит в единое государство. В формуле Василия Ключевского, ставшей афоризмом — «история России есть история страны, которая колонизируется» (Ключевский, 1987: 50), — следует принять во внимание возвратную форму глагола. Россия — страна, которая колонизирует сама себя. Развитие,

4. Дискуссию вокруг применимости понятия внутренней колонизации к истории России см.: Эткинд, Уффельман, Кукулин, 2012; Уффельман, 2012.

движение происходит за счет освоения пространства, включения новых ресурсов, «новых географий» в сферу использования, втягивания в сферу влияния и т. д.

На первом этапе постсоветской модернизации, последовавшем за системным разрушением советской экономики, центростремительное освоение ресурсных потоков охватило те источники доходов, которые могут быть вовлечены в бизнес быстро и с высокой нормой прибыли. Права на них были предъявлены уже существующими властными центрами, расположенными на разных уровнях «вертикали власти». Состоялось очередное в русской истории возобновление гиперцентрализма, неотъемлемой частью которого являются на сей раз экономическая власть и политическое присутствие крупных финансово-промышленных групп в регионах.

Перераспределение с участием финансово-промышленных групп власти над ресурсами заново колонизирует пространство. Отстраняясь от идеологической окраски, которую слово «колонизация» наследует от советской историографии и пропаганды, обратим внимание именно на инструментальные возможности. Это прежде всего возможность проследить, как происходит продвижение от освоения территории страны агентами нынешнего витка модернизации к переструктурированию социального пространства, его эшелонированию по географическим основаниям (первичная колонизация), и формирование жестких зависимостей между географией места жизни и социальным положением человека, его жизненными перспективами (вторичная колонизация). За каждым системным кризисом следует возникновение и утверждение новой сверхцентрализованной системы, стремящейся стать «надсмотрщиком над повседневностью» (Гефтер, 1989: 387). Иными словами, возобновление власти Центра (и новое учреждение гиперцентрализма) происходит, во-первых, как подтверждение новыми акторами, составляющими Центр, абсолютной собственности Центра на территорию страны, а во-вторых, как возникновение новой системы удержания населения. Процесс становления и функционирования этой системы и называется вторичной колонизацией. Именно ее принципиально важно рассмотреть при анализе воспроизводства империи, объяснении цикличности этого феномена.

Вторичная колонизация — это колонизация населения, когда вырабатываются какие-то механизмы, с одной стороны, привязывающие людей к системе властвования, с другой, нагружающие их какими-то обязанностями по удержанию земли, пространства, ресурсов и т. д. Формирование этих механизмов в постсоветской России (и, в частности, в Сибири) хорошо прослеживается в конкретных исследованиях жизненных стратегий жителей моногородов, воспроизводства бедности в поселках, местного самоуправления в сельской местности.

Особенно характерен процесс вторичной колонизации того пространства, которое оказалось вне бизнес-интересов и, по сути,

выпало из зоны чьей-либо ответственности. Например, рабочие поселки, которые создавались как временные для освоения невозобновляемых ресурсов, трансформировались в зоны бедности. Социальное расслоение и дистанцирование оборачиваются невозможностью для значительной части населения таких поселков изменить траекторию ниспадающей социальной мобильности не только для себя, но и своих детей — человек, семья прикрепляются к тому месту, где у них не осталось социальных шансов, будучи одновременно в этом месте стигматизированным, нежелательным или социально исключенным элементом. Основа воспроизводства бедности — ослабление социальных сетей и исключение человека из сетей.

Человека закрепляет на территории прежде всего проблема жилья. Жилье как тотальный инструмент социального управления — неотъемлемая составляющая советской организации социального пространства. В постсоветской России сброс проблемы жилья на волю рынка не ликвидировал это наследие, а упрочил его.

Вновь выстроена система управления, названная «вертикалью власти», но дополненная местным самоуправлением, на которое формально возложена ответственность за решение вопросов, которыми не способна заниматься централизованная власть. При этом местное самоуправление практически не имеет ресурсов для развития и обречено на почти имитационное существование. «Вертикаль власти», выстроенная для того, чтобы удерживать эти обширные пространства, не может решать задачи налаживания и обустройства жизни. И опасаясь потерять контроль, не способна доверить эти задачи местному самоуправлению, местному сообществу. Нынешний виток сверхцентрализации существенно отличается от монархо-крепостнической и советской России: постсоветская бюрократия не обладает возможностью решать все проблемы, зато обладает знанием, что это невозможно и попытки обречены. Необходимость решительного пересмотра властных отношений «центр-места» может быть осознана и заявлена как выстраданный призыв, но риски утраты контроля над процессом децентрализации (а точнее, тревога по поводу возможной утраты контроля) оказываются гораздо весомее, чем стратегическое понимание. Парадигма укрепления «вертикали власти» приводит к настойчивым попыткам упразднить выборность власти в городах, являющихся центрами регионов, расширить возможности по отстранению «сверху», а не в результате демократической ответственности глав городских муниципалитетов. В этом контексте учреждаемая система местного самоуправления в середине нулевых годов предстала не столько пространством утверждения демократических принципов, сколько выталкиванием формальной демократии на уровень поселков и деревень — туда, где нет экономических ресурсов.

ТЕОРИЯ «Побег в будущее», обычай уходить (убегать) от невыносимой жизни на новое место, которым Василий Ключевский объяснял радикальные рывки в истории России, бескомпромиссные по отношению к прошлому, лежат в основе еще одного российского феномена, новое издание которого мы наблюдаем сегодня. Речь об идеократии — системе власти, которая, во-первых, санкционирует себя как хранитель или носитель (в предельных случаях — источник) больших исторических смыслов и, во-вторых, требует от подданных быть приверженцами этих смыслов, на чем и строит социальное управление.

Понятие «идеократия» разрабатывалось евразийцами в конце 1920-х годов, когда в движении образовалась группа, озабоченная возвращением в Россию, ставшую советской, и подготовкой программы, которую бы приняли большевики как программу развития революции. Большевики, по мнению этих евразийцев, реализовали интуицию русской революции на ее разрушающем этапе, но неспособны к необходимому для созидательной практики теоретическому прорыву, поэтому осознают потребность в идейно-теоретической помощи. В еженедельнике «Евразия», выходившем в Париже менее года (35 номеров), весной 1929 года было опубликовано десять редакционных статей «Проблемы идеократии», основным или единственным автором которых был Лев Карсавин (Рожанский, 1999). В статьях обосновывался круг тем, нуждавшихся в разработке, заявлялись принципиальные идеи и установки.

Необходимость идеократии выводилась из необходимости решения вечных российско-евразийских проблем и непригодности европейских моделей для их решения. Идеократия представлялась как альтернатива демократии, как возможность удержать государственную целостность «континента Россия-Евразия», сохранив культурное разнообразие на этом пространстве и опираясь на него. Целостность была идеализирована как потенциал и цель, идеальная Россия-Евразия именовалась евразийцами «симфонической личностью». Идеократия предлагалась как проведение в практическом обустройстве российской жизни общеобязательных идей и как соборность в духовной жизни. В сталинской России идеократия была осуществлена без советов евразийцев и использования самого понятия. Советский проект — создание новой исторической общности, мобилизация социальной энергии через значимую историческую цель, утверждение власти идеи. В отличие от евразийской теории сталинская идеологическая политика соотносила единство страны с унификацией, а не разнообразием.

Власть идеи — идеократия — нуждается в мифологии общего происхождения. Идея новой общности не замещает, а предполагает этот ресурс — конструирование общего прошлого. Георгий Федотов, наблюдая из эмиграции происходящее в советской России,

посвятил ряд статей рождению советского патриотизма, в котором он видел прежде всего патриотизм имперский (Федотов, 1982: 282-283). Для власти этот шаг был, в понимании Федотова, скорее вынужденным в создании себе массовой опоры. Во всяком случае, поворотом в сторону, если не отступлением от революционной догмы, и, более того, «национальным перерождением революции». Национальное прорвалось как патриотизм, который сдавливали⁵. Иначе говоря, патриотизм предстает некоей традицией, прерванной в революционную эпоху, искавшей возможность проявления, и поддержанной советской властью в собственных стратегических целях. Федотов видит эту традицию и ее напор как русское национальное (понимая, говоря сегодняшним языком, нацию как гражданскую, а не этническую общность), а в сталинской ставке именно на имперский патриотизм — стремление не допустить проявления национального сознания. Но у имперского патриотизма не менее прочные социальные основания, чем у гражданской нации. Речь о тех особенностях отношения к миру, которые присущи участнику экстенсивного развития этноса. Проблемы отношений между человеком и пространством являются как следствием российской истории, так и одним из определяющих ее факторов.

Советский проект был решительным разрывом с прошлым, а подобные рывки в истории России, желание «начать все сначала» понятно и близко людям, самим начинающим жизнь заново на новом месте. Можно отнести насаждение беспамятства на совесть новых революционных властей. Но культурная амнезия — не умысел большевиков, а почва как для рождения их идей и стремлений, так и для восприятия этих идей «массами». Обычай «начать все сначала» — это и безразличие человека к прошлому того места, на которое он пришел, чтобы его преобразовать и/или в нем укрыться, но это и разрыв с прошлым и с тем местом, откуда ушел, сбежал, был изгнан. Здесь серьезные основания для того, чтобы после мировой и гражданской войн идеократия была не только насаждена, а востребована как средство поддержания имперской (ставшей «советской») идентичности. Революция произошла в стране, где мобильность людей, в большой мере благодаря географии, была правилом, а не нарушением правил. И нормой была маргинальность — несовпадение с нормами. Для раскрытия источника социальной энергии принципиально важно, что маргинальность — предпосылка к стремлению человека изменить свое место в мире. В том числе и за счет участия в изменении мира. Советская власть, собственно, и приняла этот факт за основу своей деятельности и целями, лозунгами, поддержкой иллюзий выразила стремление и привычку переделывать жизнь.

Власть большевиков, безусловно, явилась катализатором модернизационных процессов, ломавших социальные структуры и задав-

---

5. «Годами сдерживаемое, даже удушаемое чувство любви к родине, столь человеческое, получило свободу своего выражения» (Федотов, 1982: 282).

ших высокую степень социальной мобильности, но была и результатом их. История советского общества наследовала двум с лишним векам формировавшейся российской империи и жизни людей на пространстве империи. Но к естественным модернизационным процессам (урбанизация, резкий рост количества получающих образование и т. д.) прибавила еще тотальную и постоянную маргинализацию, рассекая естественные человеческие связи — семейные, соседские, дружеские — и преследуя за них. Единственные отношения утверждались как несомненные для человека — отношения с властью. И этот «эффективный менеджмент» лишал саму власть перспектив обрести прочную социальную опору. Идеократия и утверждалась как мобилизационная модель «объединения сверху». Пик репрессий, обозначенный сегодня символическим понятием «тридцать седьмой год», совпадает с началом идеологического проекта по включению советского строя в большую имперскую историю. В начале 1937 года Федотов обратил внимание на передовицу «Правды», которая, опираясь на цитату из Маркса, актуализировала битву на льду Чудского озера как победу русского народа над немецкими агрессорами. Федотов отмечает умолчание об Александре Невском (очевидно, связанное с тем, что князь канонизирован церковью), не исключает, что умолчание временное («поживем — увидим»), но, оценивая в целом «попытки синтеза в новом стиле», заключает:

«Теперь Сталин хочет амнистировать русскую культуру, не сводя Ленина с пьедестала. Более того, оставляя ему первое место в этой органически несовместимой культуре. Но пусть он сам покажет, как это нужно сделать!» (Федотов, 1988: 94).

Для Федотова подобный синтез нелеп и бесперспективен: «Когда Ленина надо мирить с Карамзиным, здесь воображение отказывается работать» (Там же: 95). Но в последующее десятилетие Ленин (то есть революция в России как главное событие не только истории России, но и всемирной истории) и Карамзин (то есть история России как история Московского/Петербургского государства) были органично соединены. Основой для «нового синтеза» стала именно имперская история как исторически прогрессивное собирание земель.

Вписывание советской истории в единую историческую линию и даже в идеологическую традицию, идущее от древнерусских княжеств и становления Московского государства, — отчетливая стратегия официальной пропаганды и культурной политики с середины 1930-х годов. Сталинская идеологическая машина не могла признать советский строй наследником крепостной России, а партийно-государственное руководство продолжением самодержавия, однако Советский Союз был представлен наследником «собираания земель», высшим этапом исторической миссии русского народа. Страна от Балтики до Тихого океана и революция в России предстали народным подвигом, первый из которых — пролог и залог великого значения второго.

Этнический национализм, скорее, вторичен по отношению к имперскому сознанию. Позднесталинские интерпретации истории по-своему утверждали в сознании советского человека славянофильский миф — образ России как страны, история которой — и воплощение некоей национальной идеи, и история русского народа. Сталинское руководство, по сути, повторило логику идеологического поведения российского самодержавия в конце XIX столетия. Александр III пытался придать Российской империи форму национального государства⁶. Монаршая власть реагировала на утрату своей сакральности и предъявила мощную историческую санкцию, компенсирующую утрату религиозного трепета. Аналогичная стратегия или импровизация Сталина в этом направлении была также созданием исторической санкции в дополнение к резко ослабевшей власти идеологической утопии.

Во время Великой Отечественной войны эта стратегия преследовала идейно-мобилизационные цели, но уже к окончанию войны в ней рельефно проявились и репрессивные намерения в логике «перманентной гражданской войны», возник ярлык «низкопоклонства перед Западом». Борьба с «безродным космополитизмом» и ряд других пропагандистских кампаний внесли в поиски внутренних врагов этнические критерии. Понятие «русский народ» обрело одновременно идеологические и этнические смыслы. Своим происхождением «русская партия», деятельность которой стала подготовкой современной идейной повестки дня («русский мир», «руссофобия и всемирный заговор против России», «духовные скрепы» и т. д.), обязана именно послевоенной идеологической и социальной атмосфере⁷.

Идеократия эксплуатирует и продуцирует экзистенциальную роль «большой истории» для человека, живущего в России. Сибирь в этом сюжете представлена, во-первых, как основной фактор расширения и неопределенности российского пространства (она не единственное место ухода, но синоним возможности уйти с XVII века и почти до конца XX). А во-вторых, сама Сибирь на новом витке колонизации оказывается площадкой для воспроизводства экзистенциальных смыслов «большой истории», причем в радикально разных вариантах — от гигантских ударных «строек коммунизма» до общественных кампаний «русской партии», активность ко-

6. По мнению ряда современных исследователей (см.: Миронов, 2000: 42; Каспэ, 2001: 179-181), такой курс стал одной из самых весомых причин революционного взрыва в России — национальные противоречия накладывались на социальные.

7. Николай Митрохин определяет объект своего исследования так: «Совокупность различных организаций, групп, средств массовой информации и отдельных лиц, объединенных между собой не только общей идейной платформой (допускающей очень широкое ее толкование), но и личными и организационными связями. Близким аналогом движению русских националистов в прошлом было социалистическое движение, а ныне является, например, экологическое движение» (Митрохин, 2003: 40).

торой вырастает из сибирского сопротивления «большим проектам» (Рожанский, 2005).

В арсенал идеократии, оформлявшей советскую внутреннюю колонизацию, органично вписывался и большой «сибирский миф», рожденный предыдущими веками «русской Сибири». Само формирование современного населения Сибири — это уход от прошлого, бывший для конкретного человека или семьи побегом в будущее, не менее радикальным, чем революция для страны. Уход от прошлого, вольный или невольный разрыв со «старым миром» оставался наиболее значимым (если не единственно значимым) прошлым в истории семьи, в биографии человека. Не рассматривалось как свое и прошлое того пространства, куда человек приходил «начинать сначала». Человек, живущий в Сибири, видит в качестве собственного прошлого «большую историю». Ее несущие конструкты: а) пафос свершений — вместе с Русью за Урал пришло могущество; б) в Сибирь шли или попадали лучшие — самые отважные, стойкие; в) жизнь в Сибири формировала лучшие человеческие качества; г) сибирский человек приходил на выручку стране, когда нужны были стойкость, выдержка, решительность.

Исторический образ Сибири и сибиряков предельно устойчив. Несмотря на противоречивость, он не предполагает оспаривания. Его устойчивость обеспечена воспроизводством вышеуказанных несущих конструктов, человек привязан к мифологии, которая придает особую значимость его переходу или переходу его предков в сибирскую жизнь. Противоречия образа Сибири помогают сибирской идентичности пройти крутые повороты истории. Отдельные пазлы могут меняться — общая картинка при этом сохраняется благодаря уникальной оптике. И как бы радикально ни менялись эпохи, она остается без изменений: взгляд из большой истории, привязанность к ней. Мифология государства, узурпирующего заслугу сохранения единства этого пространства, также принимается человеком с сибирской идентичностью, поскольку мифология перехода (который часто был бегством от государства) и мифология настигнувшего тебя (твоих предков) государства находятся в органичном единстве — они наделяют друг друга значимостью.

Доминирование большой истории в представлениях людей о прошлом — не только результат «исторического» образования, но и симптом отсутствия прочной связи человека с историей того места, в котором он живет. Нарушен баланс между временем и пространством, между памятью-державой и личной памятью, а большая история выполняет важную компенсаторную функцию. «Второсортность» жизни на периферии «большой» и «настоящей» компенсируется отдельными случаями причастности к этой жизни — к большой истории, литературе, политике и т. д. Выражение городской идентичности через принадлежность к большой истории приводит к тому, что городская идентичность презентует себя имперскими знаками.

Новый виток внутренней колонизации страны также оформляется идеократически в категориях «русского мира», многонациональной страны, борьбы с «фальсификацией истории», противостояния русофобии. Большая история как история непобежденности, дающая санкцию на историческую правоту, предлагается в качестве основы российской идентичности и народного единства. Сакральный характер этой исторической правоте придает масштаб принесенных жертв.

С советской идеократией нынешнюю партию власти сближает понимание социальной стабильности как проблемы управляемости и социальный деизм (причем для сегодняшней власти — независимо от «ветвей» — социальный деизм в изначальном смысле слова, как морально регулирующая роль церкви). Приобщение к исторической миссии России и ее «духовным основаниям» понимается как компенсация утрат, понесенных человеком и страной от крушения советской идентичности. Державность для правящей политической элиты — не только (и не столько) символ веры, сколько ценность, которая помогает человеку, пережившему системный кризис страны, выйти из личного кризиса идентичности, а новому поколению сформировать идентичность российскую. В таком же инструменталистском аспекте рассматривается и церковь. Национальная идея стала использоваться как административный ресурс.

Проект первого десятилетия «путинской России» был обозначен формулой «управляемая демократия», призванной согласовать имперскую государственность (державность) с основными либеральными понятиями. Антилиберальная и антизападная риторика последних трех-четырёх лет обозначили ставку на управляемость и, более того, мобилизацию через инструментальное использование национализма и даже ксенофобии.

Заключение

В заключение вернемся к перспективе «сибирской миссии», обозначенной Валерием Зубовым и Владиславом Иноземцевым. Согласен с авторами, что «главное — понять, что не на Кавказе решается судьба России как современного общества, а именно в Сибири» (Зубов, Иноземцев, 2013: 174), но с той оговоркой, что понимание — лишь первый шаг. И шаг трудный, представляющийся почти невозможным, если говорить о понимании в Центре. Отсюда, вероятно, и определение его как главного. «Вертикаль власти» с подобным пониманием мало совместима. Альтернативность социальных практик, взглядов, традиций, неизбежная на огромном пространстве, несет постоянную и повсеместную угрозу появления «нештатных ситуаций» для сверхцентрализованной власти. Чтобы уход из-под контроля и умножение «горизонтальных связей» не обернулись уходом из государственного пространства, необходима гораздо большая пластичность управления, динамичная связь государственного аппарата с общественной

жизнью, чем это возможно в унитарном государстве, не признающем принцип субсидиарности. Более того, смена оптики с «вертикальной» на, условно говоря, горизонтальную маловероятна и в случае радикальной смены политической элиты. Федерализм понимается с точки зрения управляемости, а не развития даже сторонниками «реального федерализма» (Рожанский, 2013) и в публичном дискурсе «экспертного сообщества», оппозиционного существующему политическому режиму, мы видим подтверждение тезиса Михаила Гефтера об «антиимперии слова»⁸. Ни власть, ни ее активные критики не рассматривают разнородность краев, укладов, интересов как потенциал и необходимость субсидиарности. Принцип субсидиарности, технологии согласования интересов, необходимость института общественной дискуссии — все это не включено в повестку дня, не актуализируется интеллектуалами⁹. Заметим, что и в основе феномена «антиимперии слова» и в особенностях политической культуры, не предполагающей плодотворной дискуссии (а культивирующей инвективную полемику), лежат те социальные основания, которые обусловлены экстенсивным развитием этноса, то есть практики ухода на новое место, рывка в будущее, аффективный характер социальных конфликтов.

Если вслед за Зубовым и Иноземцевым рассматривать не Центр, а Сибирь в качестве лидирующего субъекта поворота в экономическом и политическом развитии страны, то осознание необходимости такого поворота и того, что его миссия выпадает Сибири, — первый и трудный, но не самый трудный шаг. Трудный потому, что централистская оптика вполне привычна и периферии/провинции, их экспертным и журналистским сообществам, языку, на котором описываются социальные проблемы и формулируются претензии или предложения Центру. Тот же гиперцентрализм описывается прежде всего как обделенность регионов и их зависимость от Центра, но не осознается и не артикулируется одна из основ этого гиперцентрализма и централистской оптики — неразвитость или отсутствие субъектности городов и регионов. Подобная субъ-

---

8. Михаил Гефтер, анализируя генезис сталинизма в русской истории, писал, что самодержавному модернизму и рабству развития «противостоит внутри России, в качестве ее собственного отрицания, антиимперия Слова, притязаящая на духовное лидерство и буквальное воплощение в тех же пределах», и далее: «В данном контексте народ — главный предмет борьбы двух внеполитических субстанций, каждая из которых по-своему добивается «единства народа», состязаясь в средствах внесения этого единства сверху вниз» (Гефтер, 1989: 388).

9. Выясняя, например, причины отсутствия общественной дискуссии по проблемам нации, необходимой для национальной идентификации, Алексей Миллер заключает, что «мы имеем дело с общей для всего политического спектра России особенностью политической культуры, которая не предполагает плодотворной дискуссии, но понимает производителей интеллектуального продукта как враждебные друг другу группировки, борющиеся за умы массы, потребляющей этот продукт» (Миллер, 2008: 502).

ектность — первое и необходимое условие политических отношений провинций и Центра¹⁰. Я бы предпочел употреблять понятия «край», «земля», поскольку понятие «регион» ассоциируется с административной логикой территориального членения, а когда мы говорим о субъектности, то говорим о самоорганизации и некоей коллективной идентичности людей, у которых есть некое «общее место», значимое для их жизни, общее собственное пространство жизни. Собственно, самый трудный шаг — это формирование активной, а не только рефлексивной субъектности земель и городов.

В основе программы Зубова и Иноземцева лежит докса о Сибири как едином субъекте рефлексии и действия. Именно она вызывает сомнения, даже если говорить о некоей перспективе, рассчитанной на десятилетия. Сибирская идентичность («сибиряки») достаточно ярко выражена, но она не равна субъектности даже на уровне политической рефлексии, не говоря уже о действии. Неспособность определить и артикулировать субъектность края, земли¹¹, т. е. в теории и языке присвоить пространство своей жизни, — неизбежный результат централизма гуманитарного образования и социальных исследований. Именно образование, гуманитарная культура и централизация исследований играют ключевую роль в инерции внутренней колонизации. После затухания советской волны миграции к востоку от Урала и завершения советского этапа индустриализации Сибири, в сибирских городах возникла ситуация, когда значительная часть горожан — сибиряки третьего-четвертого поколения (собственно, это и лежит в основе утверждения сибирской идентичности) (см., например: Анисимова, Ечевская, 2012). Подобная ситуация сложилась в Сибири в середине XIX века и на ее основе возникло движение областничества. Одной из основных программных целей областников было открытие в Сибири своего университета.

История повторяется в том, что ключевым вопросом для преодоления внутренней колонизации Сибири и страны в целом становится вопрос о связи университетского образования и социальных исследо-

-
10. За определение субъектности можно взять вот эту формулу А. Филиппова: «Чтобы совершать действия, за которые он может отвечать, человек должен выгородить себе пространство определенности, в котором каждый его поступок есть именно то, что он и намеревался сделать, и последствия поступка могут быть ему вменены. Но это также пространство, населенное иными людьми, и сделать его предсказуемым можно, либо превратив других людей в свои инструменты, рабов, либо установив вместе с ними согласие, учредив политическую общность. Где эта общность установлена словно бы раз и навсегда, там, по видимости, политическое исчезает. Где ее приходится переустанавливать и переучреждать постоянно, там дает о себе знать человеческая свобода» (http://polit.ru/article/2012/08/24/anons_filippov/).
  11. Эти трудности артикуляции отчетливо видны во время протестных движений в сибирских городах, когда в репертуаре речей и лозунгов на митингах доминирует «антимосковский» пафос, обличения в колониализме, но отсутствуют или не слышны программные предложения по деколонизации.

ваний с осознанием субъектности краев и земель, выработкой языка, позволяющего включать проблемы своего социального пространства в российскую и мировую дискуссию и в политическую повестку дня.

Библиография

- Анисимова А., Ечевская О. (2012). Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.
- Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс.
- Бурдые П. (1993). Социология политики / Сост. и общ. ред. Н. Шматко. М.: Socio-Logos.
- Гефтер М. (1989). Сталинизм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс-Раут.
- Зубов В., Иноземцев В. (2013). Сибирское благословение. М.: Аргамак-Медиа.
- Каспэ С.И. (2001). Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН.
- Ключевский В.О. (1987). Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. М. Т. 1.
- Миллер А. (2008). Нация как рамка политической жизни // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение.
- Миронов Б.Н. (2000). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х тт. СПб. Т. 1.
- Митрохин Н. (2003). Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение.
- Родоман Б. (2008). Страна перманентного колониализма // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (поли-масштабный анализ). М.: ИГ РАН. С. 130-138.
- Родоман Б.Б. (1994). Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект Пресс. С. 94-102.
- Рожанский М. (2013). Федерализм, внутренняя колонизация, образование: сибирский узел // К новой модели российского федерализма. М.: Весь мир. С. 232-248.
- Рожанский М. (1999). «Евразия»: власть идеи, продуманной до конца // Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 1-2. С. 5-19.
- Рожанский М. (2005). Фантом национальной империи. Русская партия в Иркутске // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. Москва–Иркутск: Наталис. С. 222-248.
- Серебренников И.И. (1920). Сибириеведение. Курс лекций. Харбин.
- Уффельман Д. (2012). Подводные камни внутренней (де)колонизации России // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение. С. 53-104.
- Федотов Г. (1982). Культурные сдвиги // Федотов Г.П. Полное собрание статей в 4-х томах. Т. 3. Тяжба о России. Paris: Ymca-Press.
- Федотов Г. (1988). Александр Невский и Карл Маркс // Федотов Г.П. Полное собрание статей в 4-х томах. Т. 4. Защита России. Paris: Ymca-Press.
- Эткинд А. (2001). Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // НЛО. № 49;
- Эткинд А. (2003). Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации // НЛО. № 59.
- Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. (2012). Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение. С. 6-50.
- Etkind A. (2011). Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Polity Press.

Hill F., Gaddy C. (2003). *Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*. The Brookings Institution Press.

Rojansky M. (1995). *Le boomerang sibérien // Russie post-soviétique : la fatigue de l'histoire ?* Bruxelles : Ed. Complexe. P. 117-134.

Siberian nodes of the empire

Mikhail Rozhansky, PhD (Philosophy), Scientific Head of the Center for Independent Social Studies. Address: Bogdan Khmel'nitsky St., 30A, Irkutsk-3, 664003, Russia. E-mail: mr1954@yandex.ru.

The article considers the role of the Siberian factor in the key contradictions of the Russian history, in which the logic of extensive space development prevails over the logic of a decent lifestyle, and the monopolistic nature of power and imperial consciousness are preserved. The author refers to Pierre Bourdieu's concept of "circular reinforcement" (interdependence of physical and social space) as relevant for the social space of Russia. The article considers a new wave of internal colonization and its ideocratic design as a system of power that authorizes itself as the custodian of great historical meanings and demands from its subjects to adhere to these meanings. The author believes that the resumption of the authority of the center (and new hypercentralism) is determined, first, by the confirmation by the new "central" actors of its absolute ownership on the territory of the country, and, second, by the secondary colonization (i.e. the system to hold the population), which explains the reproduction of the empire. The author accepts the key role of the Siberian factor in the search for ways to overcome the logic of extensive development (the program of V. Zubov and V. Inozemtsev) but questions the single subjectness of Siberia as a manifestation of the optics of centralism in social sciences. The Siberian identity ("Siberians") does not lead to the subjectivity of Siberia even as a form of political reflection. One of the destructive consequences of centralism in social sciences is their inability to articulate the subjectivity of the territory, land or local community in scientific terms. The article outlines the role of some social studies and humanitarian education in promoting real federalism.

Keywords: Siberia, social space, circular reinforcement, internal colonization, ideocracy, local self-government, federalism.

References

- Anisimova A., Echevskaya O. (2012) *Sibirskaya identichnost: predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii* [Siberian Identity: Prerequisites, and Contexts for Actualization]. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet.
- Bourdieu P. (1993) *Sociologiya politiki* [Sociology of Politics]. Sost. i obsch. red. N. Shmatko. Moscow: Socio-Logos.
- Braudel F. (1992) *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economics and Capitalism. 15th - 18th Centuries]. Vol. 3. Moscow: Progress.
- Etkind A. (2001) Foucault i tezis vnutrennej kolonizatsii: postkolonialnyj vzglyad na sovet-skoe proshloe [Foucault and the thesis of internal colonization: A postcolonial version of the Soviet past]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no 49.
- Etkind A. (2003) Russkaya literatura, XIX vek: roman vnutrennej kolonizatsii [Russian literature, 20th Century: A novel of internal colonization]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no 59.
- Etkind A. (2011) *Internal Colonization. Russia's Imperial Experience*. Polity Press.

- Etkind A., Uffelman D., Kukulin I. (2012) Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoj i voobrazheniem [Internal colonization of Russia: Between practice and imagination]. *Tam vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizatsii v kulturnoj istorii Rossii*. Pod red. A. Etkinda, D. Uffelmana, I. Kukulina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 6-50.
- Fedotov G. (1982) Kulturnye sdvigi [Cultural shifts]. Fedotov G.P. *Polnoe sobranie statej v 4 tomah*. Vol. 3. Tyazhba o Rossii. Paris: Ymca-Press.
- Fedotov G. (1988) Aleksander Nevsky and Karl Marx. Fedotov G.P. *Polnoe sobranie statej v 4 tomah*. Vol. 4. Zashchita Rossii. Paris: Ymca-Press .
- Gefter M. (1989) Stalinism. 50/50. *Opyt slovarya novogo myshleniya*. Moscow: Progress-Payot.
- Hill F., Gaddy C. (2003) *Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*. The Brookings Institution Press.
- Kaspe S.I. (2001) *Imperiya i modernizatsiya: obschaya model i rossijskaya spetsifika* [Empire and Modernization: General Model and Russian Specifics]. Moscow: ROSSPEN.
- Klyuchevskij V.O. (1987) Kurs russkoj istorii [A course on Russian history]. Klyuchevskij V.O. *Soch. v 9-ti tomah*. Vol. 1. Moscow.
- Miller A. (2008) Natsiya kak ramka politicheskoj zhizni [Nation as a framework for political life]. *Nasledie imperij i budushee Rossii*. Pod red. A.I. Millera. Moscow: Fond "Liberalnaya missiya"; Novoe literaturnoe obozrenie.
- Mironov B.N. (2000) *Socialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII-nachalo XX v.)* [Social History of Russia as an Empire (18th — Early 20th Century)]. V 2-h tt. Saint Petersburg. Vol. 1.
- Mitrokhin N. (2003) *Russkaya partiya: Dvizhenie russkih natsionalistov v SSSR. 1953-1985 gody* [Russian Party: Russian Nationalist Movement in USSR. 1953-1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rodoman B. (2008) Strana permanentnogo kolonializma [A country of permanent colonialism]. *Transformatsiya rossijskogo prostranstva: socialno-ekonomicheskie i prirodno-resursnyye faktory (polimasshtabnyj analiz)*. Moscow: IG RAN, pp. 130-138.
- Rodoman B.B. (1994) Vnutrennij kolonializm v sovremennoj Rossii [Internal colonialism in contemporary Russia]. *Kuda idet Rossiya?.. Socialnaya transformatsiya postsovet-skogo prostranstva*. Moscow: Aspekt Press, pp. 94-102.
- Rojansky M. (1995) Le boomerang sibérien. *Russie Post-Soviétique: La Fatigue de l'Histoire?* Bruxelles: Ed. Complexe, pp. 117-134.
- Rozhansky M. (1999) "Evraziya": vlast' idei, produmannoj do kontsa ["Eurasia": The power of the well thought out idea]. *Vestnik Evrazii. Acta Eurasica*, no 1-2, pp. 5-19.
- Rozhansky M. (2005) Fantom natsionalnoj imperii. Russkaya partiya v Irkutske [Phantom of the national empire. Russian Party in Irkutsk]. *Bajkalskaya Sibir: iz chego skladyvaetsya stabilnost*. Moscow-Irkutsk: "Natalis", pp. 222-248.
- Rozhansky M. (2013) Federalizm, vnutrennyaya kolonizatsiya, obrazovanie: sibirskij uzel [Federalism, internal colonization, and education: A Siberian node]. *K novoj modeli rossijskogo federalizma*. Moscow: "Ves mir", pp. 232-248.
- Serebrennikov I.I. (1920) *Sibirivevedenie. Kurs lektsij* [Siberian Studies. A Course of Lectures]. Harbin.
- Uffelman D. (2012) Podvodnye kamni vnutrennej (de)kolonizatsii Rossii [Pitfalls of the internal (de)colonization of Russia]. *Tam vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizatsii v kulturnoj istorii Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 53-104.
- Zubov V., Inozemtsev V. (2013) *Sibirskoe blagoslovenie* [Siberian Blessing]. Moscow: Argamak-Media.

Почему партии социалистов-революционеров не удалось реализовать свою демократическую альтернативу в 1917 году?

К.Н. Морозов

Константин Николаевич Морозов, доктор исторических наук, профессор Института общественных наук РАНХиГС, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: morozov.socialist.memo@gmail.com

В статье анализируются причины того, почему не удалось реализовать свою демократическую альтернативу партии социалистов-революционеров. В противовес доминирующему до сих пор взгляду, что в России могла утвердиться только диктатура — белая или красная, автор считает, что в России в 1917 году созрели необходимые минимальные и достаточные предпосылки для развития по пути демократии и бурно шли процессы роста элементов и структур гражданского общества — общественных организаций, партий, профсоюзов. Впрочем, восходящему потоку противостоял поток нисходящий, который особенно ярко проявился в годы Гражданской войны, — на архаизацию, насильственные действия вместо мирных, распыление модерновости.

Причины срыва эсеровской альтернативы, с одной стороны, лежат в объективных условиях, в том числе и накаленности социально-политических противоречий, вызванных слишком долгой затяжкой модернизации страны предыдущим режимом, всеобщим озлоблением и усталостью, вызванными войной, в психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков, обещавших «всё и сразу», в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного собрания и т. д., в безответственных действиях большевиков, стремящихся к власти.

С другой стороны, искать причины неудач ПСР в 1917 году следует также и в самой партии и в ее действиях, в переплетении неизжитых иллюзий, идеологических расхождений и личной борьбы за власть в партии. Среди них и неизжитые иллюзии в адрес вчерашних большевистских друзей-врагов, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине, и прекрасноту этих людей и неисправимый оптимизм. Кроме того, свою роль играло и желание действовать правовыми методами, без экспериментаторства и авантюры.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, демократическая альтернатива, политическая борьба в 1917 году, причины неудач эсеровской партии в 1917 г.

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-55-70

В этой статье речь пойдет только о причинах того, почему не удалось реализовать свою демократическую альтернативу партии

социалистов-революционеров — одной из самых влиятельных организаций, действовавших в России в 1917 году, даже несмотря на победу ПСР на выборах в Учредительное собрание.

О целом ряде других сюжетов и проблем, тесно связанных с вышеназванной темой, в том числе о существовании не только демократической, но недемократической эсеровской альтернативе и о двух эсеровских вариантах народнической модели общественно-политического переустройства России — демократическом и недемократическом, а также о спорах вокруг возможности альтернатив в истории и осуществимости эсеровского демократического проекта, речь уже шла (и еще будет идти) в других статьях и дискуссиях.

Нужно более критически относиться к тому, что победить в 1917 году демократическая альтернатива не могла, а победить могли и тогда, и позже только красные или белые. Представляется, что можно говорить о традиционной недооценке и недостаточной изученности как степени зрелости формирующегося российского гражданского общества, так и на реальных восходящих модернизационных процессах, которые в течение многих десятилетий недооценивались и упрощались.

Это очень важно, так как до сих пор доминирует взгляд, что в России могла утвердиться только диктатура — белая или красная, и с порога отменяются попытки хотя бы проанализировать иные возможные альтернативы. Кстати, и консерваторы всех мастей в эмиграции, и коммунисты в России (а также и те, кто это повторяет до сих пор) часто утверждали и утверждают это вместе с другой лжеаксиомой — «Россия к демократии не готова» и часто добавляли (иногда подразумевали): «И не надо!»

Можно с очень большой долей уверенности констатировать, что в России созрели необходимые минимальные и достаточные предпосылки для развития по пути демократии и, более того, в 1917 году очень бурно пошли процессы роста элементов и структур гражданского общества — общественных организаций, партий, профсоюзов. Восходящий поток роста и процесса развития и укрепления всех этих структур был очень мощным. Пошел и процесс роста самосознания и политического развития. Характерен пример, когда, по свидетельству эсера Б. Соколова, солдаты, сначала не понимавшие идеи Учредительного собрания и тяготевшие к традициям общинного самоуправления, под воздействием агитаторов-социалистов приняли необходимость Собрания уже к лету 1917 года.

Впрочем, восходящему потоку противостоял поток нисходящий, который особенно ярко проявился в годы Гражданской войны, — на архаизацию, насильственные действия вместо мирных, распыление модерновости. Примечательны слова члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева о том, что эсеры добились больших успехов в отрыве питерского пролетариата от большевиков

к лету 1918 года, но недоучли традиции русского народа уходить от проблем — и рабочие из Питера летом 1918 побежали в деревни на прокорм, а сам пролетариат в целом стал деклассироваться и съезживаться.

Была ли возможна демократическая альтернатива развития, под которой подразумевается дальнейшее развитие страны по пути политических свобод, демократии и парламентаризма, которое могло быть реализовано после победы эсеров в Учредительном собрании (далее — УС) и при их определяющем влиянии на политическую жизнь страны? То есть речь идет о той альтернативе, в которой УС не было бы разогнано, а выполнило бы свое историческое предназначение.

Говоря об эсеровской демократической альтернативе, речь идет, конечно, не о воплощении в жизнь эсеровской модели социализма, которая в полном виде была нереализуемой, как и любая теоретическая концепция. Главное заключается в том, что, с одной стороны, эсеры сохранили и развили бы институты демократии и парламентаризма, действующие в условиях политических свобод и многопартийности, а с другой — эсеры упирали не на огосударствление всего и вся и подавление политических свобод, что привело коммунистов к сталинизму с его чудовищной бюрократизацией и несвободой, а делали ставку на развитие самостоятельности, активности и самосознания трудящихся через их участие в органах самоуправления, профсоюзах, земельных комитетах, кооперации и Советах.

Почему представляется возможным говорить о возможности демократической альтернативы в 1917 году, которую условно можно назвать «эсеровской»?

Прежде всего предложенная партией эсеров программа преобразования страны, где главными пунктами были «социализация земли» и федеративное устройство России, получила поддержку значительной части страны. Именно это позволило ей стать в 1917 году самой многочисленной и популярной партией в России. Так, летом 1917 года в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн человек (у кадетов в апреле-мае — 100 тыс. человек в 146 организациях; у большевиков (осенью) около 350 тыс. человек).

Еще более убедительным аргументом в пользу возможности общественно-экономических преобразований при доминировании эсеров представляется победа эсеров на выборах в Учредительное собрание, проходивших уже после захвата власти большевиками, всеми способами пытавшихся повлиять на ход и результаты этих выборов, когда ПСР получила 58% голосов (вместе с национальными партиями эсеровской ориентации) или 39,5% чисто ПСР (по подсчетам Л.Г. Протасова). Впрочем, нужно учитывать, что эсеры и левые эсеры шли по единым спискам на выборы в УС и лишь позже левые эсеры выделились в отдельную партию — ПЛСР, ставшую на короткое время союзницей большевиков.

Можно вслед за В.И. Лениным как угодно трактовать результаты выборов по губерниям, но то, что эсеры одержали победу с таким перевесом, несмотря на все свои предшествующие ошибки, весьма показательно. Традиционное ленинское объяснение популярности эсеровской партии и ее лозунгов, сводящееся к пресловутой «мелкобуржуазной волне», вряд ли может сегодня удовлетворить исследователей. Увы, но и сегодня эти ленинские оценки, как и ошибочное представление, что сама суть эсеровской партии, ее душа и квинтэссенция — это террор, продолжают жить и уводить внимание от главного — что победа ПСР на выборах в Учредительное собрание и принятие ее законопроекта «социализации земли» — было не чем иным, как легитимной победой эсеровско-демократической альтернативы, началом движения России по пути сохранения и развития политических свобод, демократии, парламентаризма и целенаправленной защиты прав трудящихся и движения к социальному государству. Что именно этот путь развития, предложенный демократической частью эсеровской партии, и есть самое главное в ней, ее квинтэссенция, а вовсе не террористическая тактика, как представляется, принесшая ей как массовой социалистической партии больше вреда, чем пользы.

Что касается до сих пор встречающихся рассуждений о «мелкобуржуазности» и «несоциалистичности» эсеров, то следует понимать, что партия социалистов-революционеров была социалистической партией, принадлежащей к старейшей ветви русского социализма — народничеству. Сам же термин «мелкая буржуазия» требует к себе намного более критического отношения. Не надо забывать, что он зачастую использовался как ярлык, который навешивали друг на друга, например, и большевики, и меньшевики.

Еще раз подчеркнем, что эсеровская демократическая альтернатива не просто стала возможной, но и начала воплощаться в жизнь самим фактом созыва Учредительного собрания, победой в нем эсеров и первыми же принятыми законами. Нет сомнений, что не разгони большевики при поддержке левых эсеров и части анархистов Учредительное собрание, страна осуществила бы свой шанс продолжить развитие по пути сохранения политических свобод, многопартийности, демократии и парламентаризма.

В.М. Чернов, анализируя причины выборных успехов ПСР не только в первый период 1917 года, но и в его конце, констатировал: «Эти выборные успехи приходится всецело приписать огромной популярности, которую завоевала эсеровская *программа*, в особенности же два ее пункта: земельная реформа и требование федеративного переустройства России. Наоборот, источником слабости партии была ее *тактика*»¹.

Но потенциальная возможность вовсе не означает реальное осуществление. Это две разные плоскости, которых почему-то часто

1. Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.

не видят. Реальному осуществлению помешало множество причин как объективного, так и субъективного характера и различной значимости.

Итак, почему ПСР — крупнейшей партии в 1917 году — не удалось реализовать движение по пути политических свобод и демократии и воплотить на практике свою демократическую альтернативу?

Часть причин лежит в объективных условиях, в том числе и в накаленности социально-политических противоречий, вызванных слишком долгой затяжной модернизацией страны предыдущим режимом, всеобщим озлоблением и усталостью, вызванными войной, в психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков, обещавших «всё и сразу», в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного собрания и т. д.

Об объективных обстоятельствах и причинах неудач ПСР в 1917 году надо говорить всерьез, так как не следует забывать, как их оппоненты из большевистского и левозероветского лагеря, а затем и советские историки, всегда затушевывали их, предпочитая говорить об «измене эсеров интересам трудящихся», о том, что эсеры продались «международному и российскому капиталу».

Безусловно, внешние условия для реализации созидательного потенциала как эсеров, так и других сил, стремившихся к развитию страны на базе сохранения демократии и политических свобод, были крайне неблагоприятные: ненависть и ожесточение, раздутые войной до небывалого уровня.

Кроме того, нужно помнить об институциональной слабости только-только формирующихся структур гражданского общества и невысоком уровне политической культуры большинства населения страны.

Особо отметим стремление масс «получить всё и сразу», родившееся, с одной стороны, из своего рода «отложенного спроса», с другой — из фантастических социальных иллюзий масс, не понимавших сложности социально-политического устройства общества и механизмов его функционирования и развития.

Фактически массы в условиях мировой войны хотели значительно большего, чем могла им дать самая искренняя, самая демократическая власть.

Конечно же, на этом и спекулировали большевики, рвавшиеся к власти и готовые ради нее на все — от скоропалительной измены большинству своих социал-демократических постулатов до готовности пойти на авантюры и преступления.

Парадокс в том, что пружину «отложенного спроса» и социально-политической неудовлетворенности сжимала десятилетиями старая власть, а сметать всё на своем пути эта пружина стала уже после гибели монархии, и виновными в этом называли демократов.

Коридор возможностей для сохранения эсерами демократии в России, как представляется, был, хотя и весьма узкий. Как

К.Н. Морозов

Почему партии социалистов-революционеров не удалось реализовать свою демократическую альтернативу в 1917 году?

справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер в декабре 1917 года на IV съезде ПСР, для этого нужно было созывать Учредительное собрание на 2–3 месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования. Ее вывод гласил: «Большевики здесь бесконечно виноваты перед историей: они ввергли Россию в нищету и поражение. Но виноваты и мы, ибо не сделали того, что должны были сделать. <...> Мы не отстаивали классовых интересов трудящихся»².

Первоначально эсеры оказывали поддержку Временному правительству, не входя в его состав, но затем трижды на протяжении 1917 года входили в коалиционные правительства (А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, С.Л. Маслов). Но характерно, что В.М. Чернов, состоявший в первых двух коалиционных правительствах в качестве «министра земледелия», подал в июле 1917 года в отставку из-за практической невозможности защиты интересов крестьян в духе эсеровской «социализации земли» из-за противодействия кадетов и Г.Е. Львова.

На VII Совете партии было отвергнуто как «авантюристическое» предложение М.А. Спиридоновой установить единовластие партии эсеров. Предложения В.М. Чернова о создании коалиционного социалистического правительства без кадетов блокировались внутри руководства партии правыми и правоцентристами. Из-за отсутствия единства фракция социалистов-революционеров на Демократическом совещании (27 сентября — 5 октября) хотя и была самой большой, но не смогла повлиять на его решения.

Чернов и ряд левоцентристов и левых эсеров в сентябре 1917 года выступали за отказ от коалиционной политики и создание коалиционного социалистического правительства. Было даже принято такое решение ЦК ПСР во время работы Демократического совещания, но правоцентристы Гоц и Авксентьев вновь заблокировали этот курс, и вновь была продолжена политика коалиции с буржуазными партиями.

В.М. Чернов прямо обвинял Гоца и Авксентьева в том, что, цепляясь в 1917 году за отжившую непопулярную идею коалиции, они сыграли на руку большевикам. Попытки Чернова создать в сентябре 1917 года правительство из социалистических партий, чтобы выбить козыри из рук большевиков и продержаться до Учредительного собрания, были блокированы Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, В.М. Зензиновым, А.Р. Гоцем.

Если бы было реализовано в сентябре создание коалиционного социалистического правительства, проведены выборы в Учредительное собрание и земельные реформы, путь развития страны мог быть иным.

По не вошедшим в книгу воспоминаниям В.М. Чернова, во второй половине 1917 года он в один из «...переломных для партии

2. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 180–181.

моментов» «...тщетно доказывал, что коалиционный период кончен, что или надо отдавать власть цензовикам — что вызовет немедленно новую революцию, бенефициантами которой выйдут большевики, или брать власть в руки «однородного» — эсеро-трудовически-меньшевистского правительства. Керенский в таком относительно-однородном правительстве участвовать категорически отказывался. Проститься с ним верхи нашей партии не решались и скрепя сердце шли на новое перешивание «Тришкина кафтана коалиции». Гоц и Авксентьев метались, подобно маятнику, с Галерной (резиденция Ц.К.-та) в Зимний дворец и обратно»³.

По словам В.М. Чернова, на одном из таких собраний ЦК присутствовал О.С. Минор, ненадолго приехавший из Москвы, занимавший «коалиционистскую позицию». Вернувшись из Зимнего дворца, Авксентьев и Гоц объявили, что кадеты проявляют небывалое упорство и без новых уступок им Керенскому не удастся составить кабинет. И тут О.С. Минор «...вдруг взвился на дыбы: “Ну и к черту их! Не хотят, так и не надо. Была бы честь предложена, а от убытку бы избавил. Чего на них смотреть — образуем свое собственное правительство, и дело с концом, внакладе останутся они, а не мы...”»⁴.

В.М. Чернов вспоминал: «Я был приятно удивлен новым неожиданным союзником, а коалиционисты смущены отпадением такого видного единомышленника. В ответ на слабые возражения, что у объединенной трудовой демократии, пожалуй, даже не найдется достаточно компетентных людей для возглавления всех министерств, я тотчас же предъявил примерный список, почти по всем министерствам, дублированный на случай отказа намеченных кандидатов. О.С. Минор настоял, чтобы Гоц и Авксентьев взяли этот список с собою и предъявили его Керенскому, если он снова заявит, что без кадет кабинета образовывать не станет, и снова демонстративно будет спрашивать, в чьи же руки ему сдавать власть... Но прежней напористости у О.С. уже не было. Он вспыхнул и загорелся старым боевым огнем ненадолго, чтобы вскоре опять остыть. Наши делегаты вернулись с новым, на мой взгляд, более чем неудовлетворительным компромиссом, но я тщетно возражал против него. О.С. быстро сдался и поспешил уехать назад, в Москву»⁵.

Двадцать лет спустя А.Р. Гоц справедливо считал, что правая часть руководства ПСР сделала собственную партию заложником действий Временного правительства и А.Ф. Керенского: «Участие Керенского в правительстве в докоалиционный период приводило к тому, что партия с.-р., не имея возможности влиять на ход политики Временного правительства, тем не менее несла всю полноту ответственности за все шаги его (выделено нами. — *К.М.*).

3. ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 69. Л. 918.

4. Там же. Л. 918–919.

5. Там же. Л. 919.

Особенно трагически для партии с.-р. ненормальность подобного положения сказалась во время июньского наступления, оказавшего, как известно, огромное влияние на позднейшие события и давшего мощный толчок к дальнейшему развязыванию революционных сил»⁶.

Но помимо ряда объективных причин, искать причины неудач ПСР в 1917 году следует также и в самой партии, в ее действиях, в переплетении неизжитых иллюзий, идеологических расхождений и личной борьбы за власть в партии. Среди этих причин и неизжитые иллюзии по отношению к вчерашним большевистским друзьям, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине; и прекраснодушие этих эсеров, их неисправимый оптимизм. Кроме того, свою роль играло и желание действовать правовыми методами без экспериментаторства и авантюры.

Стремительный переход от организационно ничтожной и подпольной партии эсеров к правящей и решающей судьбы страны застал партию эсеров не очень-то к этому готовой.

По мнению А.Р. Гоца, поддержку крестьян и солдат ПСР потеряла из-за оттягивания решения земельного вопроса, а главное — из-за вопроса о мире. Но причины откладывания решения земельного вопроса были вовсе не те, в которых эсеры обвиняли большевики — «предательство интересов крестьянства буржуазии», а... в опасениях развалить фронт: «В земельном вопросе оборонческая позиция партии также наложила свой роковой отпечаток. Из-за опасения, что раздел земли в разгар военных действий может вызвать повальный отлив крестьянства из армии в деревни, и считаясь с тревожными воплями наших продовольственников, что немедленный раздел земли может поставить под угрозу все дело снабжения действующей армии и вызвать полный крах фронта, мы вынуждены были вести кунктаторскую политику, политику затяжек и задержки в земельном вопросе, которая вызвала недовольство и разочарование деревни, требовавшей немедленной реализации своих вековых чаяний»⁷. За коалицию с кадетами и буржуазией часть эсеров цеплялась тоже из-за необходимости продолжать войну.

Серьезным источником слабости ПСР стал тот внутривнутрипартийный раздор, который начался в ПСР уже после дела Азефа, и привел к обрушению морально-психологической атмосферы в партии, распаду ее «коллективного лидера», усилению фракционных процессов, а после начала войны — и расколу на оборонцев и интернационалистов.

Партия, которая ранее в 1902–1913 годах была едина в своем отношении к войне, вдруг раскололась на тех, для кого патриотизм

6. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 22–25.

7. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 17–19.

и Россия оказались важнее, чем революция и классовые интересы трудящихся, и наоборот. Они вдруг поняли, что ставят во главу угла разные приоритеты и стали варварами друг для друга, заговорив на разных языках. Не случайно, что уже в 1915 году дело дошло до разрыва личных отношений.

В чем, собственно, дело? В том, что оборончество родило совершенно непривычное до этого в эсеровской среде государственничество, усугубившееся в 1917 году победой Февральской революции, когда встал вопрос о защите уже революционной России, что сделало революционными оборонцами даже таких интернационалистов, как Чернов. Насколько был серьезен раскол и до какой степени оборонцы как патриоты-государственники и пораженцы как интернационалисты говорили уже на разных языках, хорошо видно из выступления эсера-оборонца Иваницкого-Василенко на III съезде ПСР в мае-июне 1917 года: «Вопрос о Константинополе, вопрос о проливах — это вопрос русского империализма, но не экономического империализма, а того империализма, который стремится завоевать необходимые ценности, необходимые культурные ценности для развития России. Мы желаем получить доступ к источнику мировой культуры — к Средиземному морю!» (Партия социалистов-революционеров, 2000: 215).

Нетрудно себе представить, как на подобное высказывание могли реагировать левые эсеры и левоцентристы, стоявшие на интернационалистических позициях!

Для них это явно было предательством революционных идеалов со стороны их прежних товарищей.

С другой стороны, оборонцы смотрели на интернационалистов как на пораженцев-предателей родины, объективно помогающих врагам России.

Внутрипартийный разлад густо был замешан не только на идейных разногласиях, но и на отсутствии авторитетного партийного вождя, в отсутствие которого (да еще в условиях сильно обострившихся личных взаимоотношений) ряд видных партийных деятелей претендовали на лидерство в партии (усиливая этим сумятицу и окончательно раскалывая партию).

В.М. Чернов, говоря о причинах центробежных сил, раскалывавших партию, о причинах потери управляемости партии и ошибках в ее тактике, связывал воедино то, что партию затопили «мартовские эсеры», и то, что Чернов оказался один, без поддержки М. Гоца и Гершуни: «Но сама сила партии была источником ее слабости. В ряды эсеров неудержимо устремилась пестрая и многоликая улица. Это напоминало бегство овечьего стада. Люди, которые вчера понятия не имели ни о каких партиях, сегодня называли себя социалистами-революционерами и решали вопросы партийной жизни. Ничтожная горстка старых эсеров тщетно пыталась справиться с сырой, неоформленной массой, которая заполонила партию. Ни в какой другой партии переход от старого

“скелета” к новому живому организму не был таким беспорядочным; тем более что в предшествующий период смертельной борьбы с самодержавием ни одна партия не понесла столько жертв и не была так обескровлена. Григорий Гершуни — возможно, величайший революционер на свете, организатор партийных боевых групп — умер в царской тюрьме десять лет назад. Михаил Гоц, человек замечательных способностей и неиссякаемой энергии, прозванный «партийной совестью», умер от таинственной болезни, обострившейся в неаполитанской тюрьме, куда его посадили по настоянию царского правительства. После этих потерь Виктор Чернов, создатель “военной доктрины” партии, теоретик движения, чувствовал себя в полном одиночестве. В годы мировой войны его изоляция усилилась» (Чернов, 2007: 370).

С весны 1917 года были сделаны попытки воссоздать единое партийное руководство, был избран единый ЦК, много говорилось о единстве партии, но на практике под маской единого руководства и ЦК разгоралась подковерная внутрипартийная борьба, результатом которой стал ряд серьезных ошибок в тактике ПСР, приведших ее к потере поддержки в массах.

В.М. Чернов вспоминал в 1930-х годах: «Попытки Чернова реализовать аграрную политику партии привели к его изоляции внутри правительства, а затем и к отставке. Лидеры партии принесли политику Чернова в жертву коалиции. Вместо того чтобы перенести центр тяжести в сторону социализма, как происходило во всей стране, Керенский постоянно перекраивал правительство, заменяя социалистов, преданных партии, угодливыми беспартийными “социалистами”. Партия терпела это положение так долго, что падение Временного правительства, которое она тщетно пыталась защитить, стало катастрофой и для нее самой.

Партия эсеров не реализовала собственную политику, политику Третьего съезда. Ее курс сместился вправо.

Чем было вызвано это смещение? Следующий партийный съезд осудил Центральный комитет за слабое руководство, терпимость к нарушениям партийной дисциплины и неумение воплотить в жизнь решения партии» (Чернов, 2007: 373).

Позже он писал: «Через полгода после Третьего съезда партийная линия еще больше сместилась вправо. Дело дошло до того, что цикл статей Чернова, предупреждавших о приближении катастрофы, не был опубликован в центральном органе партии даже как его личное мнение. Центральный комитет решил, что партия слишком привыкла воспринимать статьи Чернова как официальную позицию руководства, что их отклонение от курса комитета может сбить с толку рядовых членов. Но и тут Чернов подчинился дисциплине и стал терпеливо ждать созыва Четвертого съезда.

<...> К несчастью, скорость развития исторических событий опередила ход неповоротливой партийной машины. <...> Линию

партии выправили, но было уже слишком поздно» (Чернов, 2007: 379).

То, что «правая» часть руководство партии не придавала большого значения партии как важнейшему инструменту политической борьбы, а увлеклась верхушечными политическими комбинациями, видно не только из того факта, что в партийных организациях на петроградских заводах даже в августе 1917 года не было освобожденных партийных работников по причине отсутствия денег и непонимания важности укрепления своих позиций на заводах, но и то, что руководство не озаботилось как следует наладить информирование собственной партии о внутривнутрипартийных делах. Так, например, ряд вопросов делегатов IV съезда ПСР, проходившего в конце ноября — начале декабря 1917 года, свидетельствовал о плохой информированности делегатов партии о партийных делах и о том, что они черпали информацию из большевистских и левоэсеровских источников в соответствующей трактовке.

Впрочем, объективно не хватало ни кадров партийных организаторов, ни денег, ни времени на эту грандиозную работу организационного оздоровления партии.

А задача оздоровления ее морально-психологического климата и восстановления атмосферы товарищеских взаимоотношений, характерных до 1908 года, в рамках единой партии, в которой все друг с другом переругались, вообще была нерешаемой. На мой взгляд, Партии эсеров не повезло, что она в 1913–1914 годах, несмотря на все попытки, не смогла или не успела провести III съезд партии, который называли Учредительным, так как многие были уверены, что во главе партии встанут новые молодые эсеровские силы, пришедшие в партию после 1911 года и создавшие новые российские партийные организации, взамен распавшихся и разгромленных. Они возглавят партию и войдут в ЦК, вместо скомпрометировавших себя старых лидеров и предложат партии свою идейно-тактическую линию, поддерживаемую российскими эсерами. Тогда же и прошли бы расколы и отколы всех несогласных.

Увы, вместо этого старая партия к 1917 году пришла формально единой, но с разрушенной морально-психологической атмосферой и в ожесточенной идейной борьбе.

Как показал 1917 год, политические элиты редко соответствуют вызовам истории, и справедливо говорят: «Генералы готовятся к прошедшим войнам!» Политические генералы тоже оказались не на высоте тех вызовов, которые поставила перед ними история. Во время прений по докладу Чернова о текущем моменте член ЦК ПСР Прилежаев на IV съезде ПСР заявил: «Одно время власть была у нас в руках, у нас были громадные ресурсы. За нами стояли масса пролетарская, масса крестьянская, масса солдатская. <...> В.М. на одном из заседаний ЦК, когда речь шла о том, что мы наживаем себе врагов, не ведя определенной политики, сказал, что наша тема такая, которая нас вывезет, что тема эта хорошая — земля и воля.

И вот случилась необыкновенная вещь. Оказалось, что тема эта, действительно, лучшая, что она от нас ускользнула, она перешла к большевикам. Теперь большевики обладают многими хорошими темами и власть находится у них.

<...> Мы не верили в энтузиазм массы, и центр тяжести нашей работы перенесли на то, что в тиши кабинетов писались аграрные законы. Да, у нас на носу был и закон аграрный и был мир. Но, очевидно, мало писать декреты, мало писать аграрные законы. Революция имеет свои законы, процесс революции имеет свою психологию, свой метод действий»⁸.

Представляется, что нельзя было воссоздавать весной 1917 года единую партию. Или же В.М. Чернову надо было решительно колоть ее весной-летом 1917 года и вести собственную линию, создав коалиционное социалистическое правительство и настояв на скорейшем созыве УС и проведении аграрных реформ.

Чернов в своей книге «Великая русская революция» неохотно признает, что его надежды на единство оказались преувеличенными. Третий съезд принял центристскую линию поведения, но правое большинство ЦК напористо вело свою линию, а он подчинялся партийной дисциплине и не решился расколоть партию. Вот его признание, которое дорогого стоит: «В 1917 году верхи партии были столь далеки от низов, что человек с характером Ленина мог бы многого достичь, ставя ультиматумы руководству партии, подкрепляя эти ультиматумы призывом к рядовым членам. Критические обстоятельства слишком часто требовали резкого поворота руля, но усилия Чернова ослаблял страх за судьбу партии. Он действовал менее твердо и решительно, чем требовалось для принятия его точки зрения, иногда опасаясь разорвать и без того ослабевшие партийные узы, иногда боясь сбить с толку местные партийные организации своей личной борьбой с Керенским, иногда надеясь, что тактика выжидания и откладывания конфликта поможет выяснить, кто был прав, а кто нет, и безболезненно выправить партийную линию. Возможно, эти причины были уважительными, но следует признать, что Чернов принес в жертву фетишу недостижимого партийного единства активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе» (Чернов, 2007: 378-379).

Важно подчеркнуть: неуспехи эсеров в 1917 году связаны также с отсутствием общепартийного вождя, который мог бы объединять и вести за собой и руководителей партии, и партийную массу. Существовавший ранее «коллективный лидер» распался к Первой мировой войне, начались мощные фракционные процессы, сильно обострившиеся с расколом на оборонцев и интернационалистов.

А.Р. Гоц писал двадцать лет спустя об отсутствии авторитетного лидера как о весьма важном факторе, способствовавшем неудачам ПСР в 1917 году: «Необходимо также подчеркнуть, что росту

8. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 194–195.

центробежных сил, раскалывавших партию с.-р., в значительной мере содействовал и тот факт, что партия с.-р. вступила в революцию без общепризнанного вождя. Партия с.-р. располагала в период 1917 году значительными кадрами: в ее состав входили талантливые журналисты, одаренные муниципальники, видные кооператоры, профессиональные работники, опытные крестьянские работники, неплохие профессионалы-подпольщики. Но ее не возглавлял вождь с непререкаемым авторитетом, за которым партия привыкла бы идти во все поворотные моменты истории. В.М. Чернов был наиболее видным идеологом партии, но он не обладал ни способностями организатора, ни данными государственного деятеля, ни политической прозорливостью и целеустремленностью политического вождя (выделено нами. — *К.М.*)»⁹.

Керенского в роли партийного вождя не признала ни значительная часть руководителей ПСР, ни партийные функционеры.

Чернов писал позже о Керенском: «Внутри партии эсеров он с начала и до самого конца оставался “вещью в себе”, самовольным и капризным политическим партизаном. Естественно, его псевдоромантическая личность и громкое имя привлекли в партию так называемых “мартовских эсеров” — гибридную группу, руководившуюся стадным инстинктом, модой на эсеровскую философию, ореолом прошлой героической борьбы или просто соображениями карьеры. Эти люди сделали Керенского живым знаменем, восхищаясь его умением сколачивать коалиции и манерами диктатора. Все они присоединялись к правому флангу партии, который оставался эсеровским только по названию.

<...> В глубине души Керенского всегда тянуло к диктатуре, но внешне он сопротивлялся этому желанию. То, что Керенский формально числился эсером, создавало для партии огромные сложности. Она несла за него ответственность как за одного из своих вождей, хотя в рядах партии он был таким же чужеродным элементом, как человек с другой планеты. Его политика полностью противоречила платформе социалистов-революционеров. Но порвать с ним становилось все труднее и труднее, поскольку это означало бы попытку сформировать относительно однородное правительство демократии трудящихся с оттенком социализма. Это означало бы разрыв с партией меньшевиков, которая оспаривала данную идею с пеной у рта. Существовала и опасность раскола внутри партии, создания “национальной партии социалистов-революционеров” и ухода многих людей с громкими именами. Раскол накануне выборов в Учредительное собрание мог лишить партию всех ранее достигнутых успехов. Группа центра во главе с Черновым не могла с этим мириться» (Чернов, 2007: 372, 374-375).

В.М. Чернов признавал, что ошибся в Керенском, надеясь использовать его популярность: «Чернов доверял людям больше,

9. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 6.

чем следует политику. На первых порах он с более молодым Гоцем протянул руку Керенскому, юная сила и огромная популярность которого могли пойти на пользу партии. Однако популярность Керенского была неглубокой, ей еще только предстояло проникнуть в массы. Гоц и Чернов строили планы: Керенский возглавит правительство, подпишет декрет, запрещающий все сделки с землей, свяжет свое имя с традиционной крестьянской мечтой об изъятии земли у помещиков, с мечтой о свободном доступе к земле для тех, кто ее обрабатывает. Казалось, Керенский с этим согласен, но выяснилось, что нет. Он не хотел терять популярность у цензовой публики. В конце концов с этими планами и надеждами пришлось расстаться. Чернов долго не желал приносить в жертву надежды, которые он возлагал на Керенского. Он написал декларацию, которая должна была определить связь Керенского с партией, без ведома коей последний вошел в буржуазное правительство» (Чернов, 2007: 376).

Американский историк О. Радке считал, что Г.А. Гершуни, будь он жив в 1917 году, сумел бы повести за собой партию и противостоять Ленину.

Сам Чернов в начале 1930-х годов в книге, посвященной юбилею Февральской революции, считал, что успешным было бы трио из М. Гоца, Гершуни и самого Чернова: «В таких условиях центру приходилось нелегко. Ему было бы нелегко даже в том случае, если бы сохранилось старое ядро партии во главе с Черновым, Михаилом Гоцем и Григорием Гершуни. Но оставался один Чернов, больше теоретик, оратор, публицист, лектор и ученый, чем профессиональный политик. Истинно славянская широта натуры, мягкость и уступчивость сочетались в нем с тенденцией уходить в мир идей, социальных диагнозов и прогнозов, умственной инициативы и творческого воображения и предоставлять конкретную организацию текущей работы другим» (Чернов, 2007: 375).

Увы, триумvirат, как и любой другой коллективный лидер, мог существовать, когда руководители партии шли на самоограничения во имя единства партии не на словах, а на деле, что было возможно на первых этапах существования партии, но в 1917 году было уже нереальным. В одиночку ни один из видных руководителей партии, которые стали претендовать на роль вождя партии — В.М. Чернов, А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев — с этой ролью не справился. Не хватило нужных талантов и у Авксентьева, который также попытался сыграть эту роль «главного среди первых» в партии и вступил в конкурентную борьбу с Черновым.

Эта борьба длилась не только на протяжении периода от Февраля к Октябрю, но и после него, когда Авксентьев сознательно расстраивал попытку Чернова возглавить альтернативное большевикам социалистическое правительство, проект которого Чернов пытался реализовать на рубеже октября-ноября 1917 года.

Но еще сильнее их личное противостояние проявилось в 1918 году, когда Авксентьев возглавил коалиционную Уфимскую директорию, поставив эсеровский Самарский Комуч в подчиненное положение.

Представляется, что личная борьба Чернова и Авксентьева за доминирование в эсеровской партии очень дорого обошлась и самой партии, и стране.

Подводя итог. Потенциал эсеровской партии и ее людей оказался в силу целого ряда объективных и субъективных причин не реализован. Особенно это касается нереализованной демократической альтернативы эсеров. Об этом очень хорошо написал Варлам Шаламов еще в 1964 году в своем рассказе «Лучшая похвала» (сборник «Левый берег»), где есть следующие, на наш взгляд, точные и справедливые строки: «Эсеровская партия — партия трагической судьбы. Люди, которые за нее погибли — и террористы, и пропагандисты, — это были лучшие люди России, цвет русской интеллигенции, по своим нравственным качествам все эти люди, жертвовавшие и пожертвовавшие своими жизнями, были достойными преемниками героической “Народной воли”, преемниками Желябова, Перовской, Михайлова, Кибальчича. <...> И в свержении самодержавия эсеровская партия сыграла великую роль. Но история не пошла по ее пути. И в этом была глубочайшая трагедия партии, ее людей»¹⁰.

Представляется, что ценны в эсеровской демократической альтернативе не только ее традиционные народническое народолюбие и демократизм и не только попытка пойти по пути решительных реформ к социальному государству и к модернизации (с учетом интересов трудящихся классов общества), но не менее ценно и то, что после эсеров (центра и правых), когда они через несколько лет проиграли бы (по законам маятника) очередные выборы более правым силам, в России остался бы работающий механизм парламентаризма и смены власти демократическим путем, политические свободы, мощные профсоюзы и окрепшие институты гражданского общества, а не созданные большевиками их симулякры и укрепленные ими же недемократические традиции управления, непреодоленные и в постсоветское время.

Библиография

- Партия социалистов-революционеров (2000). Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М.
- Чернов В.М. (2007). Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М.: Центрполиграф.

10. См.: сайт «Варлам Шаламов»: <http://shalamov.ru/library/3/12.html>

Why did the Socialist Revolutionary Party fail to realize its democratic alternative in 1917?

Konstantin Morozov, Dsc (History), Professor of the Department of the History of Russian Statehood STEPS ION RANEPА. 119571, Moscow, Vernadsky Prospect, 82. E-mail: morozov.socialist.memo@gmail.com.

The article analyzes the reasons why the Socialist Revolutionary Party (PSR), one of the most influential organizations that operated in Russia in 1917, failed to realize its democratic alternative despite its victory in the elections to the Constituent Assembly. In contrast to the still prevailing view that only a White or Red dictatorship could be established in Russia, the author believes that the necessary minimal and sufficient pre-conditions for the development along the path of democracy were ripe, and that the processes of the growth of the elements and the structures of civil society such as public organizations, parties, and trade unions began in Russia in 1917. However, the upward flow was opposed by the downward flow consisting of archaization, violent actions instead of peaceful ones, and the dispersion of modernity, all of which were especially evident during the Civil War. The reasons for the failure of the Socialist-Revolutionary alternative, on the one hand, lay in objective conditions, including the tense social and political contradictions caused by the too-long delay of the country's modernization by the previous regime, the general bitterness and fatigue caused by the war, and in the psychological attractiveness of the populist Bolshevik slogans that promised «everything and immediately». This was in contrast to the Socialist-Revolutionaries who proposed to defend the country from the irresponsible actions of the Bolsheviks seeking power, and to postpone the implementation of socio-economic transformations before the convocation of the Constituent Assembly.

On the other hand, the reasons for the PSR failures in 1917 are also to be found in the party itself, as seen in its actions in the interweaving of undrawn illusions, ideological discrepancies, and the personal struggles for power in the Party. Among these reasons are the illusions about yesterday's Bolshevik "friends-enemies", in which many Socialist-Revolutionaries saw enemies like Kornilov or Denikin as not so terrible, the generosity of these people, and their incorrigible optimism. In addition, the desire to act by legal methods, without experimentation and adventures, also played a role.

It seems that the Socialist-Revolutionary democratic alternative was valuable not only for its traditional Narodnik (the love of people and democracy), or its attempts to take the path of decisive reforms to the social state and to modernization (taking into account the interest of the working classes of society), but equally for the existence of the socio-political conditions when the Socialist-Revolutionaries (the center and the right) would lose (according to the laws of the pendulum) the next elections in a few years to more right-wing forces. There would have been a working mechanism of parliamentarism, the changing of power in a democratic way, strong trade unions, and strengthened institutions of civil society in place, rather than the simulacra soon to be created by the Bolsheviks, and their reinforced undemocratic managerial traditions which were also unresolved in the post-Soviet period.

Keywords: Socialist Revolution Party, democratic alternative, political struggle in 1917, reasons for the failure of the Socialist Revolutionary Party in 1917

References

- The party of socialists-revolutionaries* (2000). Documents and materials. Vol.3. Part 2. October 1917–1925. Moscow.
- Chernov V. M. (2007) *Great Russian Revolution. Memories of the Chairman of the Constituent Assembly. 1905–1920*. Moscow: Centerpolygraph.

Александр Александрович Никонов: жизнь и вклад в науку

Э.Н. Крылатых, Е.Ю. Фролова

Эльмира Николаевна Крылатых, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел конъюнктуры аграрных рынков. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Елена Юрьевна Фролова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел конъюнктуры аграрных рынков. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: efrolova@inbox.ru

Статья посвящена истории жизни, творческому наследию и вкладу в аграрную экономическую науку академика и последнего Председателя Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина Александра Александровича Никонова (1918–1995). Дается краткая биография ученого, рассказывается о трансформации его взглядов: от первоначальной глубокой веры в идеалы коммунизма к критическому отношению к деятельности советской власти по отношению к крестьянству.

Он изучает экономические взгляды российских и зарубежных ученых-аграрников, призывает пересмотреть результаты работы советской власти и разрабатывает свой план реформы. Ему принадлежит заслуга реабилитации А.В. Чаянова, чьи идеи о кооперации он разделял и пропагандировал. Реализацию идей Чаянова и Никонова можно обнаружить в кооперативном секторе сельского хозяйства современной Германии.

В статье подробно анализируется главный и последний труд ученого монография «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв.», ставшая настоящей энциклопедией аграрной экономической науки и истории сельского хозяйства в России. Кроме того, он неоднократно подчеркивал, что реформы — это не кратковременная акция, а длительный процесс. Основные положения, которые он рассматривал как необходимые для проведения реформы, стали основой российской аграрной политики. Но главная его идея пока далека от воплощения. В первую очередь он считал необходимым наделение крестьянина правами собственности и превращение крестьянской кооперации в одну из основных сил развития села.

Ключевые слова: А.А. Никонов, А.В. Чаянов, история аграрной науки, реформы сельского хозяйства, сельскохозяйственная кооперация, права собственности на землю

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-71-85

Он верил, что наступит Время собирать камни.

Из воспоминаний об А.А. Никонове

19 августа 2018 года исполнится 100 лет со дня рождения последнего президента ВАСХНИЛ¹ Александра Александровича Никонова. Юбилей — замечательный повод, чтобы разобраться, в чем состоят главные заслуги перед российской аграрной экономической наукой, в чем уникальность академика Никонова.

Александр Александрович Никонов — выходец из крестьянской семьи, родился в 1918 году в деревне Зайково Вышгородецкой волости Островского уезда Псковской губернии (теперь это пос. Зайково в Пыталовском районе Псковской области). Он получил хорошее образование — сначала в гуманитарной гимназии в г. Абрене, а затем в Риге в Латвийском государственном университете.

На первых порах он искренне верил в идеалы коммунизма и активно участвовал в его строительстве. В 1939 году, будучи студентом Латвийского университета, Александр Никонов стал членом подпольной Компартии Латвии. В 1940 году, когда Красная армия вступила в Прибалтику, Никонов устанавливал советскую власть в родном уезде. В 1941-м с батальоном латышских добровольцев отступал от Риги до Москвы и с перерывами на лечение от ранений оставался на фронте до 1944 года. Затем в течение двух лет Александр Александрович был первым секретарем Абренского и Даугавпилсского укомов партии, еще пять лет — секретарем Латвийского ЦК по сельскому хозяйству, а затем десять лет проработал министром сельского хозяйства Латвийской ССР. Посчитав, что у него недостаточно специальных знаний, в 1959 году он окончил Латвийскую сельскохозяйственную академию по специальности «агроном-экономист». Его партийная и профессиональная карьера до 1962 года стремительно шла вверх: он дважды избирался депутатом Верховного Совета Латвийской ССР, депутатом Верховного Совета СССР, депутатом Рижского городского краевого совета, был членом ЦК КП Латвии с 1946 по 1961 год, делегатом партийных конференций и съездов. Его заслуги военных лет и впоследствии достижения в науке были высоко оценены: орден Красного Знамени (1942), орден Отечественной войны II степени (1945), орден Отечественной войны I степени (1985), четыре ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени (1946 и 1974) — сложно перечислить все награды Александра Александровича Никонова. Однажды он сказал, что дороже всех для него самая первая награда — орден Красного Знамени, который он получил за страшный бой под Москвой в декабре 1941 года².

1. ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина.
2. Сайт «Библиотека людей». Воспоминания об Александре Никонове. <http://facecollection.ru/people/aleksandr-nikonov>

Но высокое положение в партийно-хозяйственной иерархии не помешало ему переосмыслить — через призму положения дел в сельском хозяйстве — реальность и резко изменить отношение к идеям коммунизма и практике его строительства. Надо отметить, что с 1945 года Никонов на общественных началах стал редактором уездной газеты, а затем — редактором и составителем многих научных изданий.

В 1962 году произошло два события: Александр Александрович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР» и окончательно вошел в конфликт с первым секретарем компартии Латвии А.Я. Пельше. В результате в 1962 году А.А. Никонов спустился сразу на много ступенек партийно-хозяйственной иерархии и из министра сельского хозяйства стал старшим научным сотрудником отдела экономики Латвийского НИИ земледелия. Позже, вспоминая то время, Никонов писал: «В пятидесяти годах у меня произошла существенная эволюция взглядов от революционного романтизма с непоколебимой верой во все, что говорилось и писалось, в сторону критического осмысления действительности. Этому способствовал начатый мною обстоятельный анализ происходившего в деревне, и не по сводкам, а на основе системного социально-экономического изучения. Свои взгляды и позицию я не скрывал, выражал их письменно и устно, пытаюсь реализовать на практике. Это создало конфронтационную обстановку»³.

В 1963 году Александр Александрович переехал в Ставрополь и стал директором Ставропольского НИИ сельского хозяйства. Начался новый этап жизни, посвященный аграрной экономической науке. В 1973 году за работу «Экономические основы системы сельского хозяйства» (на примере Ставропольского края) ему была присуждена ученая степень доктора экономических наук.

Но он вновь вернулся к активной общественно-политической жизни. Отчасти на это повлияла случайность: в Ставрополе партийный аппарат возглавлял М.С. Горбачев (он был первым секретарем крайкома), который с интересом отнесся к научным взглядам А.А. Никонова. Многие инициативы будущего переходного периода в сфере сельского хозяйства родились именно в Ставропольском НИИ. Однако главной причиной возобновления общественной деятельности оказались личные качества Никонова и его активная гражданская позиция, которые заставляли его постоянно искать пути выхода из трудного положения, в котором оказалось сельское хозяйство страны.

В 1975 году А.А. Никонов был избран членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, в 1978-м — академиком, а в 1984 году стал действительным членом Академии наук СССР. В 1978–1982 годах Нико-

3. Сайт «Библиотека людей». Воспоминания об Александре Никонове.
<http://facecollection.ru/people/aleksandr-nikonov>

нов являлся секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ, в 1982–1984 годах он стал первым вице-президентом академии, а с 1984 по 1992 год А.А. Никонов — президент ВАСХНИЛ. Судьба так распорядилась, что он оказался последним президентом сельскохозяйственной академии. Одновременно он вел активную общественную жизнь, будучи членом и заместителем председателя Совета по аграрной политике при Министерстве сельского хозяйства России, членом Совета по аграрной политике при правительстве РФ, представлял Россию в международной комиссии «Мир и продовольствие», в которую входят ученые и общественные деятели различных стран мира.

Однако А.А. Никонов никогда не переставал быть ученым, а его научные интересы требовали времени. В 1990 году он создал Аграрный институт и стал его директором — до дня своей трагической гибели в октябре 1995 года. Наступил период — в первой половине 1990-х годов — когда в обществе стало нарастать неприятие результатов «перестройки», усиливалось разочарование реформами. Уйдя от догматизма советской власти, российское правительство в начале 1990-х годов привело страну к чудовищному коллапсу. Это был очень болезненный опыт, и требовалось переосмысление всего происшедшего за все годы. Александр Александрович, на время практически отойдя от активной деятельности, написал энциклопедический труд с говорящим названием «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.)» (Никонов, 1995). Книга вышла в свет за несколько дней до его гибели.

Спустя несколько месяцев после смерти Александра Александровича в феврале 1996 года в результате слияния Аграрного института и Всероссийского научно-исследовательского института кибернетики был образован Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, которому решением Президиума Россельхозакадемии от 29 августа 2002 года было присвоено имя А.А. Никонова.

А.А. Никонова чтит не только в России: ему были присвоены звания почётного члена Латвийской академии наук (1991), почётного члена Венгерской академии наук (1988), почётного доктора Латвийского сельскохозяйственного университета, академика Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1985) и некоторые другие.

А.А. Никонов оставил после себя мощное наследие: ему принадлежат более 300 научных работ, в том числе 27 книг и брошюр, 83 главы и статьи в книгах, 146 журнальных статей, 23 тезиса научных докладов и 24 статьи с научной проблематикой в газетах. Многие из них были написаны на злобу дня.

К 90-летию со дня рождения его коллеги и ученики, сотрудники ВИАПИ имени А.А. Никонова во главе с директором института д.э.н., академиком РАН А.В. Петриковым издали монографию «Академик А.А. Никонов: Творческое наследие и воспоминания коллег» (Петриков, Леонова, 2008), в которую вошли основные научные труды основателя института.

Вклад Александра Александровича Никонова в российскую аграрную экономическую науку нельзя полностью оценить исключительно на основании его научного наследия. Его уникальность как личности проявилась в огромном таланте организатора. Он не просто анализировал данные, изучал и описывал проблемы, предлагая пути их решения, но и стремился сам принять участие в их решении, иногда в довольно жестком противостоянии с «ответственными лицами». Но общественная деятельность отнимала у него много времени, и в конце пути он на время полностью от нее отвлекся, чтобы сосредоточиться на самом главном — рассмотрении различных аграрных экономических и социально-экономических теорий и переосмыслении практики.

В творчестве Александра Александровича условно можно выделить три основных направления и три периода. Это разделение на «направления» очень условное — он был на редкость «системным» человеком, последовательно настаивавшем на необходимости рассматривать и решать аграрные проблемы в комплексе — в общественно-политической жизни, в аграрной экономической теории, в организации работы научных учреждений. И все-таки как сама его жизнь делилась на разные виды деятельности и периоды, так и его научные работы имеют разнообразный характер.

Его публикации до начала 1980-х годов и в целом первое направление можно назвать «общественно-прикладным». Это статья «Продовольственная программа СССР, ее задачи и пути реализации» в журнале «Экономические науки» в 1982 (№ 10). Ее положения созвучны с докладом на Пленуме ЦК КПСС «Предложения по целевой Продовольственной программе (краткий доклад)» и докладом на конференции в Международном институте прикладного системного анализа «О роли сельского хозяйства в строительстве развитого социалистического общества» (Люксембург, Австрия). Эти выступления и статьи были написаны еще до перестроечных времен (Петриков, Леонова, 2008: 57, 179). Несмотря на использование единственно возможной в те годы марксистско-ленинской и партийной лексики, Никонов в этих работах подвергает критике состояние дел в сельском хозяйстве. Он говорит о значимости сельского хозяйства, его связи со стабильностью всей экономики страны, о том, что «продукция сельского хозяйства... составляет более 70% общего фонда потребления» (Там же: 201). Все, что торозит развитие сельского хозяйства и деревни, становится предметом его публикаций и выступлений — техническая обеспеченность сельского хозяйства, использование машинно-тракторного парка, охрана почв и мелиорация, селекция растений и животных, защита растений от болезней и вредителей и создание системы прогнозирования и реагирования. Огромное значение он придает поискам методов роста протеинового концентрата для кормовой базы; создания систем хранения и переработки продукции сельского хозяйства. Он пишет о различиях между советским и западным сель-

ским хозяйством, приводя цифры, подтверждающие эти разрывы в эффективности, но делает это корректно по отношению к власти. Основные формулы улучшения состояния дел в сельском хозяйстве, которые он приводит в докладах с высокой трибуны пленумов, съездов и конференций, сводятся к совершенствованию организации управления, планирования, пересмотру ценового механизма и применению методов математического моделирования. Но одновременно он уже формулирует другие приоритеты — «необходимо осуществить меры по более решительному развитию личного подсобного хозяйства, разработать и реализовать в этих целях специальную программу» и осторожно добавляет, используя сослагательное наклонение, — «продукцию личного подсобного хозяйства следовало бы включать в планы сельскохозяйственных предприятий» (Там же: 83). И дальше предлагает целый ряд мер, которые в совокупности способны были бы существенно повысить техническую оснащенность личных хозяйств, их обеспеченность кормами, животными и т. д. Параллельно в этот же период времени А. А. Никонов настойчиво говорит о необходимости развития аграрной экономической науки. Развитию научной базы исследований посвящены его статьи и доклады «Актуальные проблемы развития аграрной экономической науки в современных условиях», «О необходимости организации научного центра системных проблем агропромышленного комплекса», «Планирование научно-технического прогресса в сельском хозяйстве» и «Состояние экономических исследований в области АПК и предложения по их улучшению» (Там же: 23-30, 125-140, 141-179). Было бы странно, если бы, обладая такими организаторскими способностями и веря в настоятельную необходимость реформировать аграрную экономическую науку, он не реализовал свою идею на практике. В программе созданного им Аграрного института было прописано, чем должна заниматься аграрная экономическая наука.

Но ситуация в стране становилась все тяжелее, а со снабжением продуктами питания населения страны — просто трагической. Приближалось время, вошедшее в историю как «перестройка».

Экономическая аграрная наука и история экономических учений — второе направление, ставшее главным для А. А. Никонова в 1990-е годы. В этот период одно из его научных увлечений — изучение экономических взглядов российских и зарубежных ученых-аграрников приобретает особое значение и переходит в практическую плоскость. В условиях надвинувшегося кризиса академик А. А. Никонов ищет выход из ситуации и перспективу развития не только сельского хозяйства, но и всей страны, в особой роли сельскохозяйственной крестьянской кооперации. Огромное значение, по его мнению, имеют права на владение землей. Он изучает аграрные программы различных политических партий в России в период 1860–1920-х годов и приходит к выводу, что ни одна политическая партия в России не реализовала своей про-

граммы, даже имея возможность это сделать в конце правления Николая II, — за исключением большевиков. Он все больше убеждается в ценности идей и практической деятельности С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и ученых А.И. Чупрова, И.И. Туган-Барановского, К.А. Пажиткова, Н.П. Макарова, А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина. В своих публикациях этого периода ученый призывает пересмотреть результаты работы советской власти за весь период ее существования и реформировать принципы сельскохозяйственной политики. Он проделывает огромную работу по изучению российской научной аграрной экономической мысли и практики государственного управления за 300 лет.

Ему принадлежит заслуга реабилитации выдающегося русского экономиста-аграрника Александра Васильевича Чайнова. Можно сказать, что Никонов был его поклонником. Долгое время труды А.В. Чайнова были практически недоступны для российского научного сообщества, но благодаря Никонову Чайнов был реабилитирован, а его произведения переизданы. На конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.В. Чайнова, Никонов выступил с докладом «Научное наследие А.В. Чайнова и современность» (Там же: 295-324). Идея сельскохозяйственной кооперации ложится в основу статей «Развитие кооперации и решение продовольственной проблемы» (Никонов, 1988а), «Научное наследие А.В. Чайнова и современность» (Никонов, 1988б). Роль Российской академии сельскохозяйственных наук была оценена в статье «Исторический путь ВАСХНИЛ и ее вклад в аграрную науку» (Никонов, 1993).

Самое тяжелое время наступает после распада страны в 1991–1995 годы. 4 февраля 1992 года ВАСХНИЛ провела свою последнюю сессию, и ее почти 63-летняя история на этом закончилась. Развитие событий шло не так, как представляли себе инициаторы «перестройки», и это вызвало резкое отторжение у людей, которые рассматривали ее как путь в светлое будущее и возможность для реализации «правильных» экономических и политических идей. Действительность стала тяжелым разочарованием. Новую власть А.А. Никонов не принял. В 1993 году в газете «Крестьянская Россия» академик публикует статью «Нельзя построить государство на обнищании его граждан». Название — цитата из работы Ивана Посошкова. Статья короткая и горькая, но удивительно глубокая и очень точно описывает, что, как и почему произошло. В ней он цитирует П.А. Сорокина, используя его термин «аномия» для характеристики состояния общества в момент разрушения всех базовых ценностей, бессилия законов и полной дезориентации населения. Кратко описывает американскую, европейскую, израильскую, индийскую, китайскую модели аграрной экономики и поразительно прозорливо предрекает, что необходимо «быстрее формирование единого евразийского аграрного рынка», и подчеркивает: «...нигде нет абсолютно свободного рынка без государственного регулирования, особенно в ценовой, инвестиционной, налого-

вой и кредитной политике, в создании необходимой инфраструктуры и социальной защиты крестьян» (Петриков, Леонова: 475-482). В его работах все чаще сквозит тревога из-за резко осложняющейся ситуации для населения и особенно крестьян, все больше внимания он уделяет социальным проблемам. Именно об этих проблемах он говорит на конференциях и совещаниях.

Главным и последним его произведением стала монография «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв.» (Никонов, 1995). Эта книга — российская энциклопедия аграрной экономической науки, в ней рассматривается огромное количество работ — от первого русского экономиста Ивана Посошкова до ученых и политиков нашего времени. Это книга-итог, в том числе и личный, книга-завещание. Именно на ней, как на квинтэссенции всего творчества Александра Александровича, мы подробно остановимся и попробуем оценить, что же дал академик Никонов российской аграрной экономической науке, написав эту книгу.

Во-первых, книга описывает историю российских экономических учений в области аграрных наук. Одновременно она — учебник по истории сельского хозяйства в России. И в этом качестве она уникальна — нет труда, сопоставимого по охвату исторических периодов, авторов, глубине изучения аграрной экономической науки в России и ее связи с зарубежными исследованиями. Книга дает практически полное представление обо всех основных направлениях развития теории и практики экономической аграрной науки на протяжении 300 лет. В книге приводится более 1200 фамилий, половина из которых принадлежат ученым-экономистам и ученым-аграрникам. Автор рассматривает все существенные источники, позволяющие понять, говоря современным языком, организацию производства и труда в аграрной России, даже «Домострой» как «устав и регламент» жизни на протяжении XV–XVII вв., хотя и считает, что «Домострой» имел скорее духовное значение. Кто из студентов или специалистов в области аграрной экономики (а какая еще была экономика на Руси вплоть до реформ Петра I?) знает имена Юрия Крижанина, Ивана Посошкова, Артемия Вольнского и других ученых людей или реформаторов? Естественно, что чем ближе к нашим дням, тем больше имен, направлений, идей приводится в книге. Важно, что это не простой перечень — это оценка научных результатов ученых и влияния деятельности реформаторов на аграрную экономику России.

Во-вторых, Александр Александрович Никонов, рассматривая положения экономических учений и судьбу этих учений, пишет и о судьбе самих авторов. В результате получилась история страны в преломлении через личные, часто трагические судьбы людей, занимавшихся аграрной экономической наукой или проводивших реформы. В этом смысле книга — сильная, подтвержденная неопровержимыми фактами публицистика. При этом она написана таким

живым языком, что возникает ощущение «узнавания»: автор «Спирали» сумел вытащить ученых и практиков из «тьмы веков» и герои книги сделали невеселую повесть о жизни аграрной России живой и иногда — нестерпимо тяжелой.

В-третьих, это наиболее полное исследование действий советской власти на протяжении всего ее существования и их последствий для деревни в разные годы. И это самая страшная часть книги, фактически это описание войны, которая велась против крестьянской России. Надо отметить, что некоторые идеи А.А. Никонова в этой области потом были растиражированы без ссылки на первоисточник. Например, считается, что первым обнаружил связь между коллективизацией и страшным дефицитом последних лет советской власти Е. Гайдар в книге «Гибель империи» (Гайдар, 2006), однако эта идея была высказана и опубликована А.А. Никоновым еще в 1995 году.

После прочтения остается ощущение, что на академика слишком негативное влияние оказали происходящие в 1990-е годы события, смена ценностей в обществе, развал страны, развал сельского хозяйства, быстрое вымирание деревни, переход огромной части национального богатства в руки кучки «олигархов». Хотя он не испытывал симпатии к советской власти, но тем не менее был глубоко разочарован экономическими и социальными результатами смены власти. В его книге есть глава «Большие надежды и их крушение», посвященная 1920-м годам, которые он лично не помнит, пережил подобную драму в 1990-е.

В-четвертых, работа максимально наполнена актуальной информацией для формирования научной политики в агропродовольственной сфере.

С точки зрения человека, который имеет возможность наблюдать за развитием событий после 1995 года, предложенная им программа аграрных преобразований, в центре которой стояло бы крестьянство, осталась невыполненной. Но автор не раз подчеркивал, что реформы — это не кратковременная акция, а длительный процесс, путь с двухсторонним движением. Основные положения, которые он рассматривал как необходимые для проведения реформы, стали основой российской аграрной политики. Здесь положительную роль сыграло скорее принудительное сокращение импорта в 2014 году, что было одной из основных его идей. Некоторые положения реализованы: государственное регулирование, формирование эффективного агропромышленного комплекса, начавшаяся экологизация сельскохозяйственного производства.

Однако главная идея Никонова пока далека от воплощения. Он считал необходимым в первую очередь наделить крестьянина правами собственности на землю и превратить крестьянскую кооперацию в одну из основных сил развития села (об этом он пишет в третьей части книги в 13-й главе об аграрной реформе в России). Так, он подчеркивает: «Отчуждение крестьянина от собственности

на землю, орудий труда и его плодов оказалось пагубным» (Никонов, 1995: 443).

Происходившее вокруг внушало ему справедливые (и, к сожалению, оправдавшиеся) опасения: «Абсолютно недопустимо расслоение общества на основе ступени доступа к распределению имущества... в ходе приватизации, а также всевозможных жульнических махинаций и злоупотребления властью» (Там же). В результате сегодня мы видим, что основные преимущества в виде доступных технологий, кредитов, каналов продаж получили лишь крупные производители.

Реформу аграрной сферы он считал главным условием обеспечения продовольственной безопасности страны и считал необходимым изучить и использовать идеи ученых и государственных деятелей России. Нет возможности в короткой статье перечислить все теории и авторов, идеи и позиции которых были ему близки, можно лишь остановиться на тех, кто повлиял на него в наибольшей степени.

Очевидно, что он считал идеи П.А. Столыпина наиболее отвечающими нуждам России не только на тот период времени, когда они были предложены. Часть этих идей остается актуальной и сегодня. Именно подход Столыпина как политика и как организатора аграрной реформы был наиболее близок А.А. Никонову. Кратко их суть изложена академиком следующим образом: «Итак, крестьянская собственность на землю, свободный выход из общины, льготное кредитование, землеустройство и хуторное расселение, безусловный приоритет сельскому хозяйству за счет всего общества» (Там же: 88). Смысл реформы заключался в признании права собственности крестьян на землю и их праве на выход из общины. На этом надо акцентировать внимание: главный вывод Никонова — крестьянин-собственник есть основная фигура и основное условие развития агропродовольственной сферы. Второй вывод — признание того, что успешный в экономическом смысле крестьянин становится предпринимателем. Но при этом Никонов фиксирует непреходящее противоречие, пропасть между хозяйственной предприимчивостью и предпринимателем-капиталистом. «В итоге (стольпинской реформы. — *Прим. авт.*) был создан слой предприимчивых самостоятельных крестьян, стали интенсивно развиваться сельская кооперация и банковская система, возрастали объемы производства и экспорта, строились перерабатывающие предприятия, расширялся внутренний рынок» (Там же: 88). Ему также близка позиция Столыпина о том, что реформа не может быть проведена моментально — нужны десятилетия упорной работы. Никонов повторяет эту мысль, говоря об аграрной реформе в России: «Прежде всего нужно четко определить, что реформа — длительный процесс, а не единовременный акт» (Там же: 442).

Другими условиями реформы он считал «справедливое налогообложение, стимулирующее производство, ценовой паритет

со смежными отраслями, доступ к кредиту и льготный процент, организация сбыта, переработки и реализации продукции, сервис и снабжение всеми необходимыми ресурсами. Таким образом, необходимо системное решение всех вопросов реформы с созданием конкурентной среды и инфраструктуры рынка» (Там же: 443). Никонов постоянно подчеркивал, что разнообразие природно-климатических, экономических и этнических условий ведения сельского хозяйства требует при проведении реформ учета региональных особенностей.

И далее: «Целенаправленно ориентировать реформу на развитие производства и повышение жизненного уровня людей на основе роста производства, не сбиваясь на различные обменно-спекулятивные сделки. На продовольственном рынке бал должен править крестьянин через кооперацию, а не скупщик, не ростовщик и не коррумпированный чиновник» (Там же: 445). В наши дни архаичные термины «скупщик и ростовщик» заменены изящным выражением «трейдер», но суть от этого не меняется. Это ответы на вопрос, чем, с его точки зрения, следовало бы руководствоваться для создания мощного сельского хозяйства. Прошло больше 20 лет, но слова воспринимаются так, как будто написаны сегодня: в целом проблемы так и не решены.

Среди многих ученых и практиков особое значение Никонов придает трудам Александра Васильевича Чаянова, много его цитирует. Надо отметить, что для современного читателя существует некоторая сложность в восприятии текстов А.А. Никонова. Это связано с вынужденным использованием обязательной марксистско-ленинской риторики, без которой невозможно было обойтись даже в последние годы советской власти, с осторожными высказываниями, которые маскировали слишком критические для того времени теории. Однако надо понимать, что до конца своих дней Никонов оставался убежденным социалистом, и именно в работах Чаянова он увидел подтверждение и обоснование того, что кооперация создаст противовес «капиталистической эксплуатации».

Так, в докладе на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.В. Чаянова, Никонов приводит цитату из его работы, посвященной кооперации: «Кооперировав сбыт и техническую переработку, сельскохозяйственная кооперация тем самым производит концентрацию и организацию сельскохозяйственного производства в новых и высших формах, заставляя мелкого производителя видоизменять организационный план своего хозяйства соответственно политике кооперативного сбыта и переработке, улучшать свою технику и переходить к усовершенствованным методам земледелия и скотоводства, обеспечивающим стандартность продукта, подвергая его тщательной сортировке, переработке, упаковке, консервированию, согласно требованиям мирового рынка».

При параллельном развитии электрификации, технических установок всякого рода, системы складочных и общественных помеще-

ний, сети усовершенствованных дорог и кооперативного кредита — элементы общественного капитала и общественного хозяйства количественно нарастают настолько, что вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обобщественного кооперативного хозяйства и оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения» (Петриков, Леонова, 2008: 304).

Собственно, это «перерождение» и есть камень преткновения, который определяет разделение ученых и практиков на тех, кто видит, как Никонов, в Чаянове убежденного социалиста, и на тех, кто признает, что кооперативное предприятие, встроенное в рынок, становится участником существующих производственных отношений, а само понятие «рынок» органически присуще не социалистической, а капиталистической системе отношений.

И все же, при всей его фундаментальной важности, это теоретический подход. Упомянем еще одну цитату из Чаянова, которую счел необходимым привести Никонов в своем докладе: «Поэтому для крестьянских хозяйств приобретает исключительное значение единственный надежный выход из положения — возможность путем кооперирования многих тысяч хозяйств создавать свои крестьянские специальные могущественные организации, организующие денежный бюджет крестьянства при помощи создания своих крестьянских обслуживающих и крестьянством управляемых крупнейших торговых аппаратов» (Там же: 306). Такова была мечта и А.В. Чаянова и А.А. Никонова.

Теперь вернемся к истории об основателях немецкого кооперативного движения, начавших свою работу в конце XIX века, — Франце Германе Шульце-Деличе и Фридрихе Райффазейне и о создании ими первых кредитных и потребительских кооперативов (Никонов, 1995: 105-106). Этот опыт был воспринят и в России, в 1915 году Россия занимала уже второе место в мире по числу осудных крестьянских кооперативов.

Горькая ирония в том, что на текущий момент в России озабочены возрождением, а точнее — созданием кооперативного сектора. Германия же имеет одну из самых развитых систем кооперации в мире — настолько хорошую, что в ноябре 2016 года ЮНЕСКО занесла Германию в список нематериального мирового культурного наследия как страну с наиболее ценными и выдающимися результатами общественной и кооперативной жизни в мире.

Для того чтобы понять, насколько эффективным был бы путь развития аграрной России, предложенный Чаяновым (и который считал основным Никонов), достаточно проанализировать схему кооперативного сектора Германии, которая сложилась за 150 лет

во многих отраслях экономики, но прежде всего — в кредитно-финансовой, сбытовой, снабженческой и аграрных сферах. Жизнь дала ответ на вопрос, сочетаема ли природа кооперативов с капиталистическими производственными отношениями. В Германии деятельность кооперативов регулируется одним основным законом о кооперации и пакетом законов, регулирующих хозяйственную деятельность компаний и предприятий всех форм собственности. 22 млн человек из 81 миллиона жителей Германии являются членами кооперативов. В сельском хозяйстве заняты менее 1% населения, но оно обеспечивает продовольствием всю страну, а также дает значительный объем экспорта агропродовольственных товаров и в страны Евросоюза, и в другие страны. Если приложить процитированные выше слова Чаянова об «обобществлении капиталов» и «качественном перерождении системы» к современной экономике ФРГ, то видно, что его идея воплотилась в жизнь в кооперативном секторе Германии. Сегодня это сеть из кооперативов банковского сектора (более тысячи кооперативных банков с 13 тыс. филиалов и 18 млн пайщиков), аграрного сектора (2,4 тыс. кооперативов, 17 кооперативных центров, 1,3 млн пайщиков, около 70 млрд евро оборот), промышленных кооперативов (2,1 тыс. кооперативов, 0,5 млн пайщиков, оборот около 115 млрд в год), потребительских кооперативов (314 кооперативов, 0,4 млн пайщиков, оборот 2,0 млрд в год) и жилищно-строительных (2 тыс. кооперативов и 2,8 млн пайщиков)⁴. Это не значит, что в кооперативном секторе Германии или какой-либо другой страны нет проблем. Вопросы взаимодействия предприятий кооперативного сектора финансовой сферы и торговли с традиционными компаниями стоят очень остро, существуют серьезные противоречия между ценностями кооперативного движения и целями рыночных акторов.

К сожалению, в России некоторое время само понятие «кооперация» воспринималось как синоним колхозного строя. Нет строгого понятийного аппарата, четких определений, что такое «личное подсобное хозяйство», «фермерство», «крестьянин». Слово «крестьянин» сейчас практически не используется, оно вытеснено понятием «фермер» и в то же время иногда применяется как антоним («хороший» крестьянин и «нехороший» фермер), несмотря на наличие объединяющего их термина «крестьянско-фермерское хозяйство». Все это говорит о том, что в аграрной теории существуют серьезные противоречия и пробелы, в то время как «практики»-чиновники руководствуются своими собственными представлениями. Из-за этого возникают проблемы, которые предвидел еще А.А. Никонов, например — несправедливое распределение земли и в то же время наличие большого количества заброшенных земель. Россия

4. Информация взята из доклада «Cooperation experience and challenges in Germany» на конференции «International experiences and success stories of cooperatives», Tartu, 17.11.2017.

превратилась в страну латифундистов, где, в отличие от многих других государств, отсутствуют ограничения по предельному размеру площадей, установлен слабый контроль над использованием сельхозземель. В России идет процесс концентрации производства в сельском хозяйстве, в структуре аграрных производителей все большую долю занимают крупные и сверхкрупные игроки, обладающие серьезными финансовыми, технологическими и административными преимуществами.

В силу этих причин труды А.А. Никонова актуальны и сегодня. Его взгляды на аграрную реформу, его идеи об организации аграрной науки очень значимы. Одно из важнейших направлений, которое он стремился развить — применение математического моделирования и прогнозирования, — сейчас востребовано уже не только на макроуровне, но и на уровне бизнес-единиц: для оценки конъюнктуры рынков, расчетов себестоимости, логистических затрат и т. д. Прогресс добавил к этим инструментам точное земледелие, применение дронов для оценки состояния земельных участков и урожая, IT-технологии управления машинами и многое другое. Но фундаментальные идеи академика А.А. Никонова — как выстроить систему хозяйствования в агропродовольственной сфере и как обеспечить нормальную социальную жизнь на селе — на данный момент стали актуальнее, чем в 1990-х годах. Произошло то, о чем он мечтал: капитализмом в его чистом и диком виде пресытились, вновь возникла потребность в системе хозяйствования с высокой социальной ответственностью, и лучше, чем кооперация, системы еще не придумано.

Было бы справедливо и полезно для ученых и студентов в области аграрной науки сделать книгу Александра Александровича Никонова учебником или хотя бы переиздать ее, чтобы ценнейшая информация, знания, опыт этого выдающегося историка, ученого и практика строительства аграрной экономики и аграрной науки России стали бы доступны всем.

Библиография

- Гайдар Е. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН.
- Никонов А.А. (1995). Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв. М.: Энциклопедия российских деревень.
- Никонов А.А. (1988а). Развитие кооперации и решение продовольственной проблемы // Вопросы экономики. № 2.
- Никонов А.А. (1988б). Научное наследие А.В. Чаянова и современность // Вестник сельскохозяйственной науки. № 7.
- Никонов А.А. (1993). Исторический путь ВАСХНИЛ и ее вклад в аграрную науку. М.: Энциклопедия российских деревень.
- Петриков А.В., Леонова Т.И. (сост.) (2008). Академик А.А. Никонов: творческое наследие и воспоминания коллег. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2008.

Alexander Alexandrovich Nikonov: His life and contributions to science

Elmira Krylatykh, academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Chief Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru.

Elena Frolova, PhD (Economics), Senior Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: efrolova@inbox.ru

*Э.Н. Крылатых,
Е.Ю. Фролова*
Александр Алек-
сандрович Нико-
нов: жизнь и вклад
в науку

The article is devoted to the history of the life, the creative heritage, and the contributions to agricultural economic science of the academician and last Chairman of the V. I. Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, A.A. Nikonov (1918–1995).

The article gives a brief biography of the scientist who was born on the Russian border with Lithuania. The article describes the transformation of his views. His initial deep belief in the ideals of communism was replaced by an extremely critical attitude. His progressive ideas found a deep understanding from Mikhail Gorbachev, the first Secretary of the Stavropol Territory and the future author of “perestroika”.

From 1984 to 1992, Nikonov was the President of the Agricultural Academy. Fate so ordered that he would be the last President as well. A.A. Nikonov left behind a powerful scientific heritage. He is the author of more than 300 scientific works, including 27 books and brochures and 146 journal articles.

His main and last work was the monograph “The Spiral of Centuries—Old Drama: Agricultural Science and Politics in Russia of the 17–20 Centuries”. This book is the Russian encyclopedia of agricultural economics, and is a textbook of the history of agriculture in Russia. Nikonov’s works are still relevant today. His views on agrarian reform and his ideas on the organization of agricultural science are very important. It would be fair and useful for scientists and students in the field of agricultural science to make the book of Alexander Alexandrovich Nikonov a primary textbook in their studies.

Keywords: the President of Academy of the Agricultural Sciences, academician Alexander Nikonov, agrarian economic theory, agricultural reform, A. Chayanov, the 100th anniversary

References

- Gajdar E. (2006) *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoj Rossii* [The fall of the Empire. Lessons for Contemporary Russia] Moscow: ROSSPE'N.
- Nikonov A.A. (1995) *Spiral' mnogovekovoju dramy: agrarnaya nauka i politika v Rossii XVII–XX vv.* [The Spiral of Centuries-Old Drama: Agricultural Science and Policy in Russia 17–20 centuries]. Moscow: E'nciklopediya rossijskix dereven'.
- Nikonov A.A. (1988a) Razvitie kooperacii i reshenie prodovol'stvennoj problemy' [Development of cooperation and solution of the food problem]. *Voprosy Ekonomiki*, no 2.
- Nikonov A.A. (1988b) Nauchnoe nasledie A.V. Chayanova i sovremennost' [Scientific Heritage of A.V. Chayanov and Modernity]. *Vestnik Sel'skoxozyajstvennoj Nauki*, no 7.
- Nikonov A.A. (1993) *Istoricheskij put' VASKHNIL i ee vklad v agrarnuyu nauku* [The Historical Path of VASKHNIL and its Contribution to Agricultural Science]. Moscow: E'nciklopediya rossijskix dereven'.
- Petrikov A.V., Leonova T.I. (sost.) (2008) *Akademik A.A. Nikonov: tvorcheskoe nasledie i vospominaniya kolleg* [Academician A.A. Nikonov: Creative Heritage and Memories of Colleagues]. Moscow: VIAPi im. A.A. Nikonova.

Ограничения и возможности сельского старения¹

Д.М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119034, Москва, Пречистенская наб., 1. E-mail: nizgor@gmail.com

Из материалов трех масштабных исследований, проведенных Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, автором отобраны восемь наиболее значимых признаков сельского старения. Они разбиты на две группы. Первая представляет ограничения, вторая — возможности при старении на селе для активного, осмысленного долголетия. Пожилые сельчане, как правило, не работают, не учатся, не перемещаются и болеют — это ограничения. Но они поддерживают домашнее хозяйство, ухаживают за телом, двигаются и сохраняют интимность — это возможности. Практически все ограничения и возможности парны: не работают, но ведут хозяйство, не перемещаются и не путешествуют, но двигаются, болеют, но сохраняют интимность и ухаживают за телом. Только отказ от образования и учебы ничем не компенсируется при проживании в сельской местности. Автор приходит к выводу, что непрерывное образование может рассматриваться в качестве основного фактора активного старения, на который следует обратить особое внимание и включить в социальную политику, стимулирующую активное долголетие.

Ключевые слова: болезни, исследования старения, непрерывное образование, разнообразие старения, сельское старение, социология старости, старший возраст

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-86-101

Территориальное деление на городскую и сельскую Россию одно из самых долговременных и устойчивых. В языке (Балакина, Бородина, 2009), административном делении (Овчинцева, Попова, 2013) экономических и социальных отношениях (Дементьев, 2011; Ильдарханова, 2014; Разумов, Рыженко, 2009), наконец, во взглядах на жизнь (Кузьменко, 2015), эмоциональных переживаниях (Акопян, 2014), представлениях о времени и пространстве (Фризен, Козлова, 2008) прочно укоренилась дихотомия сельского и городско-

1. Основные результаты апробировались на двух конференциях в Москве и Пекине: *Рогозин Д.М.* (2018). Старость в сельской России // XXV Международный симпозиум. Пути России: границы политики. в печати; Rogozin D. (2018). Later life in Russian villages // China-Russia conference on «Rural revitalization»; College of Humanities and Development Studies (COND), China Agricultural University (CAU). Beijing, China. May 5-6. Я признателен Александру Никулину, директору Центра аграрных исследований РАНХиГС, за конструктивную критику и фокусировку внимания на жителях сельской России.

го. Хозяйственный уклад, характер работ, мобильность, семейные представления и практики во многом формировались параллельно на селе и в городе. И только в последние годы заката индустриальной эпохи формирование новых специальностей, смешение сельского и городского населения через экспансию дачной культуры (Нефедова, 2018: 133-134), изменение ценностей и норм благополучной жизни (Копотева, 2016: 17-19), рост неформальной экономики (Виноградский, 2017: 114-117) привели к постепенному смыканию траекторий развития села и города. Однако в старшем поколении значимые различия городского и сельского уклада сохраняются. Тем важнее взглянуть на особенности сельской жизни, сравнить поведение и мнения сельских стариков с их городскими одногодками.

Село наполняется стариками не только из-за естественного старения населения, миграции молодых, низкой рождаемости. Многие пожилые горожане выбирают село как место старения и ухода из жизни (Downing, Jack, 2012; Rainsford, MacLeod, Glasgow et al., 2017; Wilson, Justice, Sheps et al., 2006). Благоприятная окружающая среда, иногда родительский когда-то покинутый дом, новые возможности по благоустройству и бытовым удобствам, городские практики ухода позволяют говорить о комфортном проживании последних лет или даже десятилетий — стали одной из значимых компонент сельской жизни в Европе. Аналогичная тенденция наблюдается и в России.

В статье представлены два набора наблюдений. Один указывает на ограничения, другой — на возможности сельского старения. Наблюдения не полны и не исчерпывающи, однако они вполне годны для формирования представлений о социальных различиях городского и сельского старших поколений. При сопоставлении различий, подборе пар, уравнивающих ограничения и возможности, обнаруживается одно из ограничений, остающееся без пары. Это практически полный отказ сельских стариков от образования. Размышлением о последствиях такого внеобразовательного мировоззрения и обозначением ключевого вопроса, который старики не устают задавать себе и окружающим, завершается статья.

Многие наблюдения и суждения, обозначенные в статье, очевидны и обыденны. Их принято не замечать. Но даже очевидное и повседневное заслуживает внимания, усилий по изучению, поскольку только на очевидном, на здравом смысле может быть построено понимание такого сложного социального феномена, как сельская старость.

Корпус исследований

Наблюдения о жизни сельских стариков в моем случае немногочисленны — менее десяти лет, как я начал с ними вести беседы и обсуждать постпенсионный возраст в российской глубинке. Здесь же

вовсе ограничусь обследованиями 2017 года, тремя количественными опросами, которые неизменно сопровождались полевыми экспедициями.

Во-первых, это общероссийский телефонный опрос людей старше шестидесяти пяти лет (далее «Опрос 65+ (2017)»). Интервью проводились в июне 2017 года. Дизайн предусматривал опрос самих людей в возрасте 65 лет и старше, а также членов семей с пожилыми людьми. Было опрошено 2003 человека, из них 1120, или 56%, — пожилых и 880, или 44%, — члены семей, с которыми мы беседовали о пожилых. Опрос членов семей, живущих вместе со своими стариками, позволил существенно улучшить качество выборки. В традиционных опросах общественного мнения, проводимых лишь с людьми, отвечающими о себе, выпадают группы старше 80 лет, испытывающие значительные проблемы с передвижением, слухом, речью и формулированием мыслей. Другими словами, репрезентативные опросы, проводимые в России, на деле не репрезентируют старшее поколение россиян.

Во-вторых, это общероссийский опрос людей с ограниченными возможностями (далее «Инвалиды (2017)»). Интервью проводились с 30 ноября по 6 декабря 2017 года. Исследуемая совокупность — люди, имеющие ограничения по слуху, зрению, передвижению в возрасте от 18 лет и старше, а также члены их семей, которые проживают вместе с ними. Всего опрошено 1600 респондентов.

В-третьих, использовались данные опроса российских семей — «Человек, семья, общество» (2017), проводился с 4 по 18 апреля 2017 года — это общероссийский телефонный опрос экономически активного населения в возрасте от 18 до 72 лет. Размер выборки 9000 респондентов, из которых немалая часть стариков, проживающих в сельской местности.

Перечисленные исследования — комплексны, с расширенными концептуальными программами, в разработку и реализацию которых включен весь коллектив Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, в котором я отвечаю за проведение полевой части исследований.

Ограничения

Границы между образом жизни стариков в городе и селе стираются. «Социальный крестьянский мир систематически и неуклонно выдавливается в иную, чем прежде, незнакомую и необжитую, чужую среду повседневного существования» (Копотева, 2016: 118). Мы наблюдаем транзит городских способов потребления в сельскую местность. А уклад, привычки хозяйствования остаются прежними. Во-первых, происходит отказ от своих продуктов питания (сокращается площадь обрабатываемой земли, идет под нож скот, сокращаются хозяйственные практики). Продукты питания покупаются.

Предпочтения отдаются тем, что подешевле, с большими сроками годности. Во-вторых, продукты доставляются в упаковке, которой остается очень много. Часть пластика вывозится, большая — сжигается тут же, на огороде или даже в печи. В-третьих, функциональные ранее хозяйственные постройки пустуют, заполняются хламом, когда-то востребованным в хозяйственных нуждах инвентарем, изношенными инструментами умирающей повседневности. Старик может жить в большом доме в несколько сотен квадратных метров, но место его реального обитания, ухоженного и пригодного для сна и питания, измеряется парой десятков квадратных метров, не более того.

Зазор, возникающий между практиками потребления и бытом, особенностями хозяйствования приводит человека в уныние, к потере своего места в мире. «Зачем я столько живу? Для чего я живу? Кому я нужна?» — наиболее частые вопросы, которые задают себе и сами старики, и которыми встречают незнакомых людей, направляющихся в беседы. Из череды разговоров — душевных и развернутых или стандартизированных, с оттенком казенщины и протокола — становятся ясны четыре базовые причины, ограничивающие, сужающие жизненный мир сельских (и не только) стариков.. Остановимся на каждой чуть подробнее.

Не учатся

Пожилые не учатся. Ни в городе, ни на селе. Потенциально склонные к получению новых знаний, старики отказывают себе в такой возможности, не видят необходимости учиться (Рогозин, 2016: 28-30). Это общая проблема, пережиток индустриального представления об учебе как подготовке к взрослой жизни, которая оправданна лишь в ранней юности. За последние три года о посещении курсов² упоминают 10% людей старше 65 лет. Хотя на селе о наличии хоть каких-то курсов говорят 20% опрошенных, а в городе — 43%. На курсы идут люди общительные, испытывающие потребность в социальных контактах вне близкого круга родственников и друзей. В нынешнем поколении стариков таких — всего 10%.

Остальные замыкаются, прячут свое незнание за отговорками, успокоительными словами о прожитом, о ненужности, о прогрессе, который стер все их умения, обесценил бывшее знание. Тот, кто перестал учиться в юности, не сможет увидеть смысл в учебе и в старости. Таких много, и это одно из самых сильных ограничений, сдерживающих факторов счастливого старения. Когда все позади, новые впечатления лишь мешают спокойному поглощению времени, отвлекают от старческих воспоминаний, вопрос о смысле жиз-

2. Анкетный вопрос: «Ходили ли вы за последние три года на какие-либо курсы или занятия?» Опрос 65+ (2017), отвечали только пожилые.

ни получает отрицательный ответ. Нет смысла жить, когда жизнь осталась в прошлом, когда любопытство подавлено убежденностью в бессмысленности и бесперспективности любых новых знаний.

Когда речь заходит о непрерывном образовании, воображение рисует школьные парты, программы курсов, в лучшем случае — групповые занятия с наставниками. На деле образовательные форматы весьма разнообразны и вполне адаптивны под любые возрастные группы. В отношении старшего возраста лучше всего себя зарекомендовали индивидуальные консультации, чередующиеся с лекциями и коллективными формами социальных взаимодействий; обучение через устные истории (Costa, Polaro, Vahl, Goncalves, 2016) и групповые тренинги, в которых особое внимание уделяется формированию мотивации на обучение (Gegenfurtner, Vauras, 2012). Каждый из форматов направлен не только на достижение результата, но и на формирование осмысленного, значимого планирования собственного времени, преодоление исключенности и одиночества. Новые знания в старшем возрасте немислимы без узнавания нового о своем окружении, формировании социального климата, подталкивающего к совместным занятиям.

Не работают

Значимость труда, необходимость и важность трудовой активности — ценность, разделяемая большинством старшего поколения россиян. Хотя многие связывают такую «трудовую этику» с нуждой и тяжелой, подчас голодной прошлой жизнью, труд рассматривается как безусловная ценность, выходящая за рамки экономических или материальных стимулов. Мотивация к продолжению трудовой активности как у нас, так и за рубежом (Fraser, McKenna, Turpin, Allen, Liddle, 2009; Nilsson, Hydbom, Rylander, 2011) лишь отчасти опосредована экономическими соображениями и в большей степени состоит в субъективном восприятии здоровья, включенности в практики непрерывного образования, востребованности, социальных и семейных отношениях. Пожилой человек, занятый даже на низкооплачиваемой работе, чувствует себя лучше, испытывает заслуженную гордость и получает негласное уважение окружающих.

Пенсии на селе ниже, распределены среди односельчан равномерней. В среднем сельчанин старше 65 лет получает 13 600 рублей, горожанин — 15 900 рублей. А разброс (среднее квадратичное отклонение) в селе — 5700 рублей, в то время как в городе — 10 600 рублей. Несмотря на более низкие доходы и декларируемую значимость труда, работают на селе старики меньше. Работы нет, и здоровье для имеющейся не подходит. В селе о том, что работают³,

3. Анкетный вопрос: «Работаете ли вы сейчас, получая зарплату или какое-либо материальное вознаграждение?» Опрос 65+.

говорят только 5% респондентов старше 65 лет, в городе — 13%. Подавляющее большинство из них младше 70. В России — это граница трудоспособного возраста. Независимо от желания и даже потребности в труде, людям постарше работать весьма затруднительно.

Обычно разговоры о занятости в старших возрастных группах сводятся к поднятию пенсионного возраста. Однако, как отмечает Марианна Виртанен, недостаточно ратовать лишь за продление трудоспособной жизни. Необходимо предлагать постоянную работу, стремиться к повышению качества занятости, условий труда, удовлетворяющих текущему здоровью и возможностям на протяжении всей жизни (Virtanen, 2018: 287). Другими словами, постпенсионная занятость в XXI веке должна рассматриваться не как средство от нужды, а как источник и условие активного долголетия.

В западных странах граница активной занятости сдвинута, что связано с лучшим медицинским обслуживанием, социальной инфраструктурой, общими представлениями об активном старении. Примечательно, что постепенно растет не только возраст активной занятости (независимо от действующего пенсионного возраста), но и снижается количество больничных листов у людей постпенсионного возраста. Так, в Швеции работающих в возрасте от 66 до 70 лет в 1995 году было менее 10% (что сопоставимо с сегодняшними российскими показателями), в 2010-м их доля достигла 24%. За этот же период увеличилась и доля работающих после 71 года — с 2,7% в 1995-м до 3,5% в 2010 году. При этом доля уходящих на больничный снизилась как среди младшей постпенсионной группы (66–70 лет) с 3,3% в 1995-м до 2,4% в 2010-м, так и в последующей возрастной группе (старше 71 года) с 2,2% в 1995-м до 0,2% в 2010-м (Farrants, Marklund, Kjeldgard, Head, Alexanderson, 2018). Это говорит о необоснованности страхов работодателей о том, что пенсионеры менее выгодны в качестве рабочей силы, что, в свою очередь, объясняет изменение их установок в отношении возрастных работников (Nilsson, 2018) и общего тренда на старение рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства развитых европейских стран.

В России риторика «заслуженного отдыха» поддерживается лишь небольшой частью пожилых. Она ограничена обсуждениями размеров пенсионных начислений и отсутствием необходимости ежедневного выхода на работу. Другими словами, пенсия как некоторый этап жизненного пути человека связана исключительно с индустриальным способом организации жизни, жестко разделенной на занятость и досуговые практики (Куштанина, 2008: 155). Если же мы будем рассматривать труд как таковой, то потребность в нем, сожаление о невозможности участвовать в трудовых практиках, желание и радость любой активности, связанной с занятостью, определяет установки, формирует мировоззрение большинства пожилого населения независимо от их пола и возраста.

Старики в целом немобильны. Возраст в России — это основной фактор для оседлости, неподвижности. За последний год выезжали куда-то отдохнуть⁴ всего 17% горожан старше 65 лет, сельчан и того меньше — 9%. Как сами говорят, «в люди» выходят редко. Всё больше дома, в кругу семьи, если еще кто остался жив. А так, один на один с собой и со своими болячками. В городе о посещении каких-либо мероприятий^{5**} говорят 33% людей старше 65 лет, на селе — 23%. Если в городе речь идет о театре, музеях и выставках, на селе — это, как правило, библиотека, изредка какие-то встречи в здании школы, дома культуры, если тако-ые сохранились.

В отличие от занятости, труда, об отсутствии (по большей части в силу плохого здоровья) которого старики упоминают с сожалением, перемещения и путешествия воспринимаются как излишество, черта молодости, неподобающее желание лишь отдельных чудаков. Среди стариков нет запроса на перемещение. Даже близкие родственники, живущие вдалеке, скорее сами приедут к своим родителям, бабушкам или дедушкам, нежели позовут их погостить. Курорты, туризм, поездки в значимые места вовсе не рассматриваются в качестве необходимых целей для перемещений.

Болеют

Старики болеют как в городе, так и в селе. 80% людей старше 65 жалуются на постоянные боли, болезни⁶. Имеется или отсутствует квалифицированная помощь — для них не так важно. Давно махнули рукой. «К врачам лучше не обращаться — залечат», — не раз пришлось слышать от стариков. Независимо от возраста, пола, материального положения пожилые рассказывают десятки историй о низком качестве медицинского обслуживания, отсутствии элементарного уважения к старости, внимания и милосердия со стороны врачей. «Лучше спокойно умереть дома, чем обивать пороги в поликлинике», — таков общераспространенный вердикт российской медицине.

Старость — это время привыкания к болям, недугам, хроническим заболеваниям, адаптации к немощи и одряхлению (Charman,

4. Анкетный вопрос: «Ездили ли вы в прошлом году отдыхать по нашей стране или за границу?» Опрос 65+ (2017).

5. Анкетный вопрос: «Ходили ли вы за последние 12 месяцев в музей, театр, библиотеку, на какие-либо спортивные или культурные мероприятия?» Опрос 65+ (2017).

6. Анкетный вопрос: «Как часто вы испытываете физическую боль или сильный физический дискомфорт — ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц и реже?» Опрос 65+ (2017).

Casey, Dubner et al., 1985; Lautenbacher, Peters, Heesen, 2017). Лекарственные препараты могут лишь облегчить, но не предотвратить общий процесс старения. Поэтому так важно научиться управлять болью, разделять ее с семьей, не перекладывая на других ответственность, но и не чураясь помощи родных и близких.

Итак, старики не учатся, не работают, не перемещаются и болеют. Это составляет набор значимых ограничений, сковывающих их жизнь, формирующих рамки негативного взгляда на свою жизнь, угасание интереса к социальному миру.

Возможности

Поддерживают хозяйство

У подавляющего большинства сельчан огороды, лишь 6% говорят об их отсутствии, а у 11% огород хотя и есть, но они на нем ничего не выращивают (для сравнения: 42% горожан старшего возраста указывают на отсутствие огорода или приусадебного участка)⁷. 83% сельчан старшего возраста и только 47% горожан старше 65 лет продолжают работать на огороде. Эти данные подтверждаются и другими исследованиями. Так, в течение 2016–2017 годов проводилось изучение уровня благосостояния населения. Опрос старшей возрастной группы (65+) ⁸ показывает, что и среди сельских жителей, и среди городских увеличилась доля тех, кто содержит подсобное хозяйство, — на 4% и 6% соответственно: среди сельских жителей огород был в 2016 году у 78%, в 2017 году — у 82%; среди городских жителей в 2016 году у 36%, в 2017-м — у 42%.

Работа — это не только оплачиваемая деятельность, но и любая активность, завершающаяся результатом, имеющим «потребительскую ценность» (по Марксу). Субъективное благополучие зависит не от формального трудоустройства, а от трудовой активности, отношения к труду и к себе, формирующегося на протяжении всей жизни и не прерывающегося с выходом на пенсию (Hallerod, Orestig, Stattin, 2013). Потому домашнее хозяйство — не просто замещает былую трудовую активность. Оно придает осмысленность существованию, определяет настоящее, через обращение к прошлому и планирование будущего. Не случайно основные сетования стариков на потерянность и уныние зачастую связаны с невозможностью выполнять даже элементарные хозяйственные операции. Деревен-

7. Анкетный вопрос: «Есть ли у вас огород, приусадебный участок? Если да, то работали ли вы на нем в прошлом году?» Опрос 65+ (2017), отвечали только пожилые.

8. Анкетный вопрос: «Есть ли у вашей семьи домашнее подсобное хозяйство: овощи, фрукты на огороде, птица, скотина в хлеву?» Опрос «Уровень благосостояния» (2016, 2017).

ский труд поддерживает, укрепляет, насыщает жизнь старика, формирует элементы неброского, не вызывающего к помощи, несуетного старения. «Пока силы есть, буду работать. А там и убраться можно. По-другому не знаю, как жить», — слова семидесятилетнего сельчанина, продолжающего трудиться на своем участке.

Ухаживают за телом

Сельчане реже горожан моются. Обычно раз в неделю или в десять дней, в бане. Каждый день принимают омовение 30% сельских стариков против 39% горожан⁹. Реже пользуются кремами: 48% сельчан против 59% горожан^{10**}. Мужчин среди деревенских, пользующихся кремами, практически нет, на уровне статистической ошибки. Среди горожан-мужчин, пользующихся кремами, 35%. Вместе с тем на селе чаще меняют постельное белье. О том, что меняют белье каждую неделю, сказали 72% сельчан и 58% горожан. Смена белья накрепко привязана к помывке в бане: «Если уж чиститься, так целиком».

Таким образом, практики ухода за телом на селе комплексны, не фрагментированы на помывку, смену белья, пользование кремами. Сельчане реже, но регулярней, в соответствии с сезонными, сложившимися годами привычками, ухаживают за телом, последовательно поддерживают чистоту и комфортность для себя и окружающих.

Двигаются

В селе двигаются больше (Акопян, 2014: 11; Николаев, 2017). Кому за водой выйти, кому в туалет, кому просто подышать, если удобства уже в дом проведены. В селе каждый день выходят на улицу 74% стариков, в городе — 79%¹¹. Разница незаметная, статистически незначимая. Различия возрастают для людей с ограниченными возможностями. На селе и первый этаж, и потребностей двигаться больше, потому каждый день выходят на улицу 54% стариков с ограниченными возможностями на селе и только 40% — в городе. «Не можешь, но идешь. Сегодня поленился — не встал, назавтра и без лени — не встанешь».

9. Анкетный вопрос: «Как часто за последние три месяца вы принимали душ/ванну — каждый день, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц и реже?» Опрос 65+ (2017).
10. Анкетный вопрос: «Пользуетесь ли вы косметическими кремами для лица/рук/тела?» Опрос 65+ (2017).
11. Анкетный вопрос: «Как часто вы выходите из дома — каждый день, один или несколько раз в неделю, несколько раз в месяц и реже?» Опрос 65+ (2017), Опрос «Инвалиды» (2017).

Подвижность — значимый маркер субъективного благополучия в старших возрастах. Дисциплина движения остается одним из последних атрибутов осмысленного старения. В ней не важны достижительные факторы, расстояние и время. Основой становится регулярность и осмысленное сокращение нагрузки, отсутствие надрыва и преодоления. «Всему свое время, своему времени — своя нагрузка, — обмолвился девяностолетний старик, объясняя свои ежедневные двести метров во дворе. — Если двадцать лет назад на лыжах мог десятку [километров] пробежать, теперь эта десятка — мой двор. Достаточно. Нельзя зазнаваться, когда ноги не идут и голова отказывает».

Сохраняют интимность

В старший возраст на селе, в отличие от города, входят с брачным партнером. В возрасте от 65 до 74 лет включительно на селе живут с партнером 70% опрошенных, в городе — 56%. Но для села выход за пределы возраста трудовой активности становится катастрофическим — в семьях умирает один из партнеров, чаще мужчина. В результате в возрасте от 75 и старше пропорции между городом и селом выравниваются: на селе с партнером живут 41% опрошенных, в городе — 40%¹². Люди старшего возраста сохраняют отношения, однако уход близких, смерть ставит точку на долгосрочных отношениях супружества.

Поддержание близкого человека и открытость для новых отношений после его смерти — основные критерии сохранения интимности. Только в парах пожилые люди, привыкшие к супружеским отношениям, имеют шанс на благополучное, счастливое старение.

Высокая мужская смертность приводит к «феминизация старости» (Арбер, 2016: 201), когда социальная активность уходит из интимной сферы в социальную. Пожилые женщины реализуют себя в общении с детьми, родственниками и соседями (Ипатова, 2016: 257), но это не снимает насущность потребности в интимной близости. Сельская жизнь, несмотря на колоссальные различия в благосостоянии города и села, высокую мужскую смертность, общую бытовую неустроенность, по-прежнему остается более благоприятной для сохранения супружеских отношений, а значит, и близости.

Предназначение старения

Не претендуя на полный охват и всеобщее значение выделенных черт старения, можно тем не менее утверждать, что обозначенные

12. Результаты перекодирования карточки домохозяйства: Опрос 65+ (2017) и Человек, семья, общество (2017).

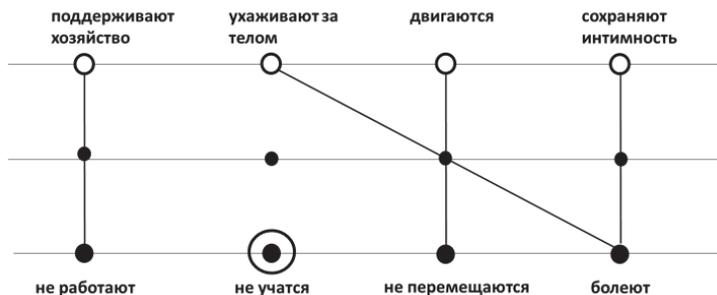

Рис. **Ограничения и возможности сельского старения**

ограничения и возможности характеризуют старение на селе. Труд, образование, подвижность и телесность — важнейшие компоненты активной, неодинокой старости. Многие утраты и ограничения так или иначе компенсируются, замещаются в жизни родившихся или переехавших на село стариков иными формами активности. Невозможность (по большей части из-за проблем со здоровьем и отсутствием подходящих форм занятости) иметь оплачиваемую работу замещается работой по хозяйству; отсутствие поездок и путешествий — подвижностью в пределах поселения или дома. Болезни преодолеваются как лекарствами, так и более внимательным отношением к телу, практиками гигиенического ухода, интимными практиками. И только отказ от обучения ничем не компенсируется (см. рис.).

У поколения нынешних стариков отсутствуют навыки непрерывного образования. Для них учеба по большей части неразрывно связана с детством и юностью. Отказавшись еще в среднем возрасте от продолжения, возобновления или начала обучения, очень многие сельчане обрекли себя на одиночество, отчаяние и беспомощность перед надвигающейся немощью. Л. Ханифан еще в начале прошлого века писал, что отсутствие образовательных практик непосредственно сказывается на снижении социального капитала, который на селе выражается во взаимной симпатии и социальных взаимодействиях, естественным центром которых выступает школа (Hanifan, 1916). Ничего не изменилось за столетие как в США (о чем писал Ханифан), так и в остальном мире.

Опасно искать универсальные средства спасения. Велик риск нахождения удобного, но абсолютно бесполезного рецепта. Но как это ни парадоксально звучит, именно навыки получения образования, поддержанные любознательностью, впечатлительностью и усидчивостью, составляют основу для активного долголетия на селе. Поиск новых форм занятости, в глубокой старости редуцируемых до практик ухода за собой, подвижность внутри домохозяйства, интимность и близость с партнером, управление болезнями и немощью — всё это требует постоянного обучения, поиска подходящих средств и приемов, наблюдения за собой и разговоры

с окружающими. Обучение — единственная благоприятная среда для укрепления духа и подготовки себя к приближающейся смерти.

«Зачем я живу?» — вопрос, актуальный для всех возрастов. Ответ на него — это одновременно поиск нового и сохранение накопленного. «Живу, чтобы узнавать себя и мир. В этом есть недостаток: за что только не брался и мало что довел до конца. Но мне никогда не бывает и не было скучно. У меня никогда нет времени, чтобы быть одиноким», — ответ, который я услышал от одного 86-летнего старика. Ответ не универсальный, как не универсальна ни одна из форм обучения. Но ответ вполне достаточный для осмысленного формирования социальной политики, опирающейся на «сельскую гражданственность» (Skinner, Winterton, 2018), убеждения, представления и практики самих стариков.

Легко чувствовать себя востребованным в юности и среднем возрасте. Что представляется внешними угрозами, звучит требованиями, сначала родителей, потом работодателей, членов семьи, в старости отходит на второй план. Смерть выравнивает былые заслуги, умиряет амбиции, заостряет вопрос о смысле жизни до немислимого предела. Смерть стирает различия между городским и деревенским стилем жизни, куда более радикальней любых социальных, экономических или политических изменений и вызовов. Активное долголетие — это умение держать вопрос о смысле своего существования, чтобы дооформить жизнь, завершить, реализовать предназначение, жизненный план, постичь который невозможно, но вполне можно выполнить.

Библиография

- Акопян С.А. (2014). Страхи пожилых людей города и села // Поволжский педагогический вестник. № 2. С. 8-11.
- Арбер С. (2016). Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / Пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН. С. 191-214.
- Балакина Е.Н., Бороздина И.С. (2009). Концептуализация и вербализация географического пространства в русском и английском языках (на примере категорий «город», «деревня, село» // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 5. С. 1-7.
- Виноградский В.Г. (2017). Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 101-120.
- Дементьев И.А. (2011). Концепция «преодоления различий между городом и деревней» и ее влияние на истощение человеческого и социального капитала российско-го села // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 56-60.
- Ильдарханова Ч.И. (2014). Переоткрытие социальной реальности города и села // Вестник МГИМО. № 6. С. 228-235.
- Ипатова А.А. (2016). Судьбы старшего поколения ивановцев // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН. С. 244-261.

- Колотева И.В. (2016). Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. Т. 1. № 1. С. 142-166.
- Кузьменко Т.В. (2015). Представления о «норме жизни» и достатке жителей города и села: сравнительный анализ // Социологический альманах. № 6. С. 457-464.
- Куштанкина В.А. (2008). Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. Т. 17. № 4. С. 152-163.
- Нефёдова Т.Г. (2018). Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. Т. 3. № 1. С. 117-140.
- Николаев А.Ю. (2017). Физическая активность и малоподвижное поведение взрослых в городе и на селе по данным опросника IPAQ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 3. С. 89-93.
- Овчинцева Л.А., Попова О.А. (2013). Административная и сущностная граница между городом и селом // Аграрная Россия. № 2. С. 37-40.
- Разумов В.И., Рыженко Л.И. (2009). Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве // Вестник Омского университета. Т. 54. № 4. С. 21-29.
- Рогозин Д.М. (2016). Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН. С. 8-41.
- Фризен М.А., Козлова А.Б. (2008). Особенности представлений о времени людей, проживающих в городе и селе // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 2. С. 37-62.
- Chapman C.R., Casey K.L., Dubner R., Foley K.M., Gracely R.H., Reading A.E. (1985). Pain measurement: An overview // Pain. Vol. 22. No. 1. P. 1-31.
- Costa da N.P., Polaro S.H., Vahl E.A., Goncalves L.H. (2016). Storytelling: A care technology in continuing education for active ageing // Revista Brasileira de Enfermagem. Vol. 69. No. 6. P. 1068-1075.
- Downing J., Jack B.A. (2012). End-of-life care in rural areas: what is different? // Current Opinion in Supportive and Palliative Care. Vol. 6. No. 3. P. 391-397.
- Farrants K., Marklund S., Kjeldgård L., Head J., Alexanderson K. (2018). Sick leave among people in paid work after age 65: A Swedish population-based study covering 1995, 2000, 2005 and 2010 // Scandinavian Journal of Public Health. Vol. 46. No. 3. P. 297-305.
- Frase, L., McKenn, K., Turpi, M., Alle, S., Liddl, J. (2009). Older workers: An exploration of the benefits, barriers and adaptations for older people in the workforce // Work — A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation. Vol. 33. No. 3. P. 261-272.
- Gegenfurtner A., Vauras M. (2012). Age-related differences in the relation between motivation to learn and transfer of training in adult continuing education // Contemporary Educational Psychology. Vol. 37. No. 1. P. 33-46.
- Hallerod B., Orestig J., Stattin M. (2013). Leaving the labour market: The impact of exit routes from employment to retirement on health and wellbeing in old age // European Journal of Ageing. Vol. 10. No. 1. P. 25-35.
- Hanifan L.J. (1916). The rural school community center // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 67. P. 130-138.
- Lautenbacher S., Peter J.H., Heese M. (2017). Age changes in pain perception: A systematic-review and meta-analysis of age effects on pain and tolerance thresholds // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. Vol. 75. P. 104-113.
- Nilsson K. (2018). Managers' attitudes to their older employees: A cross-sectional study // Work — A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation. Vol. 59. No. 1. P. 49-58.
- Nilsson K., Hydbom A.R., Rylander L. (2011). Factors influencing the decision to extend working life or retire // Scandinavian Journal of Work Environment and Health. Vol. 37. No. 6. P. 473-480.
- Rainsford S., MacLeod R.D., Glasgow N.J. et al. (2017). Rural and-of-life care from the experiences and perspectives of patients and family caregivers: A systematic literature review // Palliative Medicine. Vol. 31. No. 10. P. 895-912.

- Skinner M.W., Winterton R. (2018). Interrogating the contested spaces of rural aging: Implications for research, policy, and practice // *Gerontologist*. Vol. 58. No. 1. P. 15-25.
- Virtanen M. (2018). Towards sustainable work and longer working lives // *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 46. No. 3. P. 287-289.
- Wilson D.M., Justice C., Sheps S. et al. (2006). Planning and providing end-of-life care in rural areas // *Journal of Rural Health*. Vol. 2. No. 2. P. 174-181.

Challenges and prospects of rural aging

Dmitry Rogozin, PhD (Sociology), Head of Laboratory for Social Research Methodology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 119034, Moscow, Prechistenskaya Nab., 1. E-mail: nizgor@gmail.com

Of the three large-scale studies conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting of the Russian Academy of Sciences, the author selected eight most significant manifestations of rural aging and divided them into two groups. The first group presents limitations, while the second — opportunities for aging in the countryside. Elderly villagers, as a rule, do not work, do not study, do not travel, and are sick — these are the restrictions. But they manage the household, take care of themselves, move and keep intimate relationships — these are opportunities. Most limitations and opportunities make pairs. For instance, elderly villagers do not work but manage the household; do not travel, but move; get sick, but keep intimate relationships and take care of their bodies. Only the lack of educational opportunities does not have a positive pair in rural areas. The author believes that continuous education can become a main factor of active aging, that is why it should become an integral part of social policies.

Keywords: aging studies, life-long learning, illness, variety of aging, education, rural aging, sexuality, sociology of aging, old age.

References

- Akopyan S.A. (2014) Strahi pozhiyly lyudej goroda i sela [Fears of the elderly in the city and village]. *Povolzhsky Pedagogichesy Vestnik*, no 2, pp. 8-11.
- Arber S. (2016) Starenie i gender v globalnom kontekste: rol semejnogo statusa [Aging and gender in the global context: The role of family status]. Per. s angl. E.V. Vyugovskoj, A.A. Ipatovoj. *Starikam tut mesto: socialnoe osmyslenie stareniya*. Pod red. D.M. Rogozina, A.A. Ipatovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 191-214.
- Balakina E.N., Borozhdina I.S. (2009) Kontseptualizatsiya i verbalizatsiya geograficheskogo prostranstva v russkom i anglijskom yazykah (na primere kategorij "gorod", "derevnya, selo") [Conceptualization and verbalization of geographical space in Russian and English (on the example of categories 'city' and 'village')]. *Teoriya Yazyka i Mezhkulturnaya Kommunikatsiya*, no 5, pp. 1-7.
- Chapman C.R., Casey K.L., Dubner R., Foley K.M., Gracely R.H., Reading A.E. (1985). Pain measurement: An overview. *Pain*, vol. 22, no 1, pp. 1-31.
- Costa da N.P., Polaro S.H., Vahl E.A., Goncalves L.H. (2016) Storytelling: A care technology in continuing education for active aging. *Revista Brasileira de Enfermagem*, vol. 69, no 6, pp. 1068-1075.
- Dementev I.A. (2011) Kontseptsiya "preodoleniya razlichij mezhdru gorodom i derevnej" i ee vliyanie na istoschenie chelovecheskogo i socialnogo kapitala rossijskogo sela [The conception of 'overcoming the differences between city and village', and its impact on the depletion of the human and social capital of the Russian countryside]. *Vestnik Pomorskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Socialnye Nauki*, no 3, pp. 56-60.

- Downing J., Jack B.A. (2012) End-of-life care in rural areas: what is different? *Current Opinion in Supportive and Palliative Care*, vol. 6, no 3, pp. 391-397.
- Farrants K., Marklund S., Kjeldgard L., Head J., Alexanderson K. (2018) Sick leave among people in paid work after age 65: A Swedish population-based study covering 1995, 2000, 2005 and 2010. *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 46, no 3, pp. 297-305.
- Frase L., McKenn K., Turpi M., Alle S., Liddl J. (2009) Older workers: An exploration of the benefits, barriers and adaptations for older people in the workforce. *Work – A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation*, vol. 33, no 3, pp. 261-272.
- Frizen M.A., Kozlova A.B. (2008) Osobennosti predstavlenij o vremeni lyudej, prozhivayuschih v gorode i sele [Townspeople and villagers representations of time]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye Nauki*, no 2, pp. 37-62.
- Gegenfurtner A., Vauras M. (2012) Age-related differences in the relation between motivation to learn and transfer of training in adult continuing education. *Contemporary Educational Psychology*, vol. 37, no 1, pp. 33-46.
- Hallerod B., Orestig J., Stattin M. (2013) Leaving the labor market: The impact of exit routes from employment to retirement on health and well-being in old age. *European Journal of Aging*, vol. 10, no 1, pp. 25-35.
- Hanifan L.J. (1916). The rural school community center. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 67, pp. 130-138.
- Ildarhaknova Ch.I. (2014) Pereotkrytie socialnoj realnosti goroda i sela [Rediscovery of the social reality of the city and village]. *Vestnik MGIMO*, no 6, pp. 228-235.
- Ipatova A.A. (2016) Sudby starshego pokoleniya ivanovtsev [The fate of the older generation of Ivanovo]. *Starikam tut mesto: socialnoe osmyslenie stareniya*. Pod red. D.M. Rogozina, A.A. Ipatovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 244-261.
- Kopoteva I.V. (2016) Grazhdanskoe obschestvo i grazhdanskaya aktivnost selskoj Rossii [Civil society and civic engagement in rural Russia]. *Russian Peasant Studies*, vol. 1, no 1, pp. 142-166.
- Kushtanina V.A. (2008) Vyhod na pensiyu kak moment peresmotra identichnosti [Retirement as a chance to revise one's identity]. *Mir Rossii*, vol. 17, no 4, pp. 152-163.
- Kuzmenko T.V. (2015) Predstavleniya o "norme zhizni" i dostatke zhitelej goroda i sela: sravnitelnyj analiz [Townspeople and villagers representations of the 'standard of living' and prosperity: A comparative analysis]. *Sociologicheskyy Almanakh*, no 6, pp. 457-464.
- Lautenbache S., Peter J.H., Heese M. (2017) Age changes in pain perception: A systematic-review and meta-analysis of age effects on pain and tolerance thresholds. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, vol. 75, pp. 104-113.
- Nefedova T.G. (2018) Sovremennoe krestyanskoe hozyajstvo v selsko-gorodskoj srede [Contemporary peasant economy in the rural-urban environment]. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 1, pp. 117-140.
- Nikolaev A.Yu. (2017) Fizicheskaya aktivnost' i malopodvizhnoe povedenie vzroslykh v gorode i na sele po dannym oprosnika IPAQ [Physical activity and sedentary behavior of adults in the city and village according to the IPAQ questionnaire]. *Aktualnye Problemy Gumanitarnyh i Estestvennyh Nauk*, no 3, pp. 89-93.
- Nilsson K. (2018) Managers' attitudes to their older employees: A cross-sectional study. *Work – A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation*, vol. 59, no 1, pp. 49-58.
- Nilsson K., Hydbom A.R., Rylander L. (2011) Factors influencing the decision to extend working life or retire. *Scandinavian Journal of Work Environment and Health*, vol. 37, no 6, pp. 473-480.
- Ovchintseva L.A., Popova O.A. (2013) Administrativnaya i suschnostnaya granitsa mezhdou gorodom i selom [Administrative and substantive borders between the city and village]. *Agrarnaya Rossiya*, no 2, pp. 37-40.

- Rainsford S., MacLeod R.D., Glasgow N.J. et al. (2017) Rural and-of-life care from the experiences and perspectives of patients and family caregivers: A systematic literature review. *Palliative Medicine*, vol. 31, no 10, pp. 895-912.
- Razumov V.I., Ryzhenko L.I. (2009) Balans i spetsifika funktsij goroda i sela v obschestvennom proizvodstve [Balance and specifics of the city and village functions in social reproduction]. *Vestnik Omskogo Universiteta*, vol. 54, no 4, pp. 21-29.
- Rogozin D.M. (2016) Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorovie v starshem vozraste [Liberalization of aging, or labor, knowledge, and health in the older age]. *Starikam tut mesto: socialnoe osmyslenie stareniya*. Pod red. D.M. Rogozina, A.A. Ipatovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 8-41.
- Skinner M.W., Winterton R. (2018) Interrogating the contested spaces of rural aging: Implications for research, policy, and practice. *Gerontologist*, vol. 58, no 1, pp. 15-25.
- Vinogradsky V.G. (2017) Formy neformalnosti: nevidimaya ekonomika krestyanskogo dvora [Forms of informality: Invisible economy of the peasant house] *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 101-120.
- Virtanen M. (2018) Towards sustainable work and longer working lives. *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 46, no 3, pp. 287-289.
- Wilson D.M., Justice C., Sheps S. et al (2006) Planning and providing end-of-life care in rural areas. *Journal of Rural Health*, vol. 2, no 2, pp. 174-181.

«Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве: методические подходы и планируемые результаты».

**Семинар Центра агропродовольственной политики ИПЭИ
РАНХиГС 10 мая 2018 года**

**Э.Н. Крылатых, Ц. Лерман, А.С. Строков, В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда**

Эльмира Николаевна Крылатых, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления фирмой Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 84. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Цви Лерман, профессор эмеритус Университета Хеврона в Иерусалиме. 76100, Израиль, Реховот, 12. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

Антон Сергеевич Строков, ведущий научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: strokov-as@ranepa.ru

Василий Якимович Узун, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Shagaida@ranepa.ru

Семинар, посвященный оценке структурных изменений в сельском хозяйстве: методическим подходам и планируемым результатам, прошел под руководством директора Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ Натальи Ивановны Шагайды и состоял из двух основных докладов и дискуссии по ним.

Первый доклад «Международные методические подходы к оценке структурных изменений в сельском хозяйстве» был представлен профессором Иерусалимского университета Цви Лерманом. В нем в сравнительной динамике были проанализированы показатели структурных изменений в сельском хозяйстве таких постсоциалистических стран, как Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

Со вторым докладом «Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве России: гипотезы и методы исследования» выступил профессор Узун Василий Якимович, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС. Он подробно остановился на структурных изменениях в сельском хозяйстве России и уделил особое внимание институциональным компонентам аграрных структурных изменений, связанным с так называемым соотношением крупных и малых форм аграрного производства. В центре развернувшейся дискуссии оказался феномен агрохолдинга как главного генератора современных многообразных и неоднозначных изменений в современном сельском хозяйстве России.

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-102-126

Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

Н.И. Шагайда: Одно из направлений работы нашего Центра — анализ структурных изменений сельского хозяйства субъектов Российской Федерации и разработка рекомендаций правительству по совершенствованию государственного регулирования развития сельского хозяйства, вернее даже, по совершенствованию аграрной структуры. Как известно, в развитых странах мира существуют различные механизмы влияния на аграрную структуру, которая складывается не стихийно, а находится под влиянием государства, которое, например, может ограничивать суммы субсидий и таким образом заставить крупных предпринимателей искать иные формы организации. Или опыт регулирования аграрной структуры в Германии, где любая земельная сделка, связанная с увеличением хозяйства, должна быть одобрена органами власти. Это делается потому, что есть риск: слишком крупное предприятие может поставить в неравные условия более мелкие.

На первом этапе мы хотели понять, как изменились размеры организаций и крестьянских хозяйств, их специализация и размещение на разных территориях. Соответственно, мы поставили перед собой следующие задачи: оценить изменения аграрной структуры; выявить различия аграрных структур таких крупных экономик, как США и Россия; отследить изменения типов аграрных структур в нашей стране и изменения размеров организаций; оценить изменения специализаций крестьянских хозяйств; оценить их размещение.

На обсуждении нашей темы в РАНХиГС нам задали вопрос: «А для чего вы это все оцениваете? Сможете ли в конце концов сказать, что вот эта изменившаяся структура соответствует или нет более эффективному сельскому хозяйству?» Однако, на мой взгляд, сначала нужно зафиксировать изменения, а уже потом перейти к оценке эффективности. И речь не всегда идет об эффективности производства, это еще и устойчивость развития сельских территорий, оценка которого еще более сложная проблема, чем оценка эффективности сельскохозяйственного производства.

Мы сейчас находимся на первом этапе работы — делаем обзор методик анализа аграрной структуры, выделения типов аграрных структур и систематизации регионов по этим типам. Мы пригласили профессора Цви Лермана, который занимается изучением аграрных структур на постсоветском пространстве, выступить у нас с докладом «Международные методические подходы к оценке структурных изменений в сельском хозяйстве».

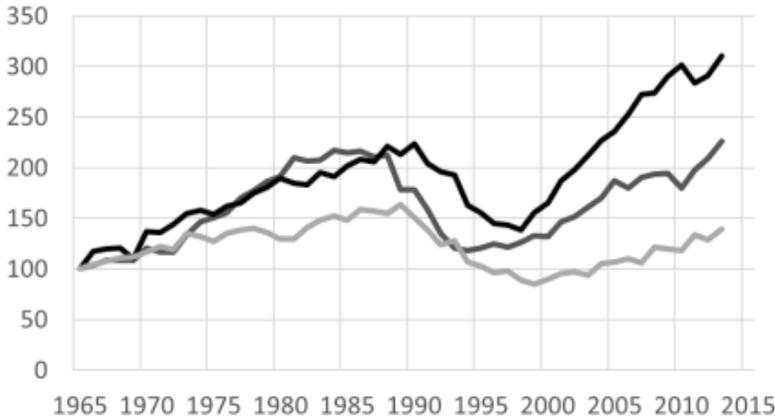
Ц. Лерман: Я очень рад быть в Москве, но несколько удивлен, потому что знаком с работами Натальи Ивановны Шагайды и Васи-

лия Якимовича Узуна. На мой взгляд, они и так прекрасно знают, как определять и идентифицировать структурные изменения. Но тем не менее я подготовил презентацию, основанную на моем личном опыте и взгляде на структурные изменения. Это очень простая презентация — вот ряд графиков из моих работ по разным странам, а после мы вместе сможем обсудить их.

Изучение структуры сельского хозяйства для меня начинается со статистики, а значит, нам нужны хорошие данные, длинные ряды и т. п. Но главные индикаторы — валовое производство, ресурсы, земля, труд, материально-техническое снабжение, организационные формы сельхозпроизводителей, в том числе то, что Наталья Ивановна упомянула в рамках своих задач — крестьянские фермерские хозяйства, а для меня личные подсобные хозяйства. Это очень важный компонент структуры сельского хозяйства, я надеюсь, из моих графиков будет понятно почему. И, конечно, надо смотреть на физическую структуру производства, а не только на валовую продукцию — сколько мы получаем от сельского хозяйства в денежном выражении. Нужно смотреть и на номенклатуру производства (что мы производим), и на структуру (сколько производим, куда идут посевные площади и т. д.).

Кроме этих индикаторов, которые довольно полно отражены в официальной статистике, важно добраться до других, более «мягких» индикаторов. Это индикаторы рыночной инфраструктуры: каналы снабжения, каналы реализации, каналы и объемы экспорта, структура экспорта, доступ к технике, доступ к материально-техническому снабжению. Кроме рыночной инфраструктуры важна и финансовая — это часть рынка, но я ее выделяю, потому что это нефизическая инфраструктура: существование и доступность банковской системы, доступ производителей к кредитам, государственная поддержка производителей, лизинговые операции.

Начнем с валового производства. На первом слайде я поделил страны СНГ на три группы: темно-серая — это Закавказье, черная кривая — это Средняя Азия, а светлая — европейские страны СНГ (Россия, Украина, Беларусь, Молдова). Если бы я не поделил их на три группы, у нас получилось бы 12 перекрывающих друг друга кривых — так что было бы очень трудно разобраться в ситуации. Объединение в группы дает довольно ясную картину — валовая продукция растет быстрее всего в странах Средней Азии. Закавказье (Армения, Грузия, Азербайджан) — на втором месте. Европейские страны СНГ — на третьем с гораздо более медленным ростом. Но нас интересуют структурные изменения. Первое. Переход от роста к спаду валовой продукции четко попадает на 1989–1990 годы — мы знаем, какое структурное изменение произошло тогда. Второе структурное изменение — восстановление роста — наметилось в разных регионах в разные годы, раньше всего в Закавказье в 1992–1993 году, когда Армения и Грузия перешли на индивидуальные хозяйства и там перестали

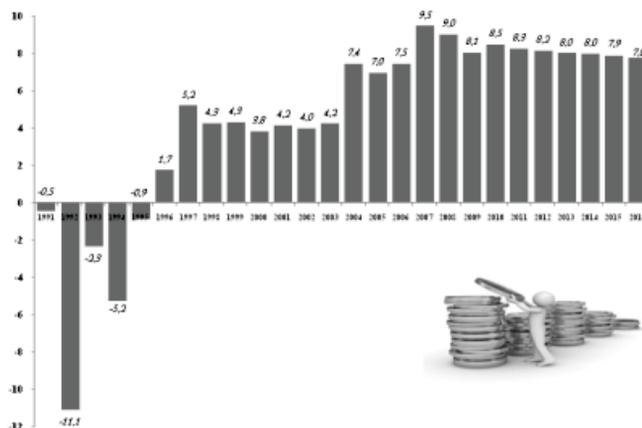

Слайд 1. Валовое производство (в процентах 1965 года)

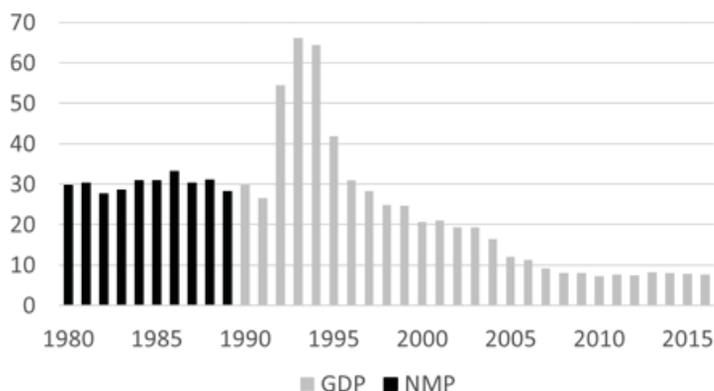
ли существовать сельскохозяйственные организации. В Средней Азии это изменение произошло в 1996 году. В европейских странах СНГ — в 1998–1999 годы, но его влияние было гораздо слабее, чем в других регионах.

Изменения валовой продукции мы можем измерять двумя показателями. То, что вы видели на слайде 1, — это индекс роста. Он рассчитывается из данных годовых изменений. Слайд 2 представляет годовой рост валового сельскохозяйственного продукта Узбекистана в процентах к предыдущему году — как он рос и снижался из года в год. На слайде 1 данных у меня больше, потому что я их собирал с 1965 года и графики делал долгосрочные. На слайде 2 представлены официальные данные, которые я скопировал из последнего узбекского статистического сборника, где все начинается только с 1991 года, но и это очень показательно: спад производства с 1991 года и рост с 1996–1997 года. И тут структурные изменения тоже отчетливо видны.

Следующий важный показатель — доля сельского хозяйства в ВВП. Во всех странах можно рассчитать такие показатели, они полезны тем, что их рассчитывают в текущих ценах, тогда как графики индексов требуют данные в сопоставимых ценах (они существуют или их следует специально рассчитать на основании индексов цен). В социалистический период был совершенно другой показатель вместо ВВП — чистый материальный продукт. На слайде 3 эти два ряда показаны для Грузии на одном графике: темные столбики — доля ЧМП по социалистической методологии, светлые столбики — доля ВВП по общепринятой методологии. Обычно в странах СНГ ряды ВВП начинаются с 1992 года, но в статистическом комитете Грузии удалось пересчитать 1990 и 1991 годы по методологии расчетов ВВП и эти разные ряды сливаются довольно гладко. Ясно, что в первые годы постсоветского периода роль сель-

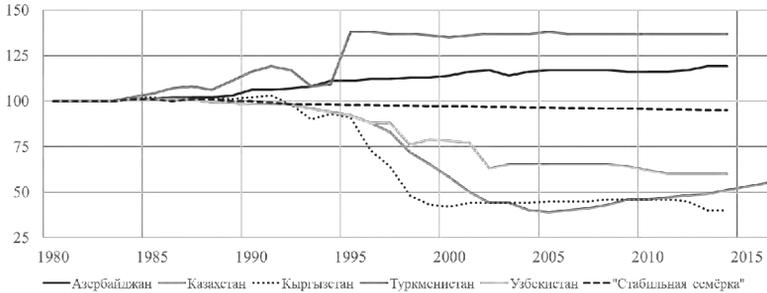
Слайд 2. Годовой рост ВВП Узбекистана (в процентах от предыдущего года)

Слайд 3. Доля сельского хозяйства в ВВП (Грузия, 1980–2015)

ского хозяйства была высока, а потом она постоянно снижалась и сейчас дошла до 5%.

Как оценивать то, что произошло здесь в советский и постсоветский периоды, — трудно сказать, потому что методология различается. Всегда, когда мы имеем дело со статистикой, надо очень аккуратно смотреть на содержание данных. Но все же отметим, что сначала не было роста, не было изменений, роль сельского хозяйства была более или менее стабильная. Потом вдруг его значение возросло, что понятно — была гражданская война в Грузии, землетрясение в Армении, в Азербайджане убийства бесконечные, народ бежал из города в деревню, чтобы было чем питаться, и сельское хозяйство быстро росло. А потом нормализация — люди начали возвращаться в город, к другим занятиям, и роль сельского хозяйства уменьшилась до уровня западных стран — около 5% от ВВП

Слайд 4. **Индекс площади сельхозугодий 1980–2013 (СНГ, 1980=100)**

в Грузии (2016 год). Я точно не помню российские цифры, но думаю, у вас тоже на уровне 5–6%. Да, 4% — это нормальный уровень для стабильного развития западных стран.

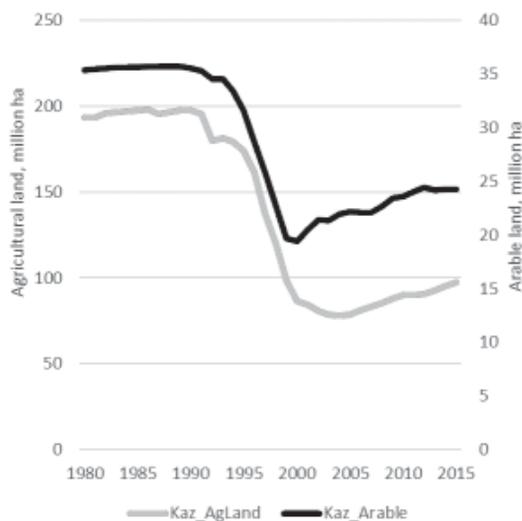
Земля — другой наш (аграрников) любимый индикатор.

Слайд 4 представляет агрегированные данные — шесть кривых, представляющих 12 стран. Здесь отражены изменения сельхозугодий (не пашни, а именно сельхозугодий) с 1980 до 2015 год по отдельным странам и по группе, которая включает семь стран. Эту группу я называю «стабильная семерка»: Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Грузия, Таджикистан. Тут стабильность не является результатом простого осреднения: даже если я эту группу расчленяю на семь кривых, они все идут вместе, пучком, что показывает стабильность по всем странам группы.

В Туркменистане произошло что-то странное: в советское время рост числа земель в результате орошения, потом стабильность, но забыли об обновлении сетей орошения — все запущено, и из-за чего образовалась пустыня. Орошение там необходимо, без него все запущено и ничего не растет. Азербайджан — совершенно другое поведение, постоянный стабильный рост: там не происходило большого структурного изменения в смысле орошаемых земель или сельхозугодий. Кыргызстан и Казахстан — вообще трагедия: спад на 40%, а потом стабилизация. Узбекистан — тоже угодья уменьшаются: запустение, плохое качество обработки и орошения.

Слайды 5–6 дают более детальную картину для Казахстана и Кыргызстана, где указаны и пашня, и сельхозугодья. Почему пашня (черная линия) на графиках выше сельхозугодий (светлая линия)? Потому что я пользуюсь разными масштабами, чтоб разделить эти кривые, иначе пашня была бы где-то внизу, прижата к горизонтальной оси, и динамика была бы совершенно неразличима. Пользуясь разными масштабами, я раздвинул кривые, и в Казахстане мы видим громадный спад в 1992 году и по пашне, и по сельхозугодьям. Это индикатор глубокого структурного изменения в Казахстане. В Кыргызстане сократились только сельхозугодья, а пашня осталась почти на прежнем уровне, и об-

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

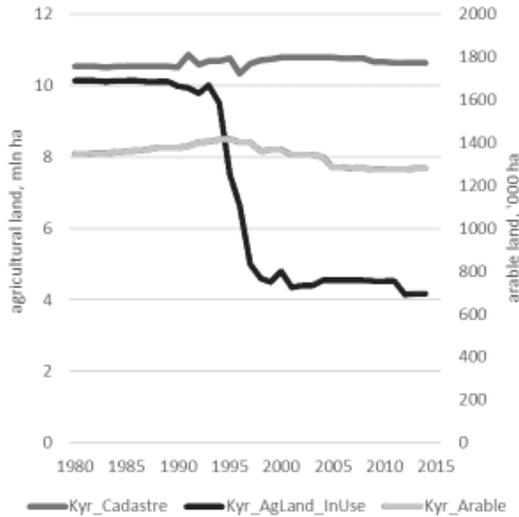

Слайд 5. Покинутые земли в Казахстане

щий уровень по отчетности госкомзема здесь постоянный (серая кривая на слайде 6). Таким образом, пастбища перетекали в земли запаса, размеры которых росли все время, а пашня осталась на том же уровне. Итак, эти слайды показывают совершенно другое поведение, иную форму структурного изменения в Казахстане и Кыргызстане

Как эти земли распределяются по хозяйствам разных размеров? Если бы земли были распределены равномерно, тогда мы бы шли по диагонали в центре слайда 7: один процент хозяйств имел бы 1% земли, десять процентов хозяйств имели бы 10% земли, и так далее. Но в реальности, как, например, в США как рыночной экономике присутствует неравномерность распределения земли между мелкими и крупными хозяйствами.

Повсюду в мире у сравнительно большого количества мелких хозяйств меньше доля земли, чем у сравнительно небольшой доли крупных хозяйств (например, у 20% хозяйств свыше 60% земли в рыночной экономике; светлая кривая для США на слайде 7). А вот что происходит в Казахстане (прямой треугольник на слайде 7): мизерные проценты земли у всей совокупности мелких хозяйств, которых сотни тысяч, включая ЛПХ и фермерские хозяйства, 90% угодий — у крупных хозяйств. Азербайджан — страна, которая прошла через серьезные структурные изменения, и ее кривая посередине: они не дошли до рыночной экономики, но уже далеки от бимодальной социалистической экономики (черная кривая на слайде 7). Со временем эти кривые меняются, потому что реформы в сельском хозяйстве влияют на распределение земли по типам хозяйств. Например, в Румынии в 1996 году был традици-

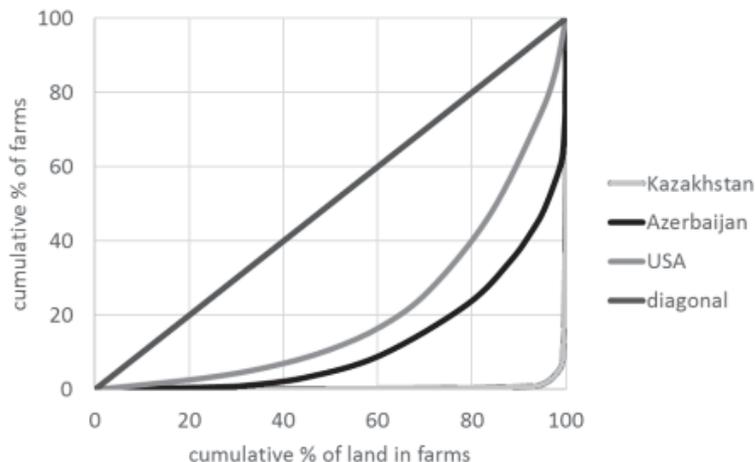

Слайд 6. Покинутые земли в Кыргызстане

онный «социалистический треугольник», а в 1998 году кривая приблизилась к кривой Соединенных Штатов. На Украине в 1996 году тоже был «прямой треугольник», т. е. социалистическое сельское хозяйство: громадное количество мелких хозяйств с незначительной долей земли и небольшое число крупных хозяйств с огромной долей земли, а в 2005 году после всевозможных аграрных реформ, проведенных Кучмой и его предшественником Кравчуком, кривая изменилась и стала менее выпуклой относительно центральной диагонали.

Следующий ресурс — труд: в оценке этого ресурса в сельском хозяйстве мы должны пользоваться показателями полной занятости — наемные работники и самозанятые (ЛПХ и т. д.). Что мы видим на слайде 8: со временем в европейских странах СНГ (нижняя кривая) количество занятых в сельском хозяйстве уменьшается — это естественный процесс в развитых странах, во всех европейских странах СНГ уровень доходов на душу населения выше, чем в других странах, и абсолютное количество занятых уменьшается. Это нормально, тут не о чем беспокоиться, но ваших политиков это иногда беспокоит. Этот совершенно нормальный процесс идет во всем мире, у вас — с 1980 года. С другой стороны, в Средней Азии и Закавказье (верхняя и средняя кривые соответственно) растет сельскохозяйственная занятость, и это индикатор неразвитости. На слайде 8 представлен индекс абсолютного числа занятых в сельском хозяйстве: абсолютная численность занятых в сельском хозяйстве развитых стран падает, но даже в неразвитых странах в последние годы рост прекращается. Моя гипотеза: экономика развивается, рабочая сила перетекает из сельского хозяйства

Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

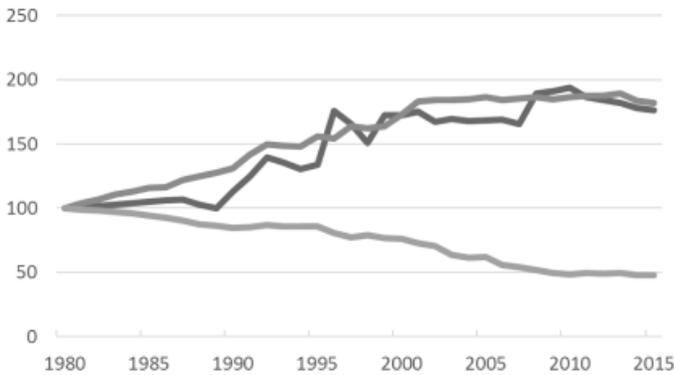

Слайд 7. **Кривая Лоренца: концентрация земель у производителей**

в другие отрасли, главным образом в сферу услуг, — это структурное изменение, его надо изучать.

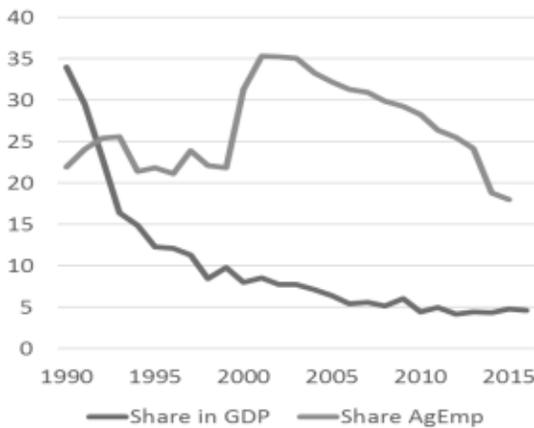
Рассмотрим отдельно графики сельскохозяйственной занятости (доля занятых в сельском хозяйстве) и производительности сельскохозяйственного труда (доля сельского хозяйства в ВВП) в Казахстане. Трудно пользоваться абсолютными значениями для ВВП, потому что нужны сопоставимые цены, а они не всегда есть, но чтобы оценить долю, достаточно текущих цен. На основании этих двух кривых мы рассчитываем относительную производительность сельскохозяйственного труда: доля ВВП — это доля сельского хозяйства, и если 100% сельского ВВП производится на 100% занятых в сельском хозяйстве, то у нас производительность единица — нейтральная ситуация. Если доля занятых в сельском хозяйстве (оранжевая кривая на слайде 9) больше, чем доля сельского хозяйства в ВВП (голубая кривая), у нас получается меньше единицы — значит, сельское хозяйство менее продуктивно, чем экономика (слайд 10, начиная с 1992 года). И наоборот, когда доля занятых в сельском хозяйстве меньше доли сельского хозяйства в ВВП (слайд 9, 1990–1991), индикатор больше единицы и означает, что производительность труда в сельском хозяйстве выше, чем в экономике в целом.

Следующий индикатор — материально-технические ресурсы. Тут мы стоим на очень зыбкой почве, поскольку статистики очень мало. Например, по Кыргызстану есть замечательно подготовленная, оформленная и представленная статистика, но что получилось: до 1992 года в ней фигурировала поставка удобрений, а потом по ней перестали отчитываться, а позже стали рассчитывать применение удобрений, в результате эта статистика совершенно бессмысленна (слайд 11). На графике очевиден спад между 1992

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагада*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

Слайд 8. **Рост/спад занятости в сельском хозяйстве по регионам**

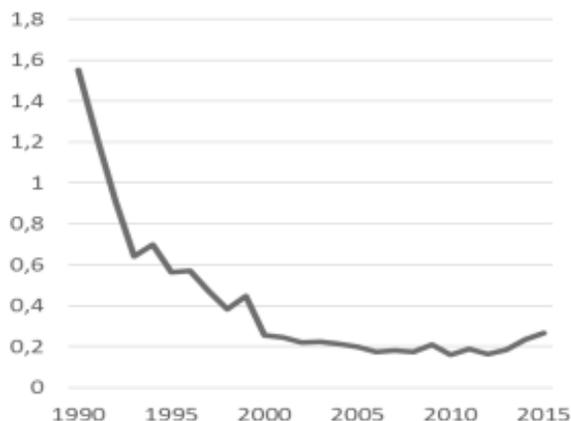

Слайд 9. **Доли сельского хозяйства в занятости и ВВП (Казахстан)**

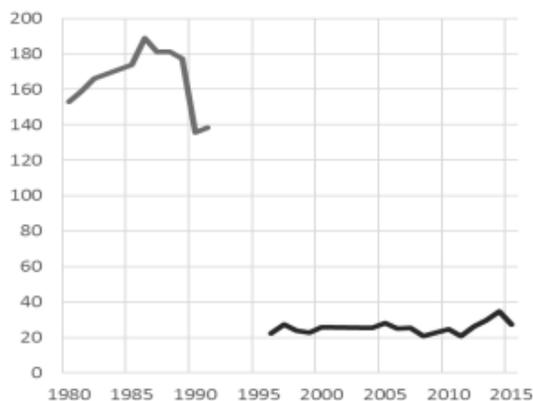
и 1996 годами, но там разрыв, и разные куски кривой представляют разные ряды. В Казахстане оценивается применение удобрений за весь период (слайд 12). Это как бы один и тот же ряд — линия спада, но откуда этот спад? Может быть, это результат изменения методологии статистического учета, а может быть, структурное изменение — у нас нет данных, чтобы принять решение.

С техникой ситуация еще хуже: в Кыргызстане есть данные только по тракторам (в тысячах единиц) — в советские времена наблюдался рост, потом спад. А в Казахстане у нас есть и комбайны, и тракторы, и тоже в постсоветские времена, фактически начиная с 1985 года был острый спад, но после 2005 года никакой статистики нет.

Моя любимая тема — распределение ресурсов по категориям хозяйств. Например, в Таджикистане и многих других странах пашня переходит из СХО в индивидуальный сектор (слайд 13): ЛПХ имели

Слайд 10. **Относительная производительность сельскохозяйственного труда (Казахстан)**

Слайд 11. **Кыргызстан: поставка и применение удобрений в кг на га посевов**

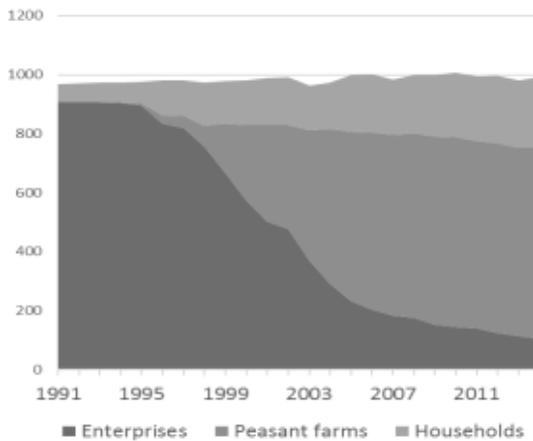
пашню и в советские времена, но главный рост произошел за счет КФХ (крестьянско-фермерских хозяйств). В Кыргызстане площадь пашни в сельскохозяйственных организациях (СХО) сократилась меньше, чем в Таджикистане, а рост КФХ не был столь же бурным. Но Казахстан отличается от остальных стран СНГ — в Казахстане ЛПХ имеют мизерную долю земли (слайд 14). Я этого по сей день не понимаю. Мне надо провести полевое исследование в Казахстане, чтобы понять, что тут происходит, почему столь мизерна доля земли в ЛПХ — совсем тоненькая прослойка.

Важные структурные изменения просматриваются в абсолютных значениях (хотя важны и процентные соотношения), и мы видим по огибающим линиям, что происходит с земельными ресурсами страны — в Таджикистане они сравнительно постоянные (слайд 13),

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

Слайд 12. **Казахстан: применение удобрений в кг на га посевов**

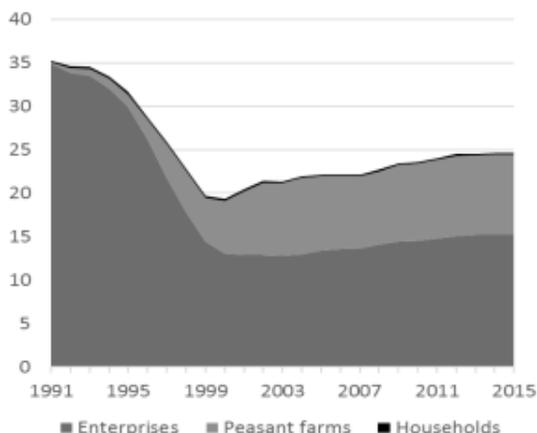

Слайд 13. **Распределение пашни по категориям хозяйств в Таджикистане (тыс. га)**

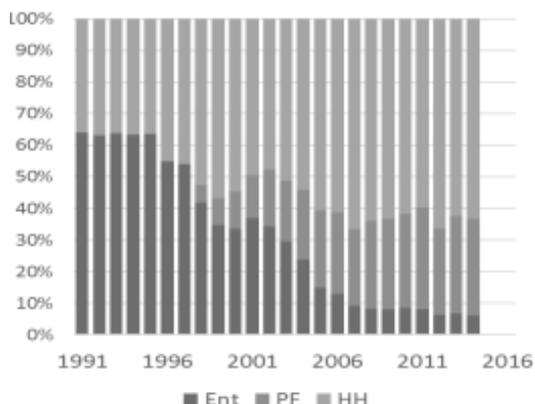
земля не увеличивается, как в Казахстане (слайд 14). На слайде 4 Таджикистан был одним из семи устойчивых, стабильных регионов, а в Казахстане угодья постепенно растут после острого спада в начале 1990-х годов, т. е. постепенно запущенные земли возвращаются в использование.

Что касается поголовья скота, то ЛПХ — ведущий сектор: в Казахстане, где нет земли в ЛПХ, 60–70% поголовья сейчас в ЛПХ, в Таджикистане еще больше — 80–90%. Роль фермерских хозяйств незначительна, большинство поголовья, несмотря на распределение земли, — в ЛПХ.

На слайдах 15–16 представлена структура валовой продукции по категориям хозяйств в Таджикистане и Казахстане: доля ЛПХ

Слайд 14. **Распределение пашни по категориям хозяйств в Казахстане (млн га)**

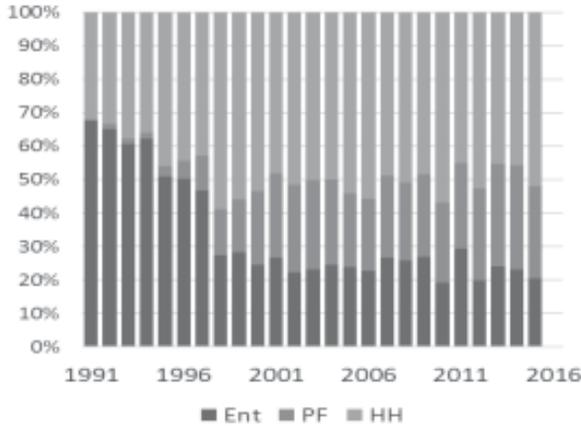

Слайд 15. **Структура валовой продукции по категориям хозяйств в Казахстане**

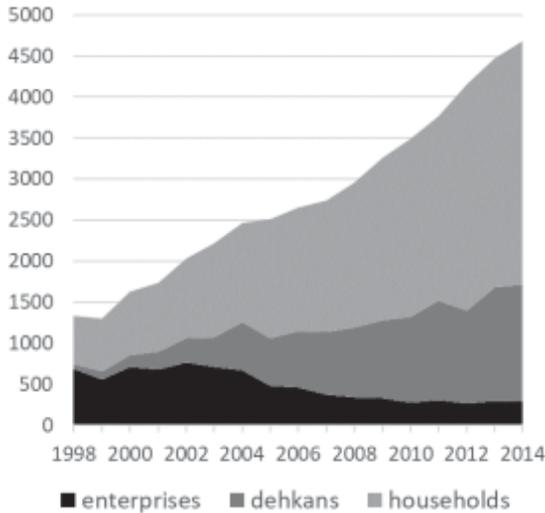
и КФХ растет, а СХО — уменьшается. Когда-то СХО производили в Таджикистане 65% валовой продукции сельского хозяйства, сейчас — 5%, остальное перешло в индивидуальный сектор (слайд 15). В Казахстане похожая ситуация (слайд 16), несмотря на распределение земли (у ЛПХ тоненькая прослойка земли, но большая доля валового производства). В России и повсеместно КФХ растут, а СХО уменьшаются — это общая тенденция.

Структура валовой продукции оценивается в процентном отношении на основании фактических цен. В сопоставимых ценах в Таджикистане валовая продукция (в абсолютном денежном выражении) растет довольно быстро (слайд 17, огибающая), главным образом за счет индивидуального сектора, а СХО уходят со сце-

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагада*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

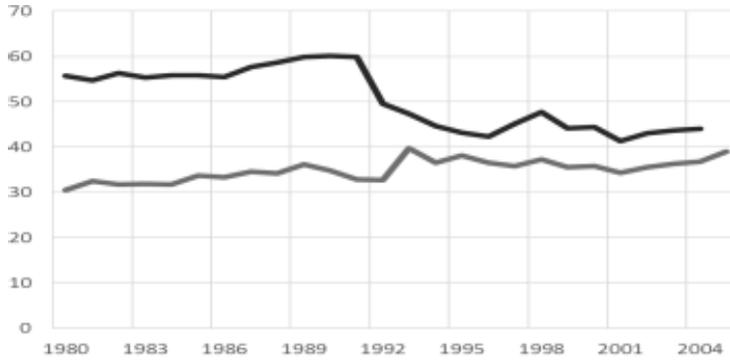
Слайд 16. Структура валовой продукции по категориям хозяйств в Таджикистане

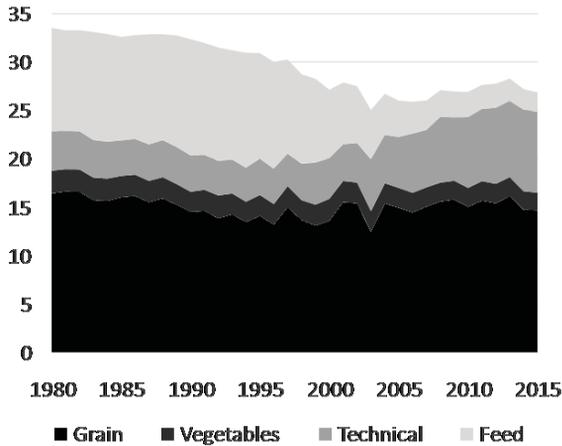
Слайд 17. Рост валовой продукции в Таджикистане в сопоставимых ценах (миллионы сомони)

ны. В Казахстане ситуация менее четкая — рост валовой продукции происходит главным образом за счет индивидуального сектора, СХО растут, но их вклад незначителен.

Физическое производство — у меня получилась группировка стран по доле животноводства в общем сельскохозяйственном производстве. У стран с высокой долей животноводства (черная кривая) (Украина, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) в 1980-е годы она составляла 55% валовой продукции, у стран

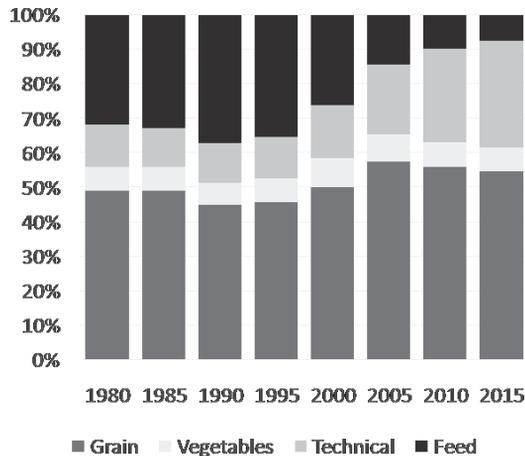
Слайд 18. Структура сельскохозяйственного производства: доля животноводства в СНГ (%)

Слайд 19. Структура посевов в млн га (Украина)

с низкой (светлая кривая) (Азербайджан, Грузия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) — около 30%. А потом что-то произошло: в странах с высокой долей животноводства она резко снижалась, а в странах с низкой долей — умеренно возросла (слайд 18). Самое интересное в том, что сначала две группы резко различались, а потом начали сближаться — это еще один пример структурного изменения.

Структура посевов представлена на слайдах 19–20 и в миллионах га, и в процентах — оба слайда представляют одни и те же данные. На них видно, как меняется структура производства по группам культур (зерновые, овощи, включая картофель, технические культуры): посевы зерна сокращались, потом росли, но самое главное — резко уменьшились посевы кормовых, несмотря на рост поголовья. Увеличились посевы технических культур, на Украине это

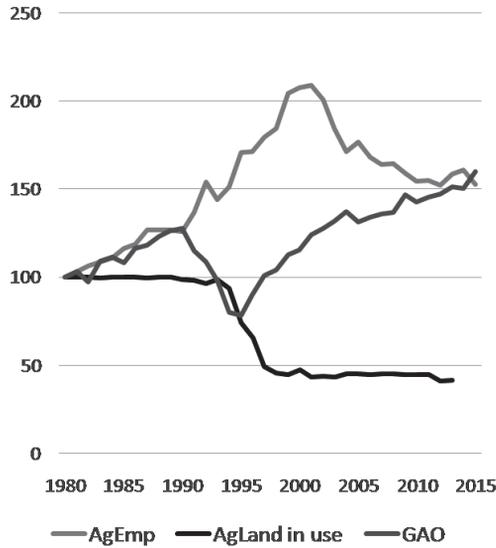
Слайд 20. Структура посевов в % (Украина)

главным образом рапс. Несмотря на изменения или благодаря им, общая площадь посевов уменьшается (оглабающая на слайде 19). Вероятно, эта ситуация (сокращение посевов кормовых, рост технических, стабильные показатели посевов зерна и овощей) характерна не только для Украины, но и для России.

И, наконец, продуктивность: рассчитывается как валовая продукция на единицу ресурса (земля, рабочая сила). У вас в статистике рассчитывают продуктивность рабочей силы (труда). Главное затруднение здесь в том, что валовая продукция должна быть в абсолютном выражении в сопоставимых ценах, и рассчитать индекс производительности гораздо проще. На слайде 21 показаны три главных индикатора в индексном выражении — это труд в сельском хозяйстве (верхняя кривая), земля в пользовании производителей (черная кривая) и валовая продукция (средняя кривая). Что мы видим: валовая продукция растет, продуктивность земли остается без изменений, труд убывает, т. е. и производительность труда, и производительность земли в общем улучшаются.

Чтобы подсчитать совокупную/общую производительность, необходимо составить производственную функцию, в которой будет определена доля труда и доля земли в производстве, на основе чего можно рассчитать вместо частичных производительностей общую производительность. Но это очень трудно, поэтому встречается крайне редко, и мы ориентировочно рассматриваем только частичную производительность, чего достаточно для оценки рыночной и финансовой инфраструктуры.

Н.И. Шагайда: Спасибо большое за выступление. Действительно, мы используем в своей работе многие упомянутые показатели. Но возникает вопрос: как оценить эффективность структурных сдвигов? Вы остановились на частичной производительности,

Слайд 21. Главные индикаторы (в индексном выражении) для оценки частичной производительности земли и труда: земля (красная кривая), труд (зеленая кривая), валовая продукция (синяя кривая)

т. е. частичной оценке эффективности, но можно ли каким-то образом эти многочисленные изменения свести к общей тенденции? Мы считаем, например, что есть много показателей по продуктам, и выявили единый показатель. А можно ли перечисленные вами многочисленные изменения оценить с точки зрения их позитивности? Нужно ли ставить такую задачу в принципе?

Ц. Лерман: Безусловно, нужно ставить такую задачу. Но чтобы ответить на ваш вопрос, надо определить критерий эффективности. Наш критерий — как структурные изменения повлияли на доходы сельского населения. Есть исследования, которые показывают, что во время реформ показатели бедности в некоторых странах уменьшились. Я точно не помню, в каких именно странах, но это факт. Я тоже рассчитывал изменения показателей бедности во время реформ. Это очень легко сделать: возьмите период реформ и рассчитайте индекс бедности, не все двадцать индексов бедности, а выберите один (они все взаимосвязаны) и посмотрите, что с ним произошло. Или оцените, как земельные реформы повлияли на производительность сельского хозяйства: рассчитайте частичную производительность труда и — главное — частичную производительность земли в динамике и посмотрите, каким был результат реформ на Украине или в Азербайджане. Мы видели воздействие реформ на производительность земли.

Н.И. Шагайда: Вы показали очень интересный график распределения земли по хозяйствам. Можно ли, используя такой подход,

при котором, с одной стороны, будет учитываться распределение земли по хозяйствам, а с другой — частичная производительность земли, оценить, каким образом характер распределения по хозяйствам влияет на частичную производительность земли?

Ц. Лерман: Безусловно. Но тут есть серьезное затруднение: производительность земли рассчитывается ежегодно, а по хозяйствам у нас есть лишь единичные данные, которые имеются только в сельскохозяйственных переписях. Я уже говорил о проблеме неполноты статистических данных на уровне страны. Если у нас есть база данных хозяйств, то можно производить любые расчеты и строить какие угодно распределения для хозяйств, в том числе по критерию продуктивности.

А.С. Строков: У меня вопрос про аграрную политику. Можете ли вы назвать страны, где в 1990-е годы проводилась сознательная политика по изменению структуры сельхозпроизводителей или направленная на поддержку КФХ? Или во всех странах это происходило случайно?

Ц. Лерман: Нет, ничего случайно не происходило. Начиная с 1989 года все страны Восточной Европы и весь бывший социалистический мир поставили перед собой задачу, которую можно кратко сформулировать так: перейдем от неэффективной советской модели к более эффективной западной модели. Почему они решили, что западная модель более эффективна? Факты были налицо: у нас нет этого и того, у них есть то, и другое, и третье, поэтому мы должны перейти на более эффективную западную модель — это и была главная цель аграрной политики.

А.С. Строков: Но ваши графики свидетельствуют об обратном: что в некоторых странах (например, в Казахстане) этого не произошло, все досталось крупным землевладельцам — бывшим колхозам. Так, получается?

Ц. Лерман: В одних странах политика не сработала, в других странах правительство ее приостановило. У вас тоже есть масса примеров, когда была определенная политика, а потом от нее отказались — «шаг вперед, два шага назад». Это случалось не только в «ленинские времена», но и в последние десятилетия. Но политика была четкая, все было жестко расписано.

В.Я. Узун: На первых графиках вы показывали, что Узбекистан продемонстрировал совершенно потрясающий рост ВВП. Если оценивать эффективность по этому показателю, то фантастический рост показали центральноазиатские страны. Но когда мы переходим к остальным графикам (земля, особенно производительность труда), то как раз именно эти страны оказываются в гораздо худшем положении. Видимо, рост производства определялся ростом населения. Правильно я понимаю?

Ц. Лерман: В Узбекистане рост валовой продукции действительно был очень быстрым, и не только в Узбекистане, но во всех странах Средней Азии. Но у них также был быстрый рост занятости в сельском хозяйстве, так что производительность труда рос-

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

ла, но не так резко, как валовая продукция. Что росло очень быстро, так это производительность земли, потому что во всех этих странах, кроме Таджикистана и Туркменистана, земельные ресурсы уменьшились: стало меньше земли в пользовании, но валовая продукция росла — значит, и производительность земли росла. Вот у них есть клочок земли и вместо одного человека там пять работников: производительность труда на члена семьи стала низкой, но клочок земли производил много. Поэтому я и говорю, что необходимо рассчитывать общую производительность, а не частичную.

Э.Н. Крылатых: Очень интересный доклад, проникаешься осознанием, что наука не стоит на месте. По результатам ваших исследований каков ваш прогноз по перечисленным параметрам хотя бы на ближайшие десятилетия? Может быть, даже ощущения, а не конкретные цифры.

Ц. Лерман: Я очень боюсь прогнозировать. Понимаете, один из моих прогнозов, когда я смотрел на тенденции, состоял в том, что ЛПХ постепенно будут расти и превращаться в КФХ, таким образом, со временем у нас будет больше средних хозяйств. Но сейчас кривая Лоренца показывает, что у нас мало середняков и очень много мелких и крупных хозяйств. Этот мой прогноз не оправдался для России, хотя в других странах есть такие изменения. Поэтому я очень боюсь заниматься прогнозами, особенно для конкретных стран. Если говорить об общих процессах, то я уверен, что процесс индивидуализации сельского хозяйства — переход ресурсов и производства в индивидуальный сектор (ЛПХ и КФХ), несмотря на создание и развитие агрохолдингов не только в России, но на Украине и в Казахстане, будет продолжаться. Хотя, повторю, я не люблю делать прогнозы.

Н.И. Шагайда: Коллеги, вы увидели, что мы используем большинство названных показателей, но не все для оценки структурных изменений. Василий Якимович, расскажите, пожалуйста, про наш план исследования.

В.Я. Узун: Я не готовил презентацию, поскольку понимал свою роль как комментирование основного доклада — это первое. И второе: в отличие от профессора Лермана, который рассказал о своей работе за тридцать лет, мне поручено рассказать о том отчете, который мы в этом году напишем. Поэтому я остановлюсь на подходах, которые мы собираемся использовать. Но сначала я хочу сказать, что это был великолепный доклад, выводы, основанные на очень длинных рядах, на большом количестве стран, — это, бесспорно, масштабная оценка того, что происходило на постсоветском пространстве, демонстрация показателей, которые характеризуют последствия структурных изменений. Наша задача — оценить, в каком направлении эти изменения происходят.

Когда речь идет об аграрной структуре, то, как правило, понимается институциональная структура, т. е. соотношение раз-

ных категорий хозяйств в аграрном секторе. Обычно характеристика институциональной структуры формируется таким образом: мы берем три категории хозяйств — сельскохозяйственные организации, крестьянские хозяйства и личные подсобные хозяйства, и оцениваем, как меняется их соотношение с 1990 года. Если смотреть, что предлагала по аграрной структуре наука раньше, то обычно сельхозпроизводителей классифицировали в зависимости от роли крестьянского хозяйства в обеспечении работой и доходами. Этот классический подход XVIII и XIX веков в некоторых странах сохранился по сей день. В Германии есть два класса хозяйств — основные, что дают основной доход и занятость, и побочные, подсобные — они дают частичный доход и частичную занятость. Анализ всегда ведется по таким двум классам. Была еще давняя теория живучести и устойчивости семейного крестьянского хозяйства: выделяли семейное или трудовое семейное хозяйство, которое производит сельхозпродукцию, и производителей, которые вели хозяйство с применением наемного труда (батраков или крепостных в разные периоды). В XIX и XX веках главный вопрос заключался в том, какова доля трудовых семейных хозяйств и хозяйств с наемным трудом в производстве сельхозпродукции. Это было принципиально, поскольку на рубеже веков обсуждался вопрос о том, что будет дальше. Марксисты говорили, что большие хозяйства с наемным трудом станут главными, а крестьянское хозяйство — это умирающая категория. Их противники считали иначе, но в разные периоды прогнозы менялись.

В конце XIX — начале XX века тенденция в мировом сельском хозяйстве была такой: доля наемных работников и доля в сельхозпроизводстве хозяйств с наемными работниками росла очень быстро. Известная работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» показала, что доля крупных хозяйств, где кулаки-мироеды используют наемный труд, растет. В начале XX века картинка вдруг стала меняться — численность наемных работников стала быстро падать. Например, во Франции: было 5 миллионов наемных работников, быстрый рост до этого показателя, а потом за очень короткий период падение, и остался всего 1 миллион, хозяйства вновь стали семейно-трудовыми благодаря механизации сельскохозяйственных работ. Чаянов все свои работы построил на этих фактах и на том, что предсказания классиков не сбылись (что структура сельского хозяйства изменится и будут преобладать хозяйства с наемным трудом). Статистика после 1920 года показывает, что ситуация изменилась, семейное хозяйство выжило благодаря кооперации, технике и росту производительности и продолжило увеличивать производство, сокращая численность наемных работников.

Эта ситуация сохранялась на протяжении XX века. Последний раз я анализировал соотношение хозяйств с наемным трудом и без него в конце 1980-х годов, тогда во многих развитых странах Европы лишь 1–2% занятых были наемными работниками, а 98% — это

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

семья с членами хозяйства. Есть, конечно, страны, где наемных работников больше — до 30%. Я бы хотел эти ряды проанализировать с 1900 года и посмотреть, что произошло в конце XX и в начале XXI века. В нашем аналитическом докладе был поставлен вопрос: наше сельское хозяйство — сплошь наемные работники, но в теории такое хозяйство неэффективно, а что происходит в других странах? Вот мы крупнейшее хозяйство заводим: один хозяин, 20 тысяч наемных работников в агрохолдинге, хозяин сидит в Москве или за границей и не видит, что там делается, — вот такое хозяйствование, как давно доказывалось, неэффективно. Но мы идем по такому пути и видим, что наше крупное хозяйство эффективно и конкурентно на внутреннем и мировом рынке. Есть, может быть, причины политические, но это именно так. Вопрос: куда нам идти дальше? Продолжим строить сельское хозяйство, состоящее сплошь из наемных работников?

Цви говорил, что в европейской части постсоветских стран производительность растет, а численность занятых сокращается. И в России она фантастически сократилась — по сравнению с 1990 годом в 10 раз, а раз мы вышли на уровень производства 1990 года, то значит, в 10 с лишним раз повысилась производительность, по отдельным видам продукции — в 15. Иными словами, у нас ситуация особая. Первый вопрос о структурных сдвигах — какого рода хозяйства у нас есть, куда мы движемся и куда мы придем?

Второй важный момент. Цви показал, что во многих странах (исключая Таджикистан) доля крупного хозяйства подросла (Казахстан, Украина, в небольшой мере в прибалтийских республиках), везде средний размер хозяйства, имея в виду объемы производства, растет, но вместе с тем возникла особая проблема — агрохолдинги. 95% разговоров о сельском хозяйстве России ведется вокруг агрохолдингов — они главные, основные, им — капиталовложения, господдержка, они на мировом рынке, они работают с высокой производительностью. Но какова их доля в валовой сельскохозяйственной продукции? Какова их доля в использовании трудовых и земельных ресурсов? Ни одного официального показателя по агрохолдингам в стране нет. Мы двадцать лет говорим об этом, но Росстат так и не наладил статистику, и в принципе агрохолдинг как организационно-правовая форма не узаконен. Поэтому в качестве одного из результатов нашего исследования мне хотелось бы получить ответ на вопрос: какова реальная роль агрохолдингов? Мы пытались ответить на него десять лет назад, в 2006 году, и показали тогда, что у агрохолдингов 2% занятых, 3% земли и 7% производства, т. е. их роль была очень незначительна. А какова она сейчас? По всем предварительным оценкам, получается, что сейчас они — основной производитель сельскохозяйственной продукции: около половины всей сельхозпродукции производят агрохолдинги. Мы планируем продолжать работу на основе статистики.

Концерн BASF насчитал в России 127 агрохолдингов, хотя существует определение агрохолдинга, но в списке этом в основном клиенты самого BASF, многие из которых агрохолдингами не являются. Мы же хотим, опираясь на официальные данные, выявить, сколько в стране агрохолдингов, как они называются, чем они владеют, что производят, какова их эффективность. Без этого структурные изменения в сельском хозяйстве России сегодня охарактеризовать очень трудно, вернее, невозможно. Получится, что мы не видим основных производителей, определяющих погоду в этом секторе экономики.

Структурные сдвиги будут проанализированы также исходя из размеров хозяйств на основании официального законодательства. В нормативно-правовых актах говорится о четырех видах хозяйств: микропредприятиях, малых, средних и крупных. Естественно, есть статистические трудности: скажем, приходится считать все ЛПХ микропредприятиями, а это до 15 человек занятых и до 120 миллионов рублей товарной продукции. У нас есть база первичных данных по каждому сельхозпредприятию страны за 2013–2016 годы, но если по сельхозорганизациям в этой базе почти стопроцентный охват, то по крестьянским хозяйствам — в ней присутствуют только лучшие, крупнейшие хозяйства, которые Минсельхоз так или иначе поддерживает субсидиями (57 тысяч). Поскольку есть первичные данные, мы легко можем их распределить на микро, малые, средние и крупные, а остальные КФХ, наверное, придется, как и ЛПХ, считать микропредприятиями с выручкой до 120 миллионов рублей и с численностью до 15 человек. Такой анализ мы уже пробовали делать и в отчете опишем роль каждой категории хозяйств.

Есть еще ряд вопросов, и главный — вопрос о собственности, который был актуален еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Вся реформа была нацелена то, чтобы превратить государственное в частное. Но нужен, по сегодняшней статистике, ответ на вопрос: кто же владеет сельским хозяйством? Как сейчас распределена сельскохозяйственная земля, работники и производство? Здесь, по предварительным данным, мы видим, что произошли кардинальные изменения. В начале 1990-х годов были коллективные сельскохозяйственные предприятия — сначала колхозы/совхозы, потом их реформировали, и все бывшие члены этих хозяйств стали собственниками, в среднем по 500 человек на хозяйство. Сегодня ситуация такова: основная часть сельхозорганизаций — это частные хозяйства, принадлежащие одному человеку. Мы хотим сгруппировать СХО по числу собственников, указать доли хозяйств: один собственник, от двух до пяти, 5–10 и больше 10 (последних осталось очень мало, т. е. сельское хозяйство стало частным).

Если смотреть с этих позиций, то оказывается, что с агрохолдингами мы вышли далеко за пределы определений, имеющих в литературе: то, что мы имеем сегодня, в литературе вообще не описано. Агрохолдинг рассматривается как головная компания,

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

владеющая какими-то предприятиями, а у нас не так — у нас есть холдинги государственные, где одна государственная структура владеет большим количеством предприятий; есть юрлица, соответствующие определению, которое есть в литературе, что такое холдинг (юрлицо, головная кампания, владеет какими-то предприятиями). Но у нас есть холдинги, принадлежащие одному человеку.

Ц. Лерман: То есть «человек-холдинг»?

В.Я. Узун: «Человек-холдинг», не юридическое лицо, а человек, у которого 20 сельскохозяйственных организаций и полмиллиона гектаров земли. Иными словами, необходимо понять роль разных холдингов, классифицировать агрохолдинги и по собственникам в том числе.

По предварительным данным, ситуация такая: власти не знают, что происходит в сельском хозяйстве, кому оно принадлежит, как все распределено, что здесь делается, не говоря уже о том, что никто не знает, как распределены доходы. Цви говорил, что нужно пользоваться показателем «доходы сельских жителей». У нас сельское хозяйство развивается быстрыми темпами, основная продукция производится внутри страны, оно вышло на мировые рынки, т. е. мы кормим сотни миллионов людей за границей, богатеют производители-экспортеры, но село беднеет и все больше отстает от средних показателей по стране.

Другой важный аспект оценки — организационно-правовые формы хозяйств. В начале реформ были споры о том, какие формы правильные, а какие неправильные. Производственные кооперативы считались правильными, Дума давала им большие преференции, считалось, что производственные кооперативы в сельском хозяйстве — это путь России. Но есть публикации Е.А. Гатаулиной с коллегами, в которых показано, что это не так, что предсказания ученых не сбылись. Структура организационно-правовых форм существенно изменилась за последние 20–30 лет — так что нужно проанализировать и этот аспект российского сельского хозяйства.

И, конечно, нужен анализ аграрной структуры не только по стране, но и по регионам. Валерий Александрович Сарайкин написал книгу, где продемонстрировал типологию аграрных структур по регионам на базе переписи 2006 года. Но теперь есть свежая перепись, последние данные по разным типам хозяйств, и нужно разработать новую типологизацию аграрных структур регионов. Регионы стоит разбить на три группы: первая — где доминируют холдинги и другие крупные корпоративные хозяйства, вторая — семейные хозяйства типа узбекских, таджикских или азербайджанских, третья — смешанные, где примерно в равных пропорциях представлены обе предыдущие группы хозяйств.

Современная аграрная структура — это в значительной мере результат аграрной политики правительства России, нацеленной на поддержку агрохолдингов. Им достается основная часть господдержки. Тем самым агрохолдинги получали конкурентное пре-

имущество и вытесняли малый бизнес, просто убрали его с дороги, уничтожали. Нужен анализ, чтобы сказать: а если бы мы делали по-другому, так, как в Западной Европе, в Соединенных Штатах, если бы крупному бизнесу не давали столько денег? Ведь в большинстве стран такие богатые люди, как владельцы Мираторга или Кубаньагрохолдинга, вряд ли бы пошли за господдержкой и получили миллиарды рублей. Деньги обычно дают бедным, начинающим фермерам, маленьким хозяйствам, чтобы удержать их на территории, чтоб в регионе была работа, а мы поступаем наоборот — даем крупному, убираем мелких, поэтому в России сложилось очаговое развитие сельского хозяйства. Один агрохолдинг, допустим, в Псковской области, дает 70% валовой продукции сельского хозяйства, а больше на территории ничего нет, все остальное загублено. Понятно, что все, что я рассказываю, требует невероятных усилий по добыче информации и ее анализу.

Н.И. Шагайда: Мы продолжим работу, о которой рассказал Василий Якимович, в 2019, 2020, 2021 и 2022 годах. Значительные усилия уходят на то, чтобы выделять агрохолдинги. Собственно говоря, мы хотим посмотреть, как изменились их размеры, концентрация капитала, размеры выручки, какие изменения произошли в специализации и концентрации производства в целом по стране и по территориям. Мы каждый раз хотим сделать отчет небольшой кровью, но увлекаемся и начинаем смотреть, сколько «человек-холдингов» в стране. А для этого нужно выяснить всех учредителей, посмотреть, кто имеет контрольный пакет, потом посчитать, сколько таких контрольных пакетов по всей стране. Поэтому сегодня мы затронули лишь два аспекта: первый — структурные изменения в стране на фоне других стран, на чем останавливался в основном профессор Лерман; второй — изменения в аграрной структуре России.

*Э.Н. Крылатых,
Ц. Лерман,
А.С. Строчков,
В.Я. Узун,
Н.И. Шагайда*
Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве...

**Round table “Assessment of structural changes in agriculture: Methodological approaches and estimated results”.
Center for Agro-Food Policy, Institute for Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, May 10, 2018**

Elmira Krylatykh, academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Head of the Department of Organizational Management, Higher School of Corporate Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 84. E-mail: elmira-kr@yandex.ru.

Zvi Lerman, Sir Henry d'Avigdor Goldsmid Professor Emeritus of Agricultural Economics, Department of Environmental Economics and Management, Robert H. Smith Faculty of Agriculture, Food and Environment, Hebrew University of Jerusalem (Israel), P.O. Box 12, Rehovot, 76100, Jerusalem, Israel. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il.

Anton Strovov, Senior Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: strokov-as@ranepa.ru.

Vasily Uzun, DSc (Economics), Chief Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru.

Natalia Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Shagaida@ranepa.ru.

The round table on the “Assessment of structural changes in agriculture: Methodological approaches and estimated results” was held under the leadership of Natalia Ivanovna Shagaida, head of the Center for Agro-Food Policy, and consisted of two main reports and discussion on them. The first report “International methodological approaches to assessing structural changes in agriculture” was presented by Zvi Lerman, professor at the Hebrew University of Jerusalem. Uzun Vasily Yakimovich, chief researcher of the Center for Agro-Food Policy, presented the second report “Assessment of structural changes in Russian agriculture: Hypotheses and research methods”. Professor Lerman conducted a comparative analysis of the dynamics of various indicators of structural changes in agriculture of such post-socialist countries as Russia, Ukraine, Belarus, Moldova, Armenia, Georgia, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan. Professor Uzun was a co-rapporteur of professor Lerman and described structural changes in Russian agriculture paying special attention to the institutional components of agrarian structural changes associated with the interrelation of large and small forms of agricultural production. At the end of the seminar, the discussion focused on the phenomenon of agroholdings as the main factor of diverse and ambiguous agrarian changes in the contemporary Russian agriculture.

Keywords: agriculture, post-socialist countries, structural changes, agroholdings, research methods.

«Мы всю жизнь — первопроходцы»

Е.С. Савченко, А.М. Никулин

Евгений Степанович Савченко, доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук, губернатор Белгородской области. 308005, г. Белгород, Соборная площадь, 4. E-mail: admin@belregion.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В интервью журналу «Крестьяноведение» губернатор Белгородской области, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН Евгений Степанович Савченко на основе размышлений о собственном жизненном пути анализирует вопросы истории и современности аграрной и социальной политики в России и Белгородской области. Особое внимание в интервью уделяется вопросам роли государства в формировании ответственного аграрного политического курса, устанавливающего правила хозяйственной жизни общества в условиях рыночной экономики, регулирующего экономическое и социальное взаимодействие крупных и мелких форм аграрного производства, сферу социального развития села, инновационных направлений развития сельского хозяйства. Большое внимание в интервью уделяется проблемам экологии, местного самоуправления, подготовке кадров для сельского хозяйства.

В центре интервью оказалось всестороннее обсуждение значения и роли агрохолдингов в сельском хозяйстве и развитии России, возможные направления вовлечения агрохолдингов в развитие сельских территорий.

В обсуждении белгородских программ сельского развития особое внимание уделено проблемам восстановления плодородия почв, планам экологического развития проекта «Зеленая столица», барьерам, стоящим на пути распространения биоэнергетики и альтернативной энергетики.

Отмечается, что, несмотря на катастрофические испытания, выпавшие на долю российского крестьянства в XX веке и в значительной степени приведшие к утрате крестьянской ментальности, в современной России по-прежнему ощущается потребность в сохранении и развитии культуры сельских сообществ и территорий, органично сочетающих сельские традиции и инновации, что, например, проявляется в создании родовых поместий и ТОСов.

В заключение подчеркивается, что волею исторических судеб сельской России часто приходится выбирать пути первопроходцев.

Ключевые слова: сельская Россия, сельское развитие, аграрная политика, колхозы и совхозы, агрохолдинги, вертикальная интеграция, экология, местное самоуправление

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-127-154

А.М.НИКУЛИН: Евгений Степанович, давайте начнем нашу беседу с основных вех Вашей биографии. Расскажите, пожалуйста, как происходило Ваше становление как личности. Кто были Ваши учителя в жизни, науке и работе?

Е.С. САВЧЕНКО: Я определился со своим призванием в тот момент, когда принял решение поступать в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. И не жалею, что сделал такой выбор, хотя до армии окончил Старооскольский геологоразведочный техникум и получил там определенные знания. После завершения учебы в академии я вернулся в родные края, сам попросился сюда, здесь и началось мое становление.

Мне очень нравилось работать главным агрономом хозяйства и вообще агрономом — в широком смысле слова. Я почувствовал, что у меня что-то получается, что можно повышать урожайность за счет соблюдения определенных элементарных и технологических правил. Я видел результаты своего труда, видел отношение к себе: механизаторы стали слушаться меня. Потом начал самостоятельную работу директором совхоза. Мне повезло — я возглавил элитный семеноводческий совхоз по производству суперэлитных семян сахарной свеклы. Было тогда такое семеноводческое объединение при Министерстве сельского хозяйства СССР, в которое входили 12 совхозов со всего Советского Союза. Это наш совхоз, один в Липецкой области, несколько на Украине и в Краснодарском крае, одно или два хозяйства в Узбекистане, Институт сахарной свеклы в Киеве, а также сельскохозяйственные опытные станции по сахарной свекле — это было очень мощное семеноводческое объединение. Здесь я осознал, насколько хорошо у нас в стране выстроена система, именно система, производства элитных семян и как работает система производства общедоступных семян для промышленных посевов сахарной свеклы. Меня поразила масштабность всего этого явления, и я почувствовал некую свою причастность к великому делу. Здесь и были все мои первые учителя.

Меня принимал на работу заместитель министра сельского хозяйства Анатолий Петрович Чубаров, который в свое время работал секретарем компартии Киргизии, летчик-орденоносец, прошедший Великую Отечественную войну. Мы 40 минут говорили с ним о том, как надо работать. Беседа на таком уровне меня очень впечатлила. Сразу появилось чувство ответственности из-за внимания государства к моему маленькому совхозу в Белгородской области. Государство давало технику. Потом знакомился с тем, как работает система в самом объединении: как выдается задание, как контролируют исполнение, как фондируют. Быстро появлялся опыт, а с ним и уважение к подходу, который демонстрировало государство. Дальше была работа в масштабе района, потом по партийной линии. Так и дошел до губернатора области.

Отношение к земле у меня впитано еще с детства — мой отец был председателем колхоза из тридцатитысячников. В 1954 году,

после сентябрьского пленума 1953 года, Хрущев объявил о направлении 30 тысяч лучших специалистов в сельское хозяйство. Многие специалисты, в том числе бывшие фронтовики, занимавшие важные должности, пришли управлять колхозами. Пришел и мой отец, и всю жизнь там проработал, это все было перед моими глазами, и я все это впитывал. Я смотрел на землю, на крестьян, по сути дела, его глазами, и сейчас я смотрю его глазами. Как он относился к людям, к работе, как ценил это, как любил землю — по сути дела, все это сейчас во мне. Это были мои учителя по жизни.

Были учителя и в районе — соседи, руководители специализированных хозяйств по производству крупного рогатого скота, свиней, хозяйства по «пять тысяч тонн». Ими управляли уникальные люди, с которыми я постоянно общался на семинарах, конференциях и просто по-соседски. Это была мощная школа, и я ее прошел.

А.М. НИКУЛИН: Вы стали губернатором Белгородской области в начале 1990-х годов...

Е.С. САВЧЕНКО: Когда я сюда пришел в 1990-е годы, тут такое было... С одной стороны, это, конечно, испытание, а с другой — огромное поле для творчества, потому что никаких правил не устанавливалось, никто ничем не командовал, что хочешь, то и делай. Это — реальность 1990-х. Каждый, по сути дела, выдумывал что-то свое. Тогда речь шла не о том, чтобы развиваться, а чтобы прежде всего сохранить, потому что все просто обваливалось. Но практический опыт, который был приобретен ранее, мне очень пригодился в 90-е годы.

Плюс экономическое образование, плюс я защитил диссертацию: сначала стал кандидатом экономических наук, а позже — доктором. Моя диссертация была посвящена государственному регулированию сельского хозяйства в условиях рыночной экономики. Я защищался на рубеже 1990-х во Всероссийском НИИ экономики сельского хозяйства. Иван Григорьевич Ушачев, мой научный руководитель, с которым мы потом подружились, крупный экономист и удивительный человек. От него я много узнал о том, как выстраивать все не на макроуровне, а на микроуровне, на уровне района, так, чтобы заработал системный подход.

К концу 1999 года, когда все разваливалось в сельском хозяйстве, у нас в Белгородской области было подготовлено постановление № 710 «О мерах по экономическому оздоровлению неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий области». Мы решили пригласить всех крупных промышленников и инвесторов, которые бы финансово поддерживали сельское хозяйство. Мы искали то производственное звено, за которое, ухватившись, можно было бы вытащить всю цепочку сельскохозяйственного производства. Самое мощное звено в цепи от посева до прилавка — это, конечно, переработка, например, комбикормовые заводы. Мы ухвати-

Е.С. Савченко,

А.М. Никулин

«Мы всю жизнь — первопроходцы»

лись именно за это звено и через него начали выстраивать систему производственных отношений. В то время все перерабатывающие заводы в разных отраслях быстро приватизировались, и оттуда начали все выжимать. Думали, что все само заработает после приватизации, даже отдали аграрникам 51% акций, но нигде ничего толком не заработало. Все быстро продали ушлые руководители предприятий, все консолидировали и начали отжимать последнее, а предприятия продолжали разваливаться.

Так как во власти оказались сильные люди, то мы взяли некоторые убыточные или развалившиеся предприятия и с помощью вертикально интегрированных структур, через сахарный завод, через комбикормовый завод, через молочный завод начали интеграцию. Все думали, что она снизу вверх пойдет, но по жизни так не получилось, началось сверху вниз, как в советской ментальности было заложено. Тогда это движение сверху вниз стало восприниматься одобрительно не только как идеология, но и как организация финансовых потоков и управления. Например, комбикормовый завод — это точка роста. Если есть комбикормовый завод, значит, у него должно быть зерно, это его зона влияния. Если у тебя нет налаженных потоков сбыта, то значит, надо самому что-то организовать, например, свиноферму, птицеводческую ферму и так далее, где свой комбикорм, а у мяса сбыт всегда будет. Вот так все встает на свои места.

В 2000-е годы мы потребляли 3–4 миллиона тонн птицы и свинины в целом. Когда государство одумалось, что мы слишком много завозим импорта, начали вводить квоты. Это мы боролись, чтобы вводили квоты на импорт. И все пошло: производство птицы и свинины пошло хорошо сразу, молоко не сразу, ведь даже сейчас молочное производство — не самый защищенный сектор. Мы буквально только в последние 2–3 года производим достаточно своего молока. Сахарная свекла пошла, хотя с большими проблемами. Вот так у нас появились соответствующие интегрированные структуры. Белгородская область была пионером в создании таких структур, это мое личное убеждение. Это не теория была, а все это диктовала практическая целесообразность. Сейчас я убеждаюсь, что другого пути в нашей российской действительности в девяностые и нулевые годы просто не было. То, что мы сегодня имеем, — это результат, достигнутый при минимальной поддержке со стороны государства, как политической, так и финансово-экономической.

Сельское хозяйство наше выжило и стало более устойчивым с геополитической точки зрения. То, что наше общество имеет политическую, социальную и экономическую стабильность, — это большая заслуга сельского хозяйства.

А.М. НИКУЛИН: Вы сказали, что ключевым звеном, за которое надо было взяться, была переработка как катализатор вертикальной интеграции сверху. Агрохолдинг — вот конкретный тип орга-

низации и всем известный символ такой интеграции российского сельского хозяйства начала XXI века. В начале 2000-х было много экспериментов с тем, как развивать агрохолдинги. В Орловской области Е.С. Строев попытался, но результат был не такой впечатляющий, как в Белгородской области.

Долгое время именно Белгородская область была почти единственной территорией, на которой формировался достаточно успешный системный подход к развитию агрохолдингов. Сейчас можно говорить, что есть и другие регионы, которые все уверенней идут по этому пути.

Е.С. САВЧЕНКО: Во всех регионах, как в семьях у Льва Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Но общий тренд был и остается на вертикальную интеграцию, на крупные индустриальные производства. Здесь тон задают две отрасли: свиноводство и птицеводство. Между прочим, ведь первые индустриальные технологии вертикальной интеграции в птицеводстве и свиноводстве разработал Советский Союз. Да, они были примитивные, но их потом у нас позаимствовали.

Я ездил учиться свиноводству в Канаду, там крупные хозяйства по 4–5 тысяч свиноматок. Одно предприятие занимается выращиванием, второе дорастивает, третье занимается подкормом, плюс кооператив по производству комбикорма. Получается, что канадский агрохолдинг по производству свинины — это кооператив по производству свинины. В Канаде и в Северной Америке внутренняя структура — кооперативная, а у нас агрохолдинги все держат в одних руках.

А.М. НИКУЛИН: Как я понимаю, разница также в том, что их вертикально интегрированная кооперация опирается на толщину семейных ферм, а у нас это агрохолдинги с одним хозяином во главе, на которого работают наемные работники.

Е.С. САВЧЕНКО: Наши агрохолдинги рано или поздно тоже по такому кооперативному пути пойдут, им же нужно эффективно управлять своим производством. Они нахватились всяких предприятий, а сейчас могут передать предприятие коллективу или руководителю в собственность с правом выкупа. То есть оставаясь в вертикальной системе как самостоятельное юридическое лицо. Я надеюсь, что такие процессы будут и у нас идти.

А.М. НИКУЛИН: Я возвращаюсь к советскому опыту. В советское время много было сделано трагичного и ужасного, но одновременно проводилась громадная мобилизация с точки зрения модернизации сельского хозяйства. Мой вопрос касается советских альтернатив. Можно было бы найти более эффективные пути реформирования

Е.С. Савченко,

А.М. Никулин

«Мы всю

жизнь — первопро-

ходцы»

советского наследия, того позитивного, что было сделано, не погружая сельскую экономику в условия социально-экономического хаоса 1990-х годов?

Е.С. САВЧЕНКО: Конечно, можно было. Альтернатива была. Мне кажется, самой большой ошибкой была приватизация земли. Земля должна быть в собственности государства. При всей противоречивости фигуры Столыпина у него есть фраза: «У кого земля, у того власть». Государство отдало землю, и сейчас часто непонятно, земля у кого и кем куплена. Земля пошла в спекулятивные обороты, а сегодня уже и по 10-му кругу, особенно вокруг больших городов. И сколько уже людей умерло в разборках за землю.

Земля должна быть в государственной собственности, я убежден, тем более мировая практика, например, Израиля, Голландии, свидетельствует о высокой эффективности государственной собственности на землю. В неэффективном в целом советском сельском хозяйстве были сферы, где работали высокопрофессиональные люди с государственным мышлением, таких было 5–10%, и до сих пор большинство организаций, возглавляемых такими руководителями, остается на плаву.

Надо было в свое время обеспечить здоровую конкуренцию с государственной поддержкой именно таким предприятиям, тогда было бы укрупнение слабых вокруг сильного центра. Если бы в 1990-е не открыли рынок, то наше сельскохозяйственное производство все сохранилось. А как открыли внешний рынок, так к нам и повезли дешевые мясо, молочные продукты и так далее. Мы сами все еще производили, но девать уже было некуда. Если бы сохранились национализированная земля и регулирование внутреннего рынка продовольствия, тогда бы началась настоящая конкуренция внутри страны. Наши колхозы, не пережив необходимого периода конкуренции между собой, сразу начали конкурировать с поставщиками (даже не с производителями) извне. Подчеркну еще раз, самое важное — это земля и регулируемый конкурирующий внутренний рынок, вот тогда бы у нас было отличное сельское хозяйство.

А.М. НИКУЛИН: Я обратил внимание, во всей Вашей рефлексии, и научной, и организационной, Вы выступаете и держитесь как последовательный государственный, как в советские, так и в постсоветские времена.

Е.С. САВЧЕНКО: Ну мы же находимся на государственной должности.

А.М. НИКУЛИН: В таком случае возможно ли, проявив государственную волю, вновь поставить вопрос о земле как национальном достоянии и богатстве, вернувшись к идее национализации земли, или можно констатировать, что благоприятный момент остал-

ся в прошлом, а сейчас трудно что-либо переиграть, когда в нашей стране уже сформировались и крупные и мелкие собственники с частнособственническими правами и настроениями на землю?

Между прочим, в 1917 году Чаянов в своей работе «Что такое аграрный вопрос?», упоминая феномен частной собственности на землю, рассматривая различные варианты муниципализации, социализации, национализации земли, лично склонялся в проведении аграрной реформы именно к национализации земли. Да, Чаянов был сторонником развития кооперированного крестьянского хозяйства, многоукладной рыночной экономики, но в решающие моменты Революции, Гражданской войны он всегда последовательно занимал именно государственническую точку зрения.

Е.С. Савченко,

А.М. Никулин

«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

Е.С. САВЧЕНКО: Безусловно, будет правильно, если мы скажем, что земля — это наше национальное богатство, и определим некие условия или правила, по которым должны работать сегодня все землепользователи, независимо от того, являются они владельцами на правах аренды, собственности или субаренды. Они должны соблюдать определенные правила. Какие это правила? Ты получил землю, я — государство — слежу за тем, чтобы земля: первое, не теряла своего естественного плодородия; второе, чтобы эта земля не деградировала, не размывалась, не уничтожалась, чтобы с каждым годом ее плодородие увеличивалось. Вот в этом смысле, как охранная функция государства за основным национальным богатством, лозунг «Земля — национальное богатство» правомерен и правилен.

Но сегодня государство разве должным образом занимается благополучием национального богатства, земель? Нет, конечно. Мы на региональном уровне стараемся за этим следить, и я могу рассказать, что мы в этом плане делаем. А в целом же у нас сегодня никто не спросил еще на общенациональном законодательном уровне: ты используешь сельскохозяйственную землю или нет, и если используешь, то насколько эффективно? У нас 40 млн га земли не обрабатывается, а у нее собственник, как правило, есть. Тогда, если земля не используется, она должна быть государственной по решению суда соответственно, но этого не происходит. А если и происходит, то не массово, потому что механизм очень длительный, судебная процедура растягивается на годы. И при нашей судебной системе еще неизвестно, какой будет результат.

Я считаю, что государство сегодня должно быть ответственным за сохранение и увеличение плодородия нашей земли, черноземной особенно, за сохранение агроландшафтов, за сохранение и развитие сельских территорий, за то, чтобы сельское население благополучно себя чувствовало.

А.М. НИКУЛИН: В развитие проблематики вертикальной интеграции и разных вариантов интеграции самый знаменитый вопрос,

который интересует всех в сельском хозяйстве, — это соотношение мелкого и крупного аграрного производства.

Есть непримиримые сторонники той или иной формы аграрного производства, и вот у нас говорят, что сверхкрупные аграрные производства доминируют. Ваша позиция в этом вопросе? Хотя сама его постановка, возможно, неправомерна, и тот же Чаянов прямо говорил об интеграции, поиске оптимума, взаимодействии между крупным и мелким аграрным производством и считал, что только что-то одно единственно эффективно быть не может.

Тем не менее в России, в Белгородской области, какова ситуация, на Ваш взгляд, при взаимодействии между крупным аграрным производством, агрохолдингами, с одной стороны, и малыми, семейными формами аграрной экономики — с другой? Наблюдая за белгородскими аграрными реформами, мы видим, насколько Вы пытаетесь найти определенный баланс, компромисс, но тем не менее я представляю, сколько здесь есть трудностей. Как бы Вы охарактеризовали эту основную интригу аграрного вопроса?

Е.С. САВЧЕНКО: Я считаю, что этот вопрос о конфликтах между «мелким» и «крупным» аграрным бизнесом несколько надуманный. На самом деле противоречия тут не существует. Вы правильно сказали, есть вопрос баланса между ними. Это подвижная величина, она в нулевые годы была одна: вокруг жесткое вертикальное доминирование, люди думали, как выжить, искали любую работу. Кто мог это все обеспечить? Прежде всего индустриальное сельское хозяйство. Сегодня баланс складывается уже другой.

Есть сейчас интерес и возможность развиваться мелкому товарному производителю, но опять-таки он должен быть конкурентоспособен либо занимать нишу, которая не является индустриальной, например, производство некоего экологически чистого продукта. Однако какую нишу ни возьми, они почти все сейчас индустриализированы. Если появляются какие-то новые ниши, то люди быстро ориентируются в них, если есть желание. Сегодня в плане поддержки малых форм хозяйства есть масса возможностей: пожалуйста, получи грант до 10 млн рублей и начинай, расширяй свое дело, если у тебя хорошо получается. Ну, например, производство клубники трудно представить на площади в 100 га, хотя и такое производство есть в Подмоскowie. Клубнику оптимально выращивать на 20 или 50 сотках. Можно в таких размерах и другие культуры выращивать.

Сейчас имеются различные нишевые виды сельскохозяйственного бизнеса для развития мелкого товарного производства, которое может и должно обеспечивать доходность, а не убыток. Государство дает тут один-два толчка, а дальше процесс уже пойдет сам, и тут тоже быстро начинается конкуренция.

Например, я знаю, что пять лет назад те, кто занимался производством клубники, имели хороший доход, но сегодня здесь появилось много конкурирующих хозяйств и отдельным производи-

телям клубники становится труднее. Кооперация между ними идет уже естественным путем: они думают о производстве, о переработке, что с клубникой дальше делать. Все естественным образом продолжается. И препятствий никаких нет.

Вот кричат, что у нас задавили всех мелких производителей. Кого у нас задавили? Наоборот, сегодня руководители агрохолдингов и крупных сельскохозяйственных предприятий осознают, что именно они могут стать теми самыми интеграторами малых форм кооперации. Например, «Агро-Белогорье», крупное хозяйство, около 100 тыс. га земли, четвертое место по производству свинины в стране, сегодня поддерживает садоводство и выступает интегратором кооперации для малых форм хозяйств по развитию небольших частных садов в зоне своего экономического влияния. «Агро-Белогорье» с помощью грантов, своих средств и кредитов создает «под ключ» сады площадью в несколько гектаров. Сады будут суперинтенсивные: с поливом, с опорами, с технологиями — мы построили, а вы работайте. В таких условиях кто-то продолжит сотрудничество, кто-то нет. Если действительно вы вырастите продукцию, то для ее хранения можно вам построить холодильник. Если нужно продумать реализацию продукции, то и это сделают. Так крупные агропредприятия становятся интеграторами по развитию кооперации малых хозяйственных форм.

Те же самые процессы наблюдаются в производстве молока. Такие крупные агрохолдинги, как «Авида», «Зеленая долина», реализуют ту же самую интеграцию уже с молоком. С одной стороны, эти агрохолдинги сами производят молоко, имея по 5–10 тыс. коров. Но сейчас в моде сыр, вот они и выходят с программой: агрохолдинги обеспечивают молоком сыроделов — крестьян, которые купили оборудование и делают уникальный сыр, потребляя молока и по 100 кг в день, и по 500, и по 1000 кг. Когда они так дают молоко, то способствуют развитию мелкотоварного предпринимательства. Но они сами в этом заинтересованы, потому что в зонах их хозяйственной деятельности появляются элементы социальной стабильности.

А если кто-то с тремя-пятью коровами хочет производить молоко, пожалуйста: вот тебе телочки, производи, а я буду у тебя покупать, если тебя устроит цена, если нет, то работай на рынок, или на того же самого сыродела, или сам сыром занимайся и продавай. Вот такие процессы у нас начинаются, а завтра они уже будут массовым явлением. И не только в нашей области, но по всей стране. Все «крупное» и «мелкое» будет в такой интеграции перемешано. Создадутся такие условия, которые не снились и самому Чайанову, хотя об этих условиях он уже думал и писал.

В России сейчас формируются условия для взаимного развития мелких и крупных хозяйств лучше, чем в Бразилии или Аргентине. Сейчас российские агрокомплексы накопили такой потенциал, что государству его как раз надо бы повернуть в сторону интеграции

Е.С. Савченко,

А.М. Никулин

«Мы всю

жизнь — первопро-

ходцы»

с мелкими производителями. Я бы предложил государству взять все агрохолдинги: мелкие, крупные, средние, выбрать топ-100, или топ-200 агрохолдингов и сделать следующий анализ: какая у них площадь пашни, какое вокруг их предприятий население, сколько агрохолдингами создано рабочих мест в расчете на тысячу гектаров. Возможно, у кого-то будет 5 мест, у кого-то — 10, и так далее. Обычно, если брать без переработки, лишь чистое растениеводство, это около 5 человек на тысячу гектаров. А при дальнейшем технологическом прогрессе, в перспективе, останется 1 человек на тысячу гектаров. Это один трактор, но и то, если тракторист этому трактору будет нужен.

Надо проанализировать все это и затем руководителям агрохолдингов сказать: «Если вы хотите, чтобы у нас была деревня, чтобы у нас были крестьяне, чтобы было пространство для национального воспроизводства и политическая стабильность, тогда давайте, например, договоримся, что на тысячу гектаров пашни в Черноземье вы обеспечиваете 15 рабочих мест, а для степных регионов — около 10, для других территорий — около 8, а где-то, может, и 20 рабочих мест обеспечить на тысячу га». Ведь у каждого из агрохолдингов сегодня есть деньги, чтобы обеспечить занятость этих людей в профильных производствах. И даже не обязательно в самом сельском хозяйстве, но, возможно, и в отраслях около сельскохозяйственного производства.

Сегодня мы запустили программу, которая называется «500/10 000», в ее рамках мы хотим создать в сельских поселениях 500 небольших предприятий, промышленных, строительных, в сфере услуг, на которых должно быть организовано 10 000 рабочих мест. Примерно по 20 рабочих мест на каждом предприятии. Мы обратились ко всем крупным, и не только аграрным, предприятиям. В последние годы они имеют прибыль 30–40 миллиардов рублей в год. По стране — где-то полтриллиона — это точно. Куда девать эти деньги? Мы не будем заглядывать им в карманы, но сегодня у них есть финансовая возможность развивать предприятия мелкотоварного производства, или способствовать организации кооперативов, своих дочерних предприятий, профильных или непрофильных, связанных или несвязанных с сельским хозяйством. Кто-то рыбу разводит, кто-то грибы, кто-то сады, кто-то шьет спецодежду, кто-то обеспечивает сервис, кто-то ресторан сделал, кто-то баню организовал, рекреацию обеспечил — это все занятость на селе. Давайте поспособствуем тому, чтобы со стороны государства были требования, что если ты работаешь на земле, зарабатываешь на земле, то обеспечь на этой земле жизнь крестьянству. Крестьянин сегодня не только тот, кто пашет, крестьянин тот, кто и живет в селе.

А.М. НИКУЛИН: Иными словами, поддерживать и развивать самые разнообразные семейные формы экономик в сельской местности?

Е.С. САВЧЕНКО: Да, я имею в виду тех, кто живет на селе и работает учителем, в бюджетной сфере, в сфере обслуживания или как фрилансер на какую-нибудь компанию, как те же программисты.

А.М. НИКУЛИН: В наших полевых исследованиях мы встречали таких программистов, которые говорили, что им нравится творить свои программы, проживая именно в сельской местности.

Е.С. САВЧЕНКО: Сейчас программист в сельской местности тоже, условно говоря, крестьянин.

А.М. НИКУЛИН: Великий китайский крестьяновед Фэй Сяотун утверждал, что крестьянство — это образ жизни.

Е.С. САВЧЕНКО: И этот образ жизни надо поддержать в современной сельской местности.

А.М. НИКУЛИН: Евгений Степанович, не слишком ли оптимистическую картину Вы описали? Я приведу Вам пример. Мы проводили социологические исследования в Краснодарском крае, и там тоже экспансия агрохолдингов. Там скорее люди жалуются и стонут, что вот в свое время у нас было в колхозах разнообразие: сады, подсобные производства, но все рухнуло, а сейчас вокруг жесткая коммерция, стремление гнать в рост прежде всего побольше пшеницы, кукурузы, подсолнечника, особо не заботясь о плодородии почвы. Хорошо, если это агрохолдинг, выросший снизу, с родной земли, и его руководителю эта земля дорога, но если это агрохолдинг, штаб-квартира которого находится в Москве или на Кипре, зачем ему местной социалкой заниматься, зачем ему головная боль по поводу поддержки особых, эксклюзивных форм местного мелкого сельского бизнеса, учителей, фрилансеров, ведь это ответственная и сложнейшая социальная политика, которая еще непонятно, как вписывается в рыночные условия?

Е.С. САВЧЕНКО: Здесь правила игры должно устанавливать государство. Государство никого не должно насиловать в рыночных условиях, оно должно посылать сигналы: мы вам рекомендуем. Не подписался под рекомендацией государства — хорошо, будешь платить налог 20% на прибыль. Ты заработал 5 миллиардов рублей, будь любезен миллиард в бюджет, а мы сами потом будем им заниматься. А он скажет: «Нет, давайте я этим займусь, потому что это мое пространство, здесь моя репутация для меня важна, я вам деньги отдам, но потеряю репутацию». А если он вложит миллиард рублей, вложит именно сюда, услышав государственные сигналы, что у него здесь на тысячу гектаров должно быть 15 рабочих мест, тем более это будут места, которые ему будут приносить дополнительную прибыль, — да как же ему от такого выбора отказаться?

*Е.С. Савченко,
А.М. Никулин*
«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

Это все мягкая политика государства. Государственное регулирование. Давайте регионам дадим такую возможность — это что, диктатура? Нет, конечно. Абсолютно рыночная ситуация, контролируемая в интересах сохранения крестьянской России. А если к этому добавить заботу о плодородии земли и агроландшафтов, то все это будет в интересах того, кто сегодня работает и живет на земле. Это будет в его интересах, вне зависимости от того, где у кого квартира, хоть в Майами. Не важно, в каких офшорах его деньги, плодородие будет и в его интересах, потому что сегодня земля приносит ему 10 тысяч, а завтра — 20 тысяч. Это все правила государства, которые соответствуют интересам предпринимателей. Гармонизировать надо все, не давая никому вести себя хищнически.

И чрезвычайно важны региональные особенности сельской местности. Я всегда говорю, легко развивать индустриальные формы хозяйства здесь, у нас в Черноземье, в Белгороде, Поволжье и т. д. А зачем развивать индустриальные формы хозяйства вокруг Москвы, или на Севере, или на Востоке? Там должны быть абсолютно другие идеология развития и формат сельского хозяйства, там должно быть прежде всего рекреационное сельское хозяйство. Если, условно, вокруг Москвы вся земля была бы в руках государства, там можно было бы устроить такие фермы-поместья от 5 до 500 гектаров. Это было бы замечательно.

Кому этот клич сегодня могут адресовать? Тому, кому сегодня некуда девать деньги: Москве, Санкт-Петербургу, крупным городам. Вот предпринимателю 50 лет, он заработал прилично денег, 500 миллионов, может, миллиард. Вот тебе 100 гектаров земли, там и пашня, там и луг, болотце, речушка, озерцо. Вот отмерили, мы подведем дорожку туда, газ, электричество. Иди и развивайся. Строй дом себе. И развивай, что ты хочешь. Хочешь — сыр делай, хочешь — лошадей разводи, хочешь — рыбой занимайся, грибами. Такое рекреационное сельское хозяйство, которое приносит удовольствие человеку и окружающим его людям, а зарабатывает он где-то еще. И таких предпринимателей может оказаться десятки тысяч.

А.М. НИКУЛИН: Стихийный процесс пошел. Даже результаты последней сельскохозяйственной переписи показывают диверсификацию сельскохозяйственного бизнеса в сельской местности, рост рекреационных хозяйств.

Е.С. САВЧЕНКО: Это должна быть государственная политика. А стихийная оказывается вся на взятках, на продажах, на спекуляциях. Это неправильно. Государство должно идти впереди всего процесса, должно угадывать любую тенденцию и само составлять дорожную карту движения, чтобы удерживать его в цивилизованных рамках.

У рекреационного хозяйства сегодня масса возможностей: организация мест для горожан, где им отдохнуть, покататься на лоша-

дах по маршрутам, порыбачить или фитнесом заняться и так далее. Это могла бы быть мощнейшая зона развития вокруг Москвы, других наших крупных городов и, например, весь Север. Охотничьи угодья. Различные питомники. И много еще всего. А сегодня понахватали хищнически себе где-то что-то и людей туда не пускают, в противоречия с местными жителями вступают и так далее. Так не должно быть.

Е.С. Савченко,

А.М. Никулин

«Мы всю

жизнь — первопро-

ходцы»

А.М. НИКУЛИН: В развитие идей диверсификации сельской местности есть еще вопросы перспектив экопоселений, родовых поместий, стремления людей возрождать и создавать общину в современных условиях.

Е.С. САВЧЕНКО: И слава Богу. А что здесь плохого? Там что, какие-то сектанты? Они что-то плохое сделали? Не в того Бога верят, что ли? Бог у нас один для всех. Тем более они, как правило, православные люди. Зачем им препятствия чинить? Хотя они — давайте им земли, дорогу туда проведите, электричество. Пусть у них будет, как они называют, «пространство любви». Ради бога, пусть развиваются. Хотят они воспитывать детей своих и учить в этом пространстве, пусть воспитывают. Они хотят чего-то плохого для своих детей? Ведь у нас в России все больше и больше проявляется тенденция такая, как семейное школьное образование.

А.М. НИКУЛИН: Да, это так. Достаточно таких примеров экопоселений, которые, между прочим, ни копейки не просят для своего развития у государства. Из своих внутренних ресурсов все создают.

Е.С. САВЧЕНКО: В каждой области можно несколько таких примеров найти. Вот есть у нас Закон о родовых поместьях. Ну это закон чисто рамочный. Мы же ничего не можем им дать, чего они хотят. Например, дать им землю в вечное пользование. Мы можем дать, но только на 49 лет. Вот наши полномочия. В пользование, пожалуйста, что-то у них случилось, форс-мажор, забрал, другому отдал.

А.М. НИКУЛИН: Фактически то, что Вы говорите, это такая широкая программа многоукладной сельской экономики, развитие которой координирует государство.

Е.С. САВЧЕНКО: Это даже не программа экономики, а сельского образа жизни, вообще образа жизни, российского образа жизни.

А.М. НИКУЛИН: И даже сельско-городского образа жизни, потому что один из мощных драйверов нашего сельского развития — это те же самые дачники. Ни в одной стране в мире люди так не разрываются на два дома: городская квартира — сельский дом (дача).

Е.С. САВЧЕНКО: У нас уникальное сознание. Людей содрали с земли в XX веке десятками миллионов, а сознание осталось. Поэтому и дачники такие у нас — генетическая память. Как Платонов сказал: «Земля пахнет родителями». И люди у нас постоянно тянутся к корням своим.

Главное наше преимущество сегодня — это просторы России. Нужно сделать под наши просторы правильную расселенческую политику, а ее, к сожалению, нет в стране.

А.М. НИКУЛИН: Да, и в такой предполагаемо разумной расселенческой политике, по Вашему мнению, крупные агробизнес-структуры могут послужить интеграторами в развитии местной вертикальной интеграции, но мне это все кажется маловероятным. Какой агрохолдингам в этом интерес? Для них это лишняя головная боль. Государству-то этим трудно заниматься. А чтобы еще крупный бизнес занялся заботой о мелком бизнесе, это, как говорится, вряд ли.

Е.С. САВЧЕНКО: Да, это трудно. Но у холдингов есть опыт выстраивания экономической системы. Холдинги — системные интеграторы. Каждый крупный холдинг — это прежде всего люди, которые знают, как создавать и выстраивать любое производство. Если сейчас государство им мягко порекомендует: введите кооперирование в зоне своего влияния — они выстроят системы, которые будут работать. А если чиновник туда пойдет и выдаст 5–10 миллионов рублей обычному крестьянину, это не будет работать. А у холдингов получится, потому что у них колоссальный управленческий опыт. Они знают, что такое проектный менеджмент. Они все это умеют делать. Они у себя эффективно выстроили вертикальную интеграцию и с маленькими хозяйствами все сделают красиво.

А.М. НИКУЛИН: Здесь возникает вопрос об устойчивости подобного рода сверхкрупных интегрированных структур. Нам все время говорят об их успехах: создана еще одна молочная мегаферма, создано еще одно уникальное сверхкрупное производство агробизнеса и так далее, но при этом замалчиваются провалы и неудачи. А ведь у нас в XXI веке, можно сказать, образовалось целое кладбище агрохолдингов-неудачников. Сколько из них обанкротилось, сколько разорилось.

Е.С. САВЧЕНКО: Это естественный процесс.

А.М. НИКУЛИН: А если некая очередная сверхмощная финансовая структура, созданная, как правило, при щедрой поддержке государства, будет иметь отрицательный экономический результат, это также скажется и на всех тех, кого она сама развивала и поддерживала. Мне как-то пришлось беседовать с одним из на-

ших крупнейших и талантливейших предпринимателей в области молочного производства. Я спросил его: «Ваш холдинг самоокупаем или нет, может работать без госдотаций?» Он ответил: «Пока нет, но в перспективе мы будем самоокупаемы». Я сказал: «А колхозы тоже всю свою жизнь так существовали и говорили». Он в ответ лишь рассмеялся...

*Е.С. Савченко,
А.М. Никулин*

«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

Е.С САВЧЕНКО.: Тут даже несколько вопросов. Первый: государственная поддержка. Кого сегодня поддерживают и на кого тратят 200–300 миллиардов рублей? Это поддержка не столько сельского хозяйства, сколько банков. Кредиты в 3–4% — это должна быть общая практика на нашем финансовом рынке, это должно быть естественно. Доступность финансовых ресурсов. По 3% — и будет всем хорошо, в том числе банкирам. А мы берем у государства кредит и платим банку 7–10% за то, что нам соизволено путем мучительных процедур его выдать. Итак, доступность кредитных денег. Если бы у нас кредитные деньги предоставлялись под не более чем 5%, то даже не нужно было бы никакой государственной поддержки.

Второе: особенности кредитования различных отраслей сельскохозяйственного производства. Например, молочное производство — это не свинина, в молочной отрасли долгий период окупаемости и реализации.

Третье: государство должно курировать баланс. Не хватает сегодня 5 миллионов тонн молока, тогда давайте 5 миллионов. Чтобы не только крупные молочные холдинги развивались, но еще тысячи других товарных производителей, у которых 50 коров, например. Чтобы они развивались и выдавали нам 100% обеспечения. Нужно выйти на внешний рынок? Давайте поддержим. Дадим возможность. Надо управлять ценами. Весь мир управляет ценами.

Во Франции я зашел на мясокомбинат, на бойню, где забивают свиней. Я задал, на мой взгляд, очень разумный вопрос, а они долго не понимали, что ответить. Я говорю: «Как у вас с ценами? Не как регулируются, а по какой продаете?» Они отвечают: «Как по какой? По какой государство назначит. Шейку — по такой-то цене, рульку — по такой-то, ножку — по такой-то». Все регулирует во Франции государство. Но как оно регулирует? Оно видит среднюю прибыль отраслевую в свиноводстве, понимает, что затраты в отрасли свиноводства, включая переработку, такие-то, и в зависимости от этого назначает цену.

Ты эффективный — тебе хорошо, а если нет, то пошел вон с рынка, уступи место другому. Итак, вопрос ценообразования. Скажем, для молока: сегодня закупочная цена должна быть не ниже 22–23 рублей. Вот эта цена молока обеспечивает рентабельность по отрасли в целом 22%, работайте, ребята. У тебя больше затрат, ну и иди отсюда. У этого меньше затрат — развивайся. Вопрос устойчивости — это вопрос макрорегулирования государством. А сего-

дня даже в холдингах много авантюристов. Хотя мы у себя с ними быстро разобрались, не допустили авантюрной «холдингизации».

А.М. НИКУЛИН: По крайней мере, поддержали эффективных и социально ответственных.

Е.С. САВЧЕНКО: Да, и тут тоже должен быть управляемый процесс с точки зрения макроэкономики. И холдинги также должны быть добросовестные, с разным уровнем управления, с разным уровнем эффективности. Одни должны уходить, другие появляться. Тут ничего не надо бояться. Пусть стараются эффективно работать, то есть средний уровень обеспечивают, который дает эффективному холдингу хорошую маржу, неэффективному — нулевую, такой пусть и уходит с рынка. Это нормально для рыночной экономики. Тогда они стремятся все быть эффективными и социально ответственными. Мягко направлять их надо, конечно, через такой процесс, как регулирование числа рабочих мест на тысячу гектаров пашни, которые они создают. Из них пять человек работают у тебя в холдинге, а десять вокруг, например, сервисом автомобилей занимаются.

А.М. НИКУЛИН: Хорошо. Мы обсудили возможные социально-экономические идеи и направления современного сельского развития. Но Белгородская область является также пионером в области экологизации аграрного производства, развития биотехнологий, сооружения биогазовых электростанций, разработки проектов комплексного развития окружающей среды и ее сохранения. Могли бы Вы рассказать, что сейчас в этих направлениях делается в Белгородской области, каково здесь Ваше видение перспектив России в целом?

Е.С. САВЧЕНКО: Если говорить очень обобщенно, то Россия, в моем понимании, должна быть таким мощным экологическим резервуаром мира. В этом также наше колоссальное преимущество. Здесь государство должно стимулировать производство, если и не абсолютно экологически чистое, но производство, которое бы соответствовало мировым экологическим стандартам, и даже было бы выше соответствующих стандартов многих других стран. Здесь мы можем достичь огромного преимущества, которого, к сожалению, у нас пока нет. А что мы делаем здесь у себя в области... Я считаю, что главное — это почва. О ней наша забота.

Почва — это наше национальное богатство, независимо от того, кем и на каких правах она используется. Главный тут показатель — это плодородие почвы, динамика уровня плодородности. Уровень плодородия определяется балансом сухого вещества. Мы посчитали, что в среднем по области с урожаем выносим (без десятих долей) пять тонн сухого вещества с одного гектара. Если мы

вынесли пять тонн сухого вещества, значит, мы должны оставить чуть-чуть больше, тогда будет положительный баланс сухого вещества в почве. Мы должны посчитать, сколько мы оставляем корнями, сколько пожнивными остатками, сколько сидеральными посевами, сколько органическими удобрениями. Ну, не меньше шести тонн должны оставлять. У нас так примерно и получается. При этом балансе сухого вещества — а это, кстати, главный баланс в земледелии — мы обеспечиваем уровень расширенного естественного воспроизводства плодородия земли. А за ними пошли все остальные показатели и гумус.

У нас здесь гумус 200 лет назад был 12%, сегодня — 3,4%. А ведь это один из главных показателей плодородия почвы. И за 200 лет мы вот так гумус истощили. Все пытались химию добавлять. А важнейшая работа Юстуса Либиха, основателя теории минерального питания, была посвящена чему? Вреду минеральных удобрений в сельском хозяйстве. Но вся история сельского хозяйства пошла по пути химизации. Сначала минеральные удобрения, потом пестициды. И мы сейчас кушаем продукт, который нам не совсем нужен, по Либиху. Отсюда все наши болезни. Это первое. Значит, прежде всего мы берем под контроль сухое вещество. Сейчас у нас «Агрохимцентр» (Центральный агрохимический центр «Белгородский». — *Прим. авт.*) контролирует динамику сухого вещества в обороте, чтобы она была положительной.

Второе. Мы говорим, что если появились промоины, началась эрозия почвы, если много воды стекает с весенними водами, а она уносит почву, то нужна нулевая обработка. У нас уже 400 тысяч гектаров земли, которые вообще не обрабатываются, только сев и уборка, два процесса. И еще химическая обработка, к сожалению, других нет. Пожалуйста, на этих землях применяйте. Все проблемы решаются. У нас уже ни одного плуга нет.

А.М. НИКУЛИН: Это Вы имеете в виду «no-till» технологии обработки почвы?

Е.С. САВЧЕНКО: Не только «no-till», но и «strip-till».

А.М. НИКУЛИН: А эти 400 тысяч гектаров сколько процентов составляют от всей обрабатываемой площади?

Е.С. САВЧЕНКО: Почти 30%. А на остальных землях практикуется минимальная обработка. Пашни уходят в прошлое, ведь не случайно есть выражение: «Ничто не принесло больше вреда человечеству, чем плуг». На смену ему приходят «no-till», залужение, сидеральные посевы, внедрение инокулятов бобовых культур, расширение посевов бобовых культур, которые соответствуют нашей специализации в животноводстве. Все эти мероприятия в комплексе дают экологический и почвосберегающий эффект.

Третье. Необходимо правильно распорядиться органическими удобрениями, особенно при нашей нагрузке в свиноводстве (у нас свиноводческих стоков около 15 миллионов тонн в год). Здесь контроль сплошной: как, куда, какие дозы; каждый год мониторинг засоленья почвы. И при правильном применении органических удобрений, кроме пользы, ничего нет. Хотя многие начинают: «А вы там со свиным навозом...» Я им говорю: «Слушайте, Белгородчина в полтора раза меньше, чем Дания, и свиней в сравнении с ней у нас в пять раз меньше»¹.

А.М. НИКУЛИН: Между прочим, маленькая страна Дания — одна из ведущих свиноводческих держав мира.

Е.С. САВЧЕНКО: Да. В нашей области самая большая плотность свиней по стране, а у датчан в 2,5 раза больше, чем у нас. И никаких особых экологических проблем в Дании нет. Там все у них цветет и пахнет.

Это мы обсудили некоторые проблемы экологии сельскохозяйственного производства. А еще есть проблемы оздоровления водного бассейна. При всем трагизме нашей экономической ситуации для экологии в последние десятилетия свершилось одно великое благо. У нас черноземная область: луга, балки, пастбища естественные, их около полумиллиона гектаров — это четверть всей площади области. Как в свое время у нас организовывали овцеводческие совхозы, по 40 тысяч овец на площадку, то вся почва в черное превращалась, а где черное, как дождь пройдет, сразу все смывает. А куда смывается? В речушки, в ручьи. Сразу все заливается. Страшно это было — экологическая катастрофа.

Колхозы, совхозы исчезли — животные на площадях пропали. Сейчас молочное производство перешло на технологии стойловые, круглый год никто не пасется. И снова наши луга стали расцветать. Пчелы стали летать. Медосбор появился естественный. Луга стали маленькими экологическими резервуарами. Если там выпадает влага, то она вся уходит под землю. Раньше она, выпадая, стекала в реки. Сейчас каждый год, уже несколько лет подряд, у нас нет половодья. Это хорошо, с одной стороны, а с другой — плохо, не очищаются почвы, вся производственная вода уходит в землю: прежде чем попасть в речку, вода течет через луга и пастбища и впитывается частично. Сейчас начинают открываться новые ручьи, роднички, все же гидрологический режим намного улучшает. Естественным путем. Это не только у нас.

А.М. НИКУЛИН: Я бы сказал, что у Вас в области довольно сложная гидрологическая ситуация.

1. На территории Белгородской области на 1 января 2018 г. содержится 4 млн 389,4 тыс. голов свиней.

Е.С. САВЧЕНКО: Так мы же находимся на поверхности, от нас стоки идут все. У нас начало водораздела Днепроовского и Донского бассейнов. Тут пять речек, притоков Днестра и Дона. У нас главный приток Дона.

Гидрологический режим сейчас налаживается. Если мы посмотрим гидрологическую сеть трехсотлетней давности, то все было испещрено речками, а сейчас их нет, все сухо, только третья часть от них осталась. Это катастрофа величайшая. Сейчас все постепенно начинает приходить в норму.

Позитивный эффект по динамике плодородия почв мы особо почувствовали в течение последних 5 лет. У нас уже чуть-чуть начал прирастать главный показатель — содержание гумуса. Это официальные данные нашего «Агрохимцентра».

Плюс мы экологически развиваемся не только в сельском хозяйстве. В области реализуется проект «Зеленая столица». В нем есть такое направление, как сплошное облесение: у нас 250 тысяч гектаров леса, мы поставили задачу добавить еще 100 тысяч гектаров там, где раньше лес был. Мы посадили почти 80 тысяч лесонасаждений. Это то, что появится через 10–15 лет, но что-то уже появилось. Еще эта программа включает развитие рекреационных зон. Иными словами, задача решается одновременно и для людей, и для природы. Кроме того, проводим рекультивацию месторождений общераспространенных полезных ископаемых, например, мела, песка, глины. Карьеры сглаживаем и на их месте деревья сажаем. Парки создаем в каждом селе, огораживаем кладбища. У нас была программа, и сейчас практически все кладбища обсадили насаждениями. Чтобы все зеленело. Сейчас начинаем реконструкцию лесополос, потому что они были рассчитаны на 50 лет. В наши дни они никакого эффекта уже не приносят, кроме вреда, в каждой такой полосе рассадник заболеваний и вредителей. А в свое время план Сталина по преобразованию природы — насаждение этих обширных лесополос — сыграл огромную положительную роль.

А.М. НИКУЛИН: Да, сейчас трудности по всей стране с ремонтом лесополос. Это чрезвычайно важно.

Е.С. САВЧЕНКО: Этим всем надо заниматься. Мы поставили задачу заменить в течение пяти лет все химические средства защиты животных, особенно антибиотиков химического синтеза, на подобные, только органического синтеза, то есть на пробиотики. Это два разных понятия, антибиотики убивают все, а пробиотики поддерживают иммунную систему. Проблема в том, что антибиотики через навоз идут в почву и продолжают свою работу и там.

А.М. НИКУЛИН: А каковы перспективы биоэнергетики и альтернативной энергетики? Развиваются ли они в Белгородской области?

*Е.С. Савченко,
А.М. Никулин*

«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

Например, переработка навоза на биогазовых электростанциях, ветряки, солнечные батареи. Как Вы ко всему этому относитесь?

Е.С. САВЧЕНКО: Был у нас руководитель «Россетей» Олег Михайлович Бударгин. Мы с ним ездили на биогазовую установку, посмотрели, как все там работает. Это единственная в стране биогазовая станция. А в Германии таких станций более десяти тысяч. Все органические отходы перерабатываются. Это вопрос экологии и энергетики, они получают колоссальное количество альтернативного электричества и всего прочего полезного. Плюс ветряки.

А.М. НИКУЛИН: Я не мог поверить, но в Германии уже 34% всей электроэнергии вырабатывается на основе возобновляемых источников энергии. Это впечатляет!

Е.С. САВЧЕНКО: Ну, извините, у них в феврале баланс потребления альтернативной энергии был почти 100%. А сейчас они разрабатывают план, по которому в течение 10 лет все перейдут на электромобили. Не на двигателях внутреннего сгорания, а на электроаккумуляторах будут автомобили, это все реально.

Возвращаемся к биогазу. Если бы мы всю органику перерабатывали, весь навоз, все органические отходы нашего агропроизводства, то, по нашему расчету, мы бы получали электрическую энергию мощностью 500 МВт. Это мощность половины энергоблока современной атомной станции, что обеспечило бы потребности населения Белгородской области полтора раза. Что мешает? Политика государства. В Германии есть субсидии, разноплановая поддержка для развития альтернативной энергетики. Мы с Олегом Бударгиным рассуждали: давайте сделаем отдельный механизм, с каждого киловатта в час, за который сейчас платят в среднем 5 рублей (предприятия — 2–2,5, а бизнес и население — 5–6), брать 10 копеек. Брать не с потребителя, а с посредника, который хорошо устроился жить после реформы Чубайса. 10 копеек с киловатта будем собирать. Мы потребляем 12 миллиардов киловатт в час электроэнергии. Значит, соберется 1 миллиард и 200 миллионов рублей. Создать Фонд и осуществлять контроль со стороны государства. Дайте норматив затрат на 1 МВт биогазовой установки. Допустим, на 1 МВт надо 50–60 миллионов рублей. Тогда 1,2 миллиарда разделим на 60 миллионов. Тогда бы мы ежегодно строили и вводили 20 МВт. А дальше пошли текущие затраты, включая подвоз органических отходов и прочее. И мы выходим на себестоимость электроэнергии по текущим затратам где-то 2,5 рубля. А потребитель сегодня получает по 5–6. Вот оно решение, но это решение со стороны государства.

Я уже говорил об этом Президенту Российской Федерации. Во всем мире, в Европе это решение государства. Точно так же по солнечной энергетике, по ветрякам. Сегодня себестоимость электричества ГЭС — 20 копеек на кВт, а потребители платят 5 рублей. Надо снимать

по 10 копеек, создать фонды в каждой области, определить нормативы затрат на 1 МВт для альтернативной энергии. Через пять лет можно довести использование альтернативной энергии до 10–15%.

У нас в России надо закрывать все энергоустановки, работающие на мазуте, нефти. Это катастрофа для экологии. Поставить газовые. Сделать все это распределенным. В Америке 60% электроэнергии вырабатывается замкнутой или распределенной системой, а у нас это огромный монстр, монополия. Наши монополисты никогда и никогда туда не пустят. Это как сетевая торговля, где все вне системы уничтожаются. Точно так у нас в энергетике.

Е.С. Савченко,

А.М. Никулин

«Мы всю жизнь — первопреходцы»

А.М. НИКУЛИН: Давайте в заключение поговорим об идеологических и социальных доминантах аграрной политики. Вот сейчас, когда муниципальный уровень управления придавлен, муниципальные бюджеты в дефиците, кому поддерживать и развивать социальную сферу на селе?

Е.С. САВЧЕНКО: Сильная роль государства и местного самоуправления в социализации агрохолдингов, вот что нам необходимо сейчас. Здесь без воли государства обойтись невозможно, и без региональной власти, и без органов местного самоуправления. Агрохолдинги потенциально можно использовать для развития гражданского общества, для развития местного территориального самоуправления.

А.М. НИКУЛИН: Вы имеете в виду ТОСы?

Е.С. САВЧЕНКО: Именно. Колоссальная роль. Потенциал их надо использовать.

А.М. НИКУЛИН: Вы полагаете, что ТОСы могли бы тоже взаимодействовать с агрохолдингами?

Е.С. САВЧЕНКО: Так у нас уже и примеры такие есть.

А.М. НИКУЛИН: Мы по Архангельской области изучали положительное значение ТОСов, но там совсем другая ситуация в сравнении с Черноземьем. Архангельская область — давно уже депрессивный край. И именно на ТОСах там сейчас многое держится, ТОСы плюс местная церковь — от них важные инициативы идут.

Е.С. САВЧЕНКО: Местные общины еще. Если их не создают сверху, так рано или поздно они зарождаются снизу, если им никто не мешает.

А.М. НИКУЛИН: Опять-таки проникательные руководители агрохолдингов понимают значение социальной сферы на селе. Хотя ча-

сто агрохолдинги на местах абсолютно закрыты, становясь во многих регионах государством в государстве. В одном из сельских районов Воронежской области во время наших полевых социологических исследований мы посетили детский садик, после 1990-х годов заново открытый и отремонтированный, где прямо в традиции 1930-х годов был красный уголок. Но тогда, в советское время, в красном уголке обычно висели портреты Сталина, Калинина и Ворошилова, а в красном уголке современного детсада висел портрет руководителя агрохолдинга, меж портретами Медведева и Путина. Дети в том уголке водили хороводы и благодарили агрохолдинг и государство за свое счастливое детство.

Е.С. САВЧЕНКО: Агрохолдинги также важны в сфере подготовки кадров среднетехнических специальностей, массовых профессий на селе. У нас появился прекрасный опыт. Мы, по сути дела, отдали агрохолдингам наши сельские СПТУ, чтобы они там занимались подготовкой кадров для себя. Они прекрасно понимают, что у них уже возникают трудности с квалифицированными кадрами.

А.М. НИКУЛИН: Да, во многих российских регионах отмечают, что не столько нехватка денег, земли, техники, сколько дефицит квалифицированных кадров — вот главное препятствие на пути устойчивого сельского развития.

Е.С. САВЧЕНКО: У нас вся система профессионального образования не отвечала насущным потребностям. Система была сначала федеральная, потом ее передали агрохолдингам, естественно, мы оставили за собой контролирующую роль. Теперь система начинает работать в интересах агрохолдингов, но также и в интересах детей и их родителей. Индивидуальное обучение, 50% теория, 50% практика в агрохолдингах. Если человек переступил порог учебного заведения, значит, он будущий сотрудник уже определенного сельхозпредприятия, с зарплатой и другими социальными условиями. А до этого система образования просто отправляла людей на улицу.

А.М. НИКУЛИН: Социологические исследования показывают, что большинство современных студентов сельскохозяйственных вузов хотели бы остаться жить и работать в городах. Вы упомянули также, что агрохолдинги могли бы быть интеграторами не только социальной сферы, образования, но и вопросов местного самоуправления?

Е.С. САВЧЕНКО: По крайней мере, местного территориального самоуправления, а не местного самоуправления.

А.М. НИКУЛИН: Проблем общества на муниципальном уровне...

Е.С. САВЧЕНКО: Гражданского общества в целом. Должны стать интеграторами и катализаторами экономической, социальной и общественной жизни. Многие из них уже созрели для этой роли. Не все, но большинство. Они, как никто, заинтересованы в социальном развитии и в социальном спокойствии территорий. Это благополучие их бизнеса. Тишина для их бизнеса. Умные уже это понимают.

*Е.С. Савченко,
А.М. Никулин*

«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

А.М. НИКУЛИН: Возможно так дела обстоят у белгородских агрохолдингов. Мы бывали в других регионах, там есть негативные сюжеты взаимодействия агрохолдингов с местным населением.

Е.С. САВЧЕНКО: Тут должны быть сигналы от государства. Президент сказал или решение какое-то вышло, тогда все пойдет.

А.М. НИКУЛИН: В ироническом плане об этом еще Салтыков-Щедрин говорил: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления».

Е.С. САВЧЕНКО: Вот это супервыражение и в позитивном плане. Что есть изумление? Это то, чего сегодня не хватает. Какой запрос сегодня у людей? На перемены. На перемены к чему? К справедливости, к качеству жизни. Все начинается с перемен. Перемены — это и есть путь к изумлению. Каждый день какие-то перемены происходят.

У меня на выборах был лозунг: «Через перемены к новому качеству жизни». В основе всего должны быть перемены. Каждый день что-то должно меняться, изумляя. Способность изумляться самому и изумлять других — это главные качества любого руководителя.

А.М. НИКУЛИН: По крайней мере, на ближайшие годы такая система перемен планируется?

Е.С. САВЧЕНКО: Естественно. Перемены — это смысл существования. Почему существует Вселенная? Потому что постоянно идет движение. Что стоит и не меняется, то умирает рано или поздно.

А.М. НИКУЛИН: Да, но перемены переменам рознь. Вот в перестройку очень хотели перемен. Об этом и знаменитый хит Виктора Цоя. А потом в результате неудачных перемен настали 1990-е, тоска и равнодушие. У китайцев есть знаменитое проклятие: «Чтобы жить тебе в эпоху перемен». Значит, феномен Белгородчины — это такая, в хорошем смысле, консервативная система перемен?

Е.С. САВЧЕНКО: Ничего консервативного. Мы начали с чего? Что нам дано право выбора, с одними силами либо с другими силами жить. Мы должны выбирать, что ближе к Творцу, а не то, что бли-

же к его визави. Сегодня все человечество идет к катастрофе, потому что идет не к Творцу. Отдаляемся от него. Все время говорим: куда Бог смотрит? А куда Он смотрит? Мы от Него отошли. Мы от Него отказались, а не Он от нас. Потому что нам дано право выбора. Впрочем, это уже другая тема.

А.М. НИКУЛИН: Великая тема.

Е.С. САВЧЕНКО: Можно будет о ней особо поговорить, расширяя круг участников.

А.М. Никулин: Вернемся к сельскому хозяйству.

Е.С. САВЧЕНКО: У нас уникальное сельское хозяйство. Его надо выстраивать дальше и дальше. Главная проблема заключается в потребителе. Где они, потребители? Мы ж полмиллиарда населения земного шара можем прокормить, экспортировать продовольствия на 200–300 миллиардов долларов.

А.М. НИКУЛИН: А имеющаяся доктрина продовольственной безопасности, осуществляемая на ее основе политика продовольственной безопасности, на Ваш взгляд, насколько это долговременно и эффективно?

Е.С. САВЧЕНКО: Доктрина — это стратегия. Я вообще считаю, что в сельском хозяйстве должно быть три уровня целеполагания. Первый уровень, самый низкий, — получение прибыли. Второй — стратегия сельского хозяйства. А какая стратегия? Продовольственная безопасность — то, что в доктрине. Третий уровень, я считаю, самый главный — миссия. Миссия — это воспроизводство нации, национальных традиций и прочего.

Возвращаясь к доктрине. Это второй уровень целеполагания. Нормально там все. Она местами уже перевыполнена. Но это только обеспечение продовольственной безопасности.

А.М. НИКУЛИН: Считаете ли Вы, что ее стоит менять? В перспективе больше открываться, когда мы станем более конкурентоспособными?

Е.С. САВЧЕНКО: Когда документ кто-то подписал, он уже устарел. Новый день ставит новые задачи, новые риски появляются, новые возможности, поэтому документ должен постоянно обновляться и дополняться. Нужны всегда изменения и перемены. При этом цели обеспечения продовольственной безопасности страны остаются актуальными всегда. Мы достигли этих целей, например, по мясу, по сахару. Никто никогда не верил, что у нас будет перепроизводство сахара. У нас выход сахара, как в Европе, — 6–8

тонн с гектара. Раньше мы больше 2–3 тонн не получали, а оказывается, можем, при тех же сахарных заводах.

А.М. НИКУЛИН: Что касается третьего уровня, миссии. Вы предполагаете, что она должна выполняться тоже на уровне государства?

Е.С. САВЧЕНКО: Конечно.

А.М. НИКУЛИН: О государственной доктрине продовольственной безопасности говорят много, но вот о миссии...

Е.С. САВЧЕНКО: О миссии вообще никто не говорит. Вот отличная тема для исследований и обсуждения на конференциях. Мессианская роль сельских территорий и роль государства в обеспечении этой мессианской роли. А у нас только 20 крупных городов развивают.

А.М. НИКУЛИН: Того, кто предложил развивать только крупные города, уже так раскритиковали, что никто об этом стараться не вспоминать.

Е.С. САВЧЕНКО: Но развитие все же идет преимущественно в крупных городах.

А.М. НИКУЛИН: К сожалению, да. Все движется преимущественно в этом направлении.

Е.С. САВЧЕНКО: Вот Вы москвич. На одного жителя Москвы государство тратит в год на инфраструктуру 60 тысяч рублей. Это метро, развязки, дороги. Вот вопрос. А сколько в Белгородской или Воронежской области, вообще по всей России? От трех до пяти, может, кое-где семь тысяч рублей. И все... А инфраструктура — это же основа развития.

А.М. НИКУЛИН: Согласен. Вот едешь по Москве — прекрасный всюду асфальт, но каждый месяц май заново его перекаладывают во многих местах. Ну, бросьте этот асфальт на село — в глубинку, где никогда его вообще не бывало, зачем и так хороший асфальт заново перекаладывать в столице каждый год?

Е.С. САВЧЕНКО: У нас люди до сих пор в бараках живут. А люди, чье жилье попало под реновацию, они так счастливы, но это в Москве. А что в России?

А.М. НИКУЛИН: Ну, Москва не одна такая. Большинство столиц мира и все мегаполисы стягивают на себя финансовые и административные ресурсы.

*Е.С. Савченко,
А.М. Никулин*
«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

Е.С. САВЧЕНКО: Возьмите в последнем номере журнала «Эксперт» топ-400 крупных компаний России. Где их центр? 85% в Москве. А где их производственные площадки? Они не в Москве.

А.М. НИКУЛИН: Да почти по всей России, а порой и за рубежом.

Е.С. САВЧЕНКО: Возьмите практику Америки, Европы. Где крупные компании? Они не в столицах, а разбросаны по стране, вместе со своими штаб-квартирами. А что нам мешает так сделать? Где твое производство, туда и езжай!

А.М. НИКУЛИН: Возвращаясь от экспансии столичного мегауровня к развитию локальных территорий, отмечу, что о ТОСах Вы больше упоминали, чем собственно о муниципальном самоуправлении. На Ваш взгляд, у этого уровня власти есть перспективы реального развития?

Е.С. САВЧЕНКО: Сегодня надо рассматривать муниципалитет де-факто и де-юре. Де-факто сегодня муниципальные органы власти на селе — это продолжение государства, потому что они финансируются сверху процентов на 80–90.

А.М. НИКУЛИН: Да, дефицит бюджета у сельских муниципалитетов в среднем где-то 80%.

Е.С. САВЧЕНКО: Какое там местное самоуправление? Местное самоуправление — это когда ты можешь управлять чем-то, когда свой основной ресурс — финансы — ты собираешь и получаешь здесь, на месте, хотя бы больше половины, и ты ими распоряжаешься. И при этом ты можешь получать больше, чем расходует. Вот это — местное самоуправление. А сейчас муниципалитет — это лишь продолжение государства.

Поэтому в современных условиях ТОСы, общественные инициативы управления — они как живая альтернатива местному самоуправлению и даже в пику ему. И это хорошо, это только приветствовать надо. И тут на местах должны пытаться сыграть положительную роль те, кто богат, кто разбогател на земле. «Делиться надо!» — как говорил великий министр финансов, ныне покойный.

И самое главное вообще везде, в бизнесе, в общественной жизни — это постановка задачи. Правильно поставленная задача, она притягивает ресурсы, а неправильно поставленная задача их отталкивает. А если правильно сформулировал задачу, консолидация мгновенно идет вокруг нее. С энергией созидания все пойдет.

Правильно мы сориентировались в нулевые годы. С чего мы начали? Выбрали верную цель: «Давайте за счет вертикальной интеграции и точек роста на их базе вертикальную власть сделаем».

И вокруг этой идеологически правильно поставленной задачи все закрутилось, энергия пришла. Финансовые ресурсы подтянулись и трудовые, интеллектуальные, профессиональные. Все начинает собираться и реализуется. Поэтому задачу надо правильно ставить.

*Е.С. Савченко,
А.М. Никулин*

«Мы всю
жизнь — первопро-
ходцы»

А.М. НИКУЛИН: Но ведь во время перестройки и в 1990-е годы определенные задачи связывались и с возможностью нового окрестянивания российского населения. Впрочем, именно тогда же обнаружилось, что крестьян у нас фактически не осталось.

Е.С. САВЧЕНКО: Это данность, с которой надо считаться. Сколько поколений крестьян уничтожали, откуда они теперь появятся? Да, у нас был «демократический» период, в начале 1990-х, когда земли раздали на паи. Виктор Николаевич Хлыстун думал, что сейчас все начнут на этих паевых гектарах работать, но не тут-то было. Тогда романтиков было много, аферистов и авантюристов не меньше. Из тех, кто тогда свободно землю взял, 1–2% остались, и то хорошо, остальные же схлынули как пена.

Человеческий материал изменился за последние сто лет уничтожения и смены парадигмы крестьянского труда не на себя, а на общее дело, это изменило психологию крестьянства, а лучших представителей выбили, конечно. Исходя из этого, это нормально, что сейчас мы избрали такой индустриальный вектор крупного аграрного производства, это объективно, это ответ на реальность, которая существует. И в этом наше преимущество. Если бы мы пошли по пути мелкого производства, то вряд ли смогли бы конкурировать с ведущими европейскими, американскими, южноамериканскими странами-агропроизводителями так, как это делаем сейчас.

Это наше преимущество. Казалось бы, трагическая ситуация, но даже в трагической ситуации есть оборотная сторона, и мы ею воспользовались. У нас не было опыта современного индустриального развития сельского хозяйства, например, агрохолдинги и тому подобные структуры. За рубежом все строилось на кооперации с фермерами, а у нас все вышло на основе жесткой вертикальной интеграции в рамках одного сельскохозяйственного предприятия.

А.М. НИКУЛИН: Здесь в определенной степени мы снова являемся первопроходцами?

Е.С.: САВЧЕНКО Мы всю жизнь первопроходцы.

“We are all pioneers”

Evgeny Savchenko, DSc (Economics), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Governor of the Belgorod Region. 308005, Belgorod, Sobornaya pl., 4. E-mail: admin@belregion.ru

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

In the interview to the Russian Peasant Studies, the Governor of the Belgorod Region, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Yevgeny Savchenko refers to his life trajectory to consider the history and the present state of the agrarian and social policy in Russia and the Belgorod Region. The interview focuses on the role of the state in developing a responsible agrarian policy that establishes the rules under the market economy and regulates economic and social interaction of large and small forms of agricultural production, the social development of the village, innovative trends in agriculture, and takes care of environmental challenges, problems of local self-government, and training of personnel for agriculture. The governor emphasized the significance of agrohholdings in agriculture and in the Russian society in general, identifies possible directions of agrohholdings participation in the development of rural areas. In the Belgorod rural programs, particular attention is paid to restoring soil fertility, environmental development of the "Green Capital" project, and barriers to the spread of bioenergy and alternative energy. The governor notes that despite the catastrophic trials in the life of the Russian peasantry in the 20th century, which determined the loss of peasant mentality, in contemporary Russia there is still a need for preservation and development of the culture of rural communities and territories that seamlessly combine rural traditions and innovations, for example, in the form of ancestral estates and homeowners' associations. In the conclusion, the interview stresses that by the will of fate rural Russia often had to be a pioneer.

Keywords: rural Russia, rural development, agrarian policy, collective and state farms, agrohholdings, vertical integration, ecology, local self-government

**Биологическое, социальное и моральное
в объяснении логики истории, или Стоит ли
искать крестьянина в современном мире**

**Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое
топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под
ред. и с введением С. Мэсидо; с комм. Р. Сифорда, Дж.Д.
Спенса, К.М. Корсгаард, М. Этвуд; пер. с англ. Н. Эдельмана.
М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 488 с. [и на книгу:
Хэнсон Т. Триумф семян: Как семена покорили растительный
мир и повлияли на человеческую цивилизацию / Пер. с англ.
Н. Майсурия, А. Олефир; под ред. В. Бологовой. М.: Альпина
нон-фикшн, 2018. — 374 с.]**

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-155-178

В последние годы дискуссии о судьбах аграрного/крестьянского вопроса утратили прежний полемический пыл и политический характер, сохранив противоречивые концептуализации аграрно-земледельческой проблематики в разных научных и публицистических дискурсах. Говорить о страновых приоритетах здесь бессмысленно, как и пытаться противопоставлять отечественную и зарубежную традиции, потому что они не однородны: в обеих присутствуют попытки обнаружить и/или описать нынешнего крестьянина и оценить его шансы на сохранение в современном мире. Пессимистично их оценивают российские авторы, понимающие масштабы доминирования агрохолдингов и ориентацию государства на укрупнение сельскохозяйственных организаций, оптимистично — представители международного движения Виа Кампесина, пропагандирующие и поддерживающие низовую мобилизацию и кооперацию мелких производителей. Несомненно сегодня одно — смещение фокуса крестьяноведческого внимания в область, которую можно условно назвать «аграрно-экологические практики», чтобы устранить пробелы между громкими аграрно-теоретическими постулатами и тихими повседневно-

ными реалиями сельской жизни посредством анализа тесной взаимосвязи ее биологического и социально-культурного аспектов. Такой акцент в значительной степени лишает смысла напряженную борьбу конкурирующих идеологий (либеральной, популистской, марксистской, постмодернистской и пр.), потому что переводит разговор о сельскохозяйственных практиках из политико-экономической плоскости в сферу историографического теоретизирования и моделирования взаимосвязи разных форм социальных практик и мотиваций с объективными биологическими и хозяйственными факторами.

Данный акцент может быть предельно очищен от социально-экономического содержания в целях фокусировки исключительно на биологической детерминанте хозяйственных практик. Яркий пример — книга Тора Хэнсона «Триумф семян: Как семена покорили растительный мир и повлияли на человеческую цивилизацию», показывающая на огромном иллюстративном материале и с прекрасными юмористическими комментариями автора, как эволюционировали семенные и споровые растения и какую роль они сыграли в становлении нынешней цивилизации. Несмотря на то что структурно книга выстроена согласно «социальным» функциям семян (питают, объединяют, выживают, защищаются и путешествуют), а автор постарался свести к минимуму ботанические термины (составив их краткий словарь, чтобы читатель не забывал их, а мог по мере чтения уточнять, о чем идет речь), все же содержание работы носит биологический характер, а автор столь увлечен семенами («это чудо, заслуживающее изучения, восхищения и изумления»), что использует социальную метафорику, чтобы подчеркнуть их почти разумную адаптивность. Например, «специалистам в области маркетинга остается только мечтать о такой широкой распространенности своих товаров, в то время как в мире природы семена без труда проникают повсюду, преобладают в большинстве ландшафтов — от влажных тропических лесов и альпийских лугов до арктической тундры — и определяют структуру целых экосистем» (с. 19-20).

«Без посева семян и сбора урожая не существовало бы сельского хозяйства в том виде, в каком мы его знаем, а человечество по-прежнему представляло бы собой небольшие группы охотников, собирателей и пастухов. Более того, некоторые специалисты полагают, что *Homo sapiens* мог вообще не появиться в мире, лишенном семян... Эти природные объекты — маленькое биологическое чудо — проложили дорогу современной цивилизации, своей удивительной эволюцией и естественной историей определяя и меняя нашу собственную эволюцию и историю... Семена в буквальном смысле слова — хлеб наш насущный — основа питания, экономики и образа жизни людей во всем мире» (с. 21). Однако автора больше интересует вопрос, почему семена служат опорой дикой природы (составляя более 90% земной флоры), хотя когда-то играли ничтожную роль в земной растительности, в которой господствовали споровые растения. Поэтому хотя в названии книги упоминается человеческая цивилизация, социальные аспекты жизни семян отражены в редких иллюстратив-

ных примерах, а автор сосредоточен на описании тех свойств и возможностей семян, которые позволили им завоевать важное место в природе и стать основой нашего рациона. Эти свойства семян носят функциональный характер: они питают (содержат питательные вещества, семя — «детеныш растения в коробке вместе с завтраком»), объединяют (половое размножение позволило семенам перемешивать гены и размножаться все более изощренными способами), выживают в самых сложных условиях (их можно хранить и обрабатывать), защищаются (иногда полезными для человека приспособлениями) и путешествуют (нашли бесчисленные способы распространения).

Сознательное игнорирование автором сугубо социальных проблем отражено в принципиальном отказе рассматривать проблему генномодифицированных семян, которая сегодня неизменно оказывается в центре общественных дискуссий о производстве продовольствия. Хэнсон признает, что «появление относительно простого в использовании оборудования для генетических манипуляций открыло новую эру в жизни растений и их семян. Привычные сельскохозяйственные культуры — от кукурузы и сои до латука и томатов — были изменены в лабораторных условиях с помощью генов, заимствованных у арктических рыб, почвенных бактерий и даже у *Homo sapiens*. Генетическое модифицирование — новейшая технология, имеющая в наше время первостепенное значение, но на этих страницах о ней лишь кратко упоминается. Вместо этого мы рассмотрим, почему... опросы общественного мнения неизменно свидетельствуют о том, что люди гораздо спокойнее относятся к идее изменения их собственного генома или даже генома их детей (в медицинских целях), чем к мысли об изменении генома семян? Ответ можно найти в последовательности событий, охватывающих миллионы лет, в которых удивительным образом переплелись история семян и история нашего собственного вида его культуры (мы — человекообразные обезьяны, освоившие кулинарию)» (с. 15-16).

Автор постоянно апеллирует к социальной метафорике¹, чтобы подчеркнуть, что анализ семян (даже с прикладных агроэколо-

И.В. Троцук

Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире

1. Это очевидная тенденция нашего времени в научно-публицистической литературе — увлечение социальной метафорикой для объяснения явлений природно-биологического характера. Например, если с момента зарождения социологической науки «биологическая (или органическая) метафора» использовалась, чтобы на простых и понятных примерах показать, как возможно общество, то в последние годы, наоборот, мы оказались в центре книжного бума, на разных примерах убедительно демонстрирующего, сколь сильно наши социальные качества физиологически и биологически детерминированы, посредством апелляций к социальным и антропологическим аналогиям (тело — «наша единственная в своем роде собственность», вирус гриппа и сиаловая кислота «исполняют в нашем теле полный изыщества танец» и т. д.). См., напр.: *Найт Р.* (2015). Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность / Пер. с англ. Е. Валкина. М.: Изд-во АСТ: CORPUS; *Нудельман Р.* (2014). Незвестное наше тело. О полезных паразитах, оригами из ДНК и суете вокруг гомеопатии... М.: Ломоносовъ и др.

гических позиций) выиграет, если смотреть на них как на маленьких хитрых существ. Так, злаки «невелики по размерам, плодovиты и легко прорастают, что делает их доминирующими растениями почти на любом участке открытой местности и идеальной продовольственной культурой» (с. 53); любая растущая трава демонстрирует «безрассудную храбрость в сочетании с неподдельной стойкостью» (с. 55); «последний важный шаг в эволюции семян был сделан, когда некоторые голосеменные растения научились укрывать свои семена... примерно так же, как поступают люди после купания, и по тем же причинам» (с. 109); «как только грызуны принялись грызть семена, растения и их поедатели фактически вступили в гонку вооружений... отношения между грызунами и семенами развиваются в обстановке, похожей на кадрили, где пары постоянно меняются партнерами в вихре поворотов... конечный результат может выглядеть как “баш на баш”, но при этом весьма вероятно, что на итог могли повлиять множество других танцоров» (с. 169). Семена-хитрецы демонстрируют чудеса изобретательности, некоторые из них наука не разгадала до сих пор: мы «разобрались во многих процессах, определяющих состояние покоя, пробуждение и рост заключенного в семени зародыша... но конкретные сигналы, которые запускают все эти события и управляют ими, остаются под покровом тайны» (с. 44). Причем столь хитроумны не только семенные, но и споровые растения, которые «в каменноугольном периоде росли на болотах и оставили после себя непропорционально большое и в конечном счете вводящее исследователей в заблуждение количество окаменелостей» (с. 99), заставляя думать, что семенных растений в тот период практически не существовало².

Семена интересуют автора с точки зрения свойств, «связывающих их общими задачами, такими как распространение, защита зародыша и снабжение его питанием на первое время» (с. 47). «При всей семенной плодovитости злаки вряд ли бы стали жизненно необходимы для человечества, если бы не особый химический трюк — ...

2. Данная метафора вызывает ассоциации с работой Дж. Скотта «Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии» (Пер. с англ. И.В. Троцук. М.: Новое издательство, 2017; Глава 1), где автор утверждает, что проблема не вполне корректной интерпретации исторических реалий (будто бы вся человеческая история представляет собой последовательную смену разных форм государственного состояния с редкими и кратковременными очагами варварства на периферии крупных административных центров) обусловлена тем, что ключевые исторические тексты, конструирующие доминирующий исторический нарратив, апеллируют к огромному числу четко локализованных материальных и письменных артефактов, которые оставили после себя даже самые слабые и недолговечные царства (в книге Хэнсона — споровые растения), тогда как рассеянные, мобильные и эгалитарные сообщества разбрасывали свои «артефакты» на огромных территориях, а документальным шлейфом пренебрегали, даже если имели письменность (первые семенные растения).

как злаки упаковывают свой “завтрак”... Где бы люди ни переходили от охоты и собирательства к земледелию, основой этому послужили один или два вида злаков... Семена злаков и других растений занимали существенное место в человеческом рационе еще во времена охотников и собирателей, которые вели кочевой образ жизни» (с. 57). Хэнсон примыкает к лагерю противников точки зрения, что главную роль в социальной эволюции человека сыграло появление копья и лука со стрелами, что изменило численное соотношение охотников и собирателей благодаря усовершенствованию техники охоты и богатому белками рациону. Альтернативная версия истории гласит, что главную роль сыграли семена³, став продуктом первой необходимости в силу своего энергетического потенциала и заставив людей организованно высаживать, собирать, хранить и обрабатывать урожай, и произошло это не после, а до перехода к оседлому образу жизни и земледелию⁴.

«Подобная история повторялась везде и всегда, когда происходила аграрная революция: многообразный рацион из диких растений уступал место нескольким зерновым и другим сельскохозяйственным культурам. За редкими исключениями, злаки, которым отдавалось предпочтение, обладали общим важным качеством — были одолетними, т. е. следовали жизненной стратегии “все или ничего”, которая заставляет растения вкладывать все свои ресурсы в семена... Независимо от того, когда произошел этот переход, прочнейшие связи между злаками и цивилизациями никогда не ослабевают. Превратившись однажды в основу нашего рациона, зерновые культуры оказались полностью вовлечены в экономику, политику,

3. О более близких нам исторических периодах, важнейшие события которых также были обусловлены едой (не конкретно семенами, но продуктами питания, включая специи и кулинарные привычки), пишет Т. Нилон в книге «Битвы за еду и войны культур: Тайные двигатели истории» (М.: Альпина Паблишер, 2017), реконструируя сокрытые в еде социокультурные коды и детерминированные ими эпохальные события.

4. Примерно о том же пишет Дж. Скотт, вводя понятие «зерновая гипотеза» для поиска ответа на вопрос, почему зерновые культуры так тесно связаны с первыми государствами. Эти культуры в наибольшей степени способствуют концентрации производства, сбору налогов, кадастровой оценке, хранению и нормированию, обеспечивая агроэкологию, результирующую в высокой плотности населения. По сути, формирование первых государств начинается только тогда, когда в пищевом рационе некоторой совокупности людей преобладают несколько одомашненных зерновых культур, и государство лишь прилагает усилия, чтобы поддерживать, укреплять и расширять этот агроэкологический фундамент своего могущества, занимаясь «ландшафтным обустройством» — создавая обмерянный и единообразный ландшафт на основе налогооблагаемого зернового земледелия и удерживая здесь население, необходимое для барщинного труда, военной службы и производства зерна. См.: *Скотт Дж.* (2017). Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены // Крестьяноведение. Т. 2. № 2.

обычаи и повседневную жизнь людей во всем мире. ...Любое переломное событие в истории человечества так или иначе связано с зерном (в поздней Римской империи городские власти умиротворяли народ с помощью пышных представлений и раздачи пшеницы, а недостаток хлеба и продовольственные бунты уничтожили ее; цены на пшеницу и зерновая политика — одна из причин «арабской весны»)» (с. 61-62).

Менее «биологический» и основанный на внушительном массиве самых разных данных вариант человеческой истории как детерминированной агроэкологическими практиками предлагает Иэн Моррис в книге «Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности». Согласно аннотации, действительно суммирующей содержание, книга, «опираясь на данные археологии, антропологии, биологии и истории..., предлагает убедительное [с оговорками] объяснение эволюции человеческих ценностей, утверждая, что за принципиальными долгосрочными изменениями ценностей стоит наиболее фундаментальная из всех сил — энергия. Люди придумали три главных способа получать необходимую им энергию: собирательство, земледелие и получение ископаемого топлива. В крохотных отрядах собирателей лучше всего живется тем, кто ценит равенство, но готов решать конфликты путем насилия; в крупных земледельческих обществах в наиболее выгодном положении оказываются те, кто ценит иерархию и в меньшей степени склонен прибегать к насилию; наконец, в гигантских обществах потребителей ископаемого топлива маятник снова качнулся в сторону равенства, но еще больше удалился от насилия [даже беглый просмотр новостных лент за последнюю неделю заставляет сомневаться, что мы подошли к равенству столь же близко, сколь далеко ушли от насилия]» (с. 4). Аннотация раскрывает не только суть излагаемой в книге концептуальной схемы, но и ее основное ограничение — как любая другая схема столь же глобального характера, предложенная Моррисом модель не может не быть излишне упрощенной, особенно учитывая ее несколько идеалистический настрой в трактовке вектора истории как движения к равенству и ухода от насилия (ни в макромасштабах, ни на повседневном уровне нынешние социальные системы не могут похвастаться ни тем, ни другим).

Впрочем, раскритиковать книгу не удастся даже самым радикально настроенным читателям, потому что сначала Моррис последовательно излагает свою версию мировой истории (главы 1–5), затем приводит возражения критиков, сделав их составной частью книги (главы 6–9) и отвечает на них (глава 10), оставляя за собой последнее слово. Кроме того, книгу предваряет Введение С. Мэсидо, утверждающего, что Моррис создал «амбициозную картину того, как определенные “грубые материальные силы” ограничивают и помогают определить “культуру, ценности и представления”, включая моральные кодексы» (с. 11). Незаинтересованный читатель,

желающий ознакомиться лишь с сутью концепции Морриса и ее наиболее критикуемыми положениями, несомненно, должен быть благодарен Мэсидо: ему удалось на нескольких страницах тезисно и точно изложить и то и другое, причем основные моменты теории Морриса изложены так, что сразу понятно, за что их просто нельзя не поставить под сомнение в той или иной степени.

Суть аргументации Морриса в изложении Мэсидо такова: «Некоторые элементарные человеческие ценности, такие как “честность, справедливость, любовь и ненависть, стремление не причинять вред, признание некоторых вещей священными”, сложились около ста тысяч лет назад. Возникновение этих “ключевых понятий”, в той или иной форме проявляющихся в любой культуре, стало возможным благодаря “биологической эволюции, наделивший нас большим и быстродействующим мозгом”... Наш избыточный разум дает нам возможность создавать и видоизменять культуру. Люди выработали сложные системы ценностей, норм, ожиданий и культурных шаблонов, на которые опираются различные формы сотрудничества, повышающие шансы на выживание в случае изменения окружающей среды. Подобно биологической эволюции культурные инновации можно рассматривать как часть процесса “конкуренции, складывающейся из миллионов микроэкспериментов” — культурных эквивалентов случайных мутаций в биологии. В зависимости от удач и неудач этих экспериментов “те признаки”, которые полезны в данном окружении, вытесняют те, которые не приносят пользы» (с. 12-13). Моррис предлагает читателю «макроисторию человеческих ценностей», состоящую из трех последовательных этапов, на каждом из которых культуру определял наиболее продуктивный способ извлечения энергии, задающий и ограничивающий возможные формы социальной организации (численность и плотность населения) и социальные ценности: собирательство — эгалитарные структуры и высокий уровень насилия, земледелие — иерархичность и более низкий уровень насилия, добыча ископаемого топлива — эгалитарные в политическом и гендерном плане общества (очень спорное утверждение по нынешним временам), терпимые к имущественному неравенству и менее склонные к насилию, чем прежние социальные системы.

Признавая, что пересказывает аргументацию Морриса в «сильно упрощенном виде», Мэсидо все же квалифицирует его подход как «функционалистский» (хотя он явно тяготеет к материалистическому детерминизму), поскольку ценности здесь выступают как адаптивные признаки, изменяемые людьми по мере эволюции социальной системы (прежде всего хозяйственных практик, над которыми надстраиваются остальные подсистемы), чтобы добиться их максимальной эффективности. Мэсидо характеризует подход Морриса как многофакторный, хотя даже дополнительные факторы (география и технические инновации) носят здесь материалистически-детерминистский характер, и подчеркивает ясность его аргументации

(безусловно, если не задумываться, какая детерминистско-биологизаторская модель за ней скрывается) и остроумие (что несомненно).

Критику теории Морриса Мэсидо излагает не менее виртуозно, поэтому обозначим сначала ограничения предлагаемой концептуальной модели, а затем ее основные компоненты. Во-первых (критика Р. Сифорда), это количественный детерминизм, который заставляет Морриса игнорировать разнообразие ценностей и культурных норм внутри каждого из выделяемых этапов человеческой истории (все глобальные модели имеют такое ограничение, и проблема не столько в концептуальных основаниях теоретизирования, сколько в необходимости слишком широких, а потому и слишком упрощенных, обобщений). Сифорд критикует базовую посылку Морриса, что «образ мысли всегда соответствует требованиям эпохи», полагая, что его «лекции умны, увлекательны, убедительны и катастрофически ошибочны с политической точки зрения» (с. 301), потому что «проводимая им связь между извлечением энергии и ценностями не является ни всеобщей, ни неизбежной» (с. 307), например, земледельческие общества могут быть небольшими и прекрасно сочетаться с эгалитарными ценностями.

Во-вторых (критика Р. Сифорда и Дж. Спенса), оперируя широкими обобщениями и опираясь на исторические документы, на протяжении столетий игнорировавшие «маргинализованные группы», Моррис упускает из виду наличие внутри этапов не встраивающихся в его концепцию явлений, например, политически бессильный эгалитаризм земледельческой эпохи (крестьянские бунты говорят о неприятии неравенства вообще и как «блага» особенно). Более жесткая версия того же критического высказывания упрекает Морриса в защите идей нынешних «правлящих классов» вопреки «образу мыслей, в котором нуждается наша эпоха», в частности, будучи в плену «неосознанных предубеждений при отборе принципиальных моментов», ставя на первое место «конкуренцию, квантифицируемость, консенсус и эффективность — ключевые идеи капиталистического предприятия и капиталистического общества», Моррис «слишком поспешно соглашается с ключевыми идеями нашего капиталистического экономического строя», хотя «наша эпоха нуждается в более критическом и просвещенном отношении к элементарным человеческим ценностям» (с. 15). Сифорд задается вопросом, для кого именно «наиболее полезны» ценности каждого способа извлечения энергии, особенно принимая во внимание, сколь часто всеобщие ценности (честность, справедливость, стремление не причинять вред и др.) «приносились и по-прежнему приносятся в жертву мнимой неизбежности квантифицируемой конкуренции» (с. 31).

Спенс высказывает обоснованные сомнения во «впечатляющем здании» Морриса и на том основании, что задача измерения исторических ценностей крайне проблематична. Проблема не в том, что «Моррис взвалил на себя чрезвычайно колоссальную ношу, и по-

тому читатель эмоционально настроен на то, чтобы под его руководством вникнуть в мировую историю... Скептическое отношение к работе Морриса проистекает из определенной приглаженности, заметной в его картине мира, из “лакировки данных”... Например, можно ли использовать такие внешне простые слова, как “земледелец» или “работа”, не принимая во внимание бесчисленные разновидности опыта, которые могут присутствовать в конкретных отношениях или ситуации. В свою очередь, эти различия могут иметь обманчивое сходство с текущими практиками... но быть абсолютно чуждыми им в своих целях и с практической точки зрения» (с. 313-315).

В-третьих (критика К. Корсгаард), сомнительна предлагаемая Моррисом трактовка моральных ценностей, поскольку следует различать «позитивные ценности» (формальные идеалы различаются от века к веку, от общества к обществу) и «истинные моральные ценности» (реальные поведенческие ориентиры не меняются в своей основе). Акцентируемые Моррисом позитивные ценности в состоянии выполнять те социальные и эволюционные функции, которые он на них возлагает, только если являются и истинными моральными ценностями (люди в них безоговорочно верят). «Могли бы члены земледельческих обществ подписаться под ценностями этих обществ, точнее, их собственными ценностями..., если бы воспринимали их как механизмы функциональной адаптации к определенному способу извлечения энергии? Нет... мы должны рассматривать вынесение оценок с точки зрения участников этого процесса, что предполагает наличие как “истинных ценностей”, лежащих в основе нашей оценки поступков других людей, так и наших собственных “нормативных представлений о самих себе”» (с. 17). «Если ценности — всего лишь способ сохранения социальных форм, необходимых при данном способе извлечения энергии, и если люди это знают, то непонятно, как эти ценности могут работать. Для того чтобы ценности могли выполнить свою функцию, люди должны верить, что они придерживаются истинных моральных ценностей» (с. 334). Помимо данного общего возражения (оспаривается не список всеобщих ценностей, а гипотеза о том, каким образом наш мозг их диктует) Корсгаард подвергает сомнению и отдельные утверждения Морриса, например, не верит, что у животных имеются моральные ценности (они не обладают человеческой способностью к оценке), и не понимает, «что именно готов признать Моррис, когда говорит о возможном существовании “оптимального” набора ценностей» (с. 343).

Корсгаард не отвергает концепцию Морриса, а призывает воспринимать ее критически, потому что существует множество трактовок изменений ценностей с течением времени («социологический позитивизм», «просвещенческое мировоззрение» и «идея об искажениях»), а Моррис «не показал, что его объяснение более удачно, чем некоторые другие... Вместо того чтобы думать, что ценно-

И.В. Троцук

Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире

сти определяются методом извлечения энергии, возможно, следует считать, что по мере того, как люди, овладев сельским хозяйством, приступили к накоплению власти и собственности, истинные моральные ценности стали искажаться под влиянием разных форм идеологии, и мы начинаем избавляться от этих искажений лишь сейчас, в век науки и массовой грамотности» (с. 345).

Корсгаард критикует модель Морриса, опираясь на различие типов ценностей (вечные, меняющиеся и ценности личности), которое мы сегодня прекрасно осознаем, видя разницу между тем, что общество декларирует (скажем, ценность любого труда), как реально оценивает многие вещи (разрыв в оплате городского и сельского труда) и как человек оценивает себя (непрестижность крестьянского труда). Она согласна с Моррисом в признании влияния всевозможных социальных и экономических сил на наши ценности, но не считает его исчерпывающим — вмешиваются идеологические искажения. Так, Моррис объясняет историю человечества, опираясь на научные допущения и методы общества, потребляющего ископаемое топливо (т. е. находится во власти капиталистической идеологии), которые явно расходятся с теологическими представлениями земледельческих обществ, что порождает вопрос о соотношении ценностных ориентиров действительности, науки, истории и этики. Моррис подобные упреки отклоняет, выдвигая встречное обвинение Сифорду и Корсгаард — в неуместном эссенциализме, т. е. в убеждении, что либеральные просвещенческие ценности (включая социальный эгалитаризм и склонность к ненасильственным методам разрешения конфликтов) максимально приближены к истинным моральным ценностям и могут считаться «позицией по умолчанию» в благоприятных обстоятельствах. Он подчеркивает, что все люди разделяют ключевые ценности, но их интерпретации могут меняться в разные исторические периоды. Соответственно, если Сифорд и Корсгаард выступают за эгалитаризм и ненасилие с моральных позиций (и потому, например, осуждают талибов за угнетение женщин), то Моррис квалифицирует их как ценности конкретных социальных систем вне каких бы то ни было моральных оценок (и потому порицает талибов за отсталость — они исповедуют сегодня ценности закончившейся эры земледелия).

Моррис отвергает обвинения в том, что находится в плену идеологии, поскольку любая идеология — это «набор ложных утверждений, которые приносят выгоду тем или иным кругам», и в этом ее слабость: она не может доминировать долго, потому что «здравый смысл — очень мощное орудие, позволяющее быстро выявить те рецепты, которые наиболее пригодны в тех материальных условиях, в которых мы находимся», «агрессивная субстанция, разъедающая любую идеологию, как кислота», и потому что «невозможно обманывать всех до бесконечности» и «злокозненные элиты» не обладают достаточными ресурсами, силой и умом, чтобы водить людей

за нос на протяжении длительного времени (с. 426). Безусловно, это слишком идеалистическая трактовка здравого смысла, особенно в контексте истории XX века (тоталитарные и авторитарные режимы всех типов), не говоря уже о последнем десятилетии (геополитические и внутривластные баталии в жизни, казалось бы, крайне разумных и расчетливых стран).

В-четвертых, М. Этвуд не столько критикует концепцию Морриса (она считает ее «вдохновляющей, обнадеживающей, всеохватной и ужасно увлекательной»), сколько пытается оценить ее прогностические возможности по отношению к будущему, чреватому угрозами, которые плохо просчитываются посредством научных наблюдений и квантифицируемых данных, потому что в нынешнем глобализованном мире любой крах будет всеобщим, а коллапс цивилизационным. Моррис называет пять видов потрясений всех эпох — неконтролируемые миграции, недееспособность государства, нехватка продовольствия, эпидемии и климатические изменения, Этвуд дополняет этот список гибелью океанов и биоинженерией, которая открывает колоссальный потенциал для «махинаций с нашими телами и мозгами». Моррис размышляет о возможных сценариях будущего всемирного катаклизма, полагая, что наш вид целенаправленно создает условия собственного вымирания, а Этвуд дополняет, что будущее сулит нам и гигантские изменения «представлений о том, какое поведение считается “хорошим”... поэтому никто не знает, как эти сценарии претворятся в жизнь; в них задействовано слишком много переменных» (с. 354).

После столь содержательно насыщенного введения книга в некоторой степени выполняет задачу наполнения изложенных тезисов иллюстративным материалом и развертывания авторской аргументации. Так, в первой главе за фразой «образ мысли всегда соответствует требованиям эпохи» скрывается попытка автора выстроить «общую теорию культурной эволюции человеческих ценностей на протяжении последних двадцати тысяч лет» (с. 29)⁵: три сменявшие друг друга системы ценностей были связаны с конкретными формами социальной организации, обусловленными конкретными способами извлечения энергии. Единственная оговорка, которую Моррис делает в связи с глобальным масштабом своей модели, состоит в том, что понятия «система ценностей/культура» столь бесформенны, что «единственный способ изложить свою аргументацию... заключается в рассмотрении их подсистем... — я ограничиваюсь идеями о равенстве и иерархии (политической, экономической и гендерной) и отношением к насилию» (с. 30).

5. Вероятно, по глобальности обобщений, неизменно приводящих к излишним упрощениям, модель Морриса стоит в одном ряду с концепцией культурных суперсистем П.А. Сорокина. См.: *Сорокин П.А.* (1992). Социокультурная динамика // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. М.: Политгиздат.

Здесь же автор формулирует свою исследовательскую задачу — не понять, а объяснить эволюцию человеческих ценностей. Моррис апеллирует к М. Веберу (как обобщившему первоначальное толкование понимания и объяснения и настоящего на их синтезе), Г. Дройзену (как впервые выдвинувшему идею о различии этих задач в исторических и естественнонаучных исследованиях), Т. Парсонсу (как развившему идеи Вебера) и К. Гирцу (как отказавшему объяснению в общественных науках в приоритете). Но он предпочитает иной подход: «дополнить сотни плотных описаний смысла конкретных культур широкими сопоставлениями, охватывающими большие пространства и большие промежутки времени; эти сопоставления дадут неплотные описания, по большей части количественные и не предполагающие взгляда изнутри..., достаточно грубые... и редукционистские, потому что мы должны будем сводить колоссальное разнообразие живого опыта к упрощенным принципам, лежащим в его основе» (с. 38). Тем не менее выделяемые три системы ценностей — собирательские, земледельческие и потребители ископаемого топлива — автор трактует как веберовские идеальные типы с точки зрения «однoboкой акцентуации одной или нескольких точек зрения и синтеза множества рассеянных, дискретных... индивидуальных явлений, в соответствии с этими однoboко выделяемыми точками зрения собираемых в единый мысленный конструкт... который в своей концептуальной чистоте никогда не сможет быть эмпирически выявлен в реальности» (с. 38). Моррис сразу выбивает оружие из рук радикальных критиков своей концепции, признавая, что она не претендует на описание реального эмпирического разнообразия и допускает множество исключений («любая наука — это редукционизм»). Он также подчеркивает, что его аргументация откровенно материалистична — «хотя культурные традиции порождают различные вариации центральной темы, общая картина задается способом извлечения энергии» (с. 40), балансирует на грани универсализма — «не покрывает некоторые части планеты... но охватывает подавляющее большинство (вероятно, более 95%) всех людей, когда-либо живших на Земле» (с. 41), виновна в функционализме — рассматривает ценности как «адаптивные части более крупных структур» — и эволюционизме — «описываемые три системы представляют собой эволюционную адаптацию к меняющимся обстоятельствам» (с. 42).

Наиболее сомнителен (по крайней мере, с социологических позиций) биологический детерминизм предлагаемой модели: «человеческие ценности претерпели процесс биологической эволюции на протяжении семи или восьми миллионов лет... наша биология не претерпела существенных изменений за десять-пятнадцать тысяч лет, прошедших с момента возникновения земледелия, и потому... некоторые ключевые понятия — честность, справедливость, любовь и ненависть, стремление не причинять вред, признание некоторых вещей священными — встречаются во всех обществах,

вне зависимости от того, где и когда они существовали... В какой-то степени человеческие ценности задаются на генетическом уровне, и поэтому... настала пора временно изъять этику из ведения философов и подвергнуть ее биологизации» (с. 42). По мнению Морриса, биологическая эволюция дала нам мозг, позволивший избрести культуру, в результате наши моральные системы есть механизмы культурной адаптации (или биологической эволюции), а ее двигатель — нарастание объемов извлекаемой энергии, поскольку «по большей части именно методы извлечения энергии диктуют, какие демографические ресурсы и организационные формы являются оптимальными, а те, в свою очередь, определяют, какие ценности будут процветать... По мере того как в конкурентной борьбе между мутациями выявляются победители, те признаки, которые полезны в данном окружении, вытесняют те, которые не приносят пользы... Поэтому обожествляемые цари и рабство так распространены (но не являются повсеместными) в земледельческих обществах и так редко встречаются (но не полностью отсутствуют) в обществах, потребляющих ископаемое топливо. Крестьяне отдавали предпочтение иерархии не потому, что все они были негодяи, а потому что она была им полезна; люди, живущие за счет ископаемого топлива, обычно выбирают демократию не потому, что все они святые, а потому что в мире, изменившемся благодаря открытию этого мощного источника энергии, лучше всего живется при демократии... Конкурентный процесс культурной эволюции заставляет нас выбирать те ценности, которые наиболее полезны при конкретном способе извлечения энергии, вне зависимости от того, как мы к ним относимся» (с. 48)⁶.

Вторая глава книги посвящена «собираТЕЛЬским ценностям» — они присущи обществам, обеспечивающим свое пропитание в первую очередь сбором дикорастущих растений, охотой и ры-

И.В. Троцук

Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире

6. Это очень сомнительная позиция: сегодня есть масса примеров тому, что люди выбирают не самые оптимальные и полезные с точки зрения культурной эволюции ориентиры, а ценности, к которым они относятся положительно. Скажем, так называемое «Исламское государство» (террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации), возникшее на нынешней стадии потребления ископаемого топлива, сочетает научнотехнические достижения этого периода (прежде всего электронно-коммуникативные технологии) с самыми архаическими формами гендерного, социально-экономического и политического неравенства, характерными для стадий собирательства (высокий уровень насилия) и земледелия (жесткая иерархическая структура). Многие люди добровольно покинули свои сообщества и страны, чтобы жить на территории ИГИЛ, объясняя свое решение желанием освободиться от невыносимого диктата ценностей капиталистического общества, однако в итоге регламентация жизни человека в архаичном религиозном квазигосударстве оказывается еще более тотальной, поскольку сочетает все неприемлемые для современного этапа культурной эволюции, по Моррису, собирательские и земледельческие ценности.

боловством, предпочитающим равенство и терпимо относящимся к насилию. Как и все исследователи данного типа обществ, Моррис опирается на три группы источников — археологические данные по доисторическому периоду, немногочисленные описания собирателей, оставленные грамотными обществами, и этнографические описания последних столетий. Каждой группе свойственны ограничения: археологические находки не говорят о ценностях, образованные элиты аграрных обществ описывали собирателей, чтобы лишь подчеркнуть собственные представления, а этнографические описания мало что могут сказать о собирателях современности. Однако в совокупности они дают «весьма четкую картину». Так, хотя способы добычи пропитания и социальной организации среди собирателей различались, они всегда жили небольшими группами (будучи частью крупных жизнеспособных популяций), много перемещались (задерживаясь только в местах с изобилием ресурсов), поддерживали простое разделение труда (гендерные и возрастные сбой собирательского эгалитаризма), испытывали неприязнь к политической иерархии (нет институционализированных вождей, были временные руководители, а если они хотели задержаться во власти, то подвергались остракизму), накладывали строгие ограничения на накопление богатства, которые часто подкреплялись представлениями о нравственном зле, сокрытом в имущественной иерархии, с пугающей легкостью прибегали к насилию из-за любых разногласий и по стандартам земледельческих и сообществ потребителей ископаемого топлива были крайне бедны. Поразительно схожие эгалитарные ценности и высокую склонность к насилию как способу решения конфликтов у всех групп собирателей Моррис связывает с экономическими и социальными ограничениями собирательства как метода извлечения энергии. И хотя Моррис постоянно подчеркивает, что речь идет об «идеально-типичном наборе ценностей» в веберовском смысле, все же невозможно избавиться от ассоциаций с упрощенческой трактовкой марксистской версии истории, когда способ производства определяет «надстройку» — производственные и прочие отношения.

Собирательские ценности были «вытеснены в небытие» ценностями «земледельческими» (в сноске уточняется, что таковые могут называться крестьянскими, категории «земледельцы» и «крестьяне» — синонимы) — они присущи обществам, которые кормятся преимущественно выращиванием окультуренных растений и разведением одомашненных животных, ставят иерархию выше равенства и менее терпимы к насилию, чем собиратели. Земледельцы изменяют генофонд эксплуатируемых ресурсов, живут большими группами и передвигаются достаточно мало, более разнообразны, чем собиратели, потому что включают промежуточные формы между двумя стадиями: крохотные группы собирателей, которые выращивают некоторые растения и животных (хортикультурные, или общества подсеčno-огневых земледельцев); аграрные государства XVIII века

с заморскими колониями на пороге промышленной революции; коммерциализированные города-государства, разбросанные по времени (античные Афины, средневековая Венеция и др.) — в центре этой трехконечной звезды Моррис помещает идеальное крестьянское общество и всю третью главу посвящает описанию «фундаментальных ориентиров крестьянского мира» (с. 101).

В описании земледельцев автор опирается на те же группы источников (археология, исторические описания и антропология), однако доминируют здесь письменные источники, страдающие односторонностью (их писали малочисленные образованные элиты в собственных целях). Как и у собирателей, Моррис отмечает географически обусловленные различия в питании и социальной организации, однако они не влияли на общую логику распространения земледельческих ценностей благодаря формированию все большего числа крупных «аграрных ядер», где «постоянное увеличение энергии, получаемой с единицы обрабатываемых земель, позволяло прокормить миллионы ртов, но за это приходилось расплачиваться постоянным изнурительным трудом» (с. 114). «Крестьянская жизнь даже в самые благоприятные фазы демографического цикла (когда за внезапными демографическими подъемами следовали страшные провалы, резко менявшие соотношение между площадью обрабатываемых земель и количеством рабочей силы в пользу уцелевших) поразила бы почти любого посетителя из мира потребителей ископаемого топлива своей неприглядностью, суровостью и бедностью (подтверждение — мрачный рассказ А.П. Чехова «Мужики», изданный в 1897 году)», «хотя она была все-таки не такой жалкой, как жизнь собирателей» (с. 117).

Многолюдные и более процветающие, чем общества собирателей, земледельческие системы стали возможны благодаря резкому усложнению труда в сельском хозяйстве, разделению всех сфер деятельности под давлением демографических факторов на мужские и женские и использованию принудительного труда, когда родственные структуры и рынок не справлялись с обеспечением рабочей силой тех проектов (дороги, храмы, порты и пр.), которые гарантировали сплоченность и выживание земледельческих обществ. «Принудительный труд, как и патриархат, был функционально необходим... Углублявшееся разделение труда имело и более светлую сторону — профессионализацию интеллектуальной жизни, позволившую резко увеличить объемы накопленных знаний» (с. 132).

В аграрном обществе спокойное принятие и «признание вопиющего имущественного неравенства сочеталось с тлеющим возмущением и отдельными вспышками уравнилельного насилия»: «подобно собирателям, прибегающим к насмешкам, остракизму, а в крайних случаях и к насилию для наказания выскочек, игнорирующих необходимость делиться и соблюдать очередность, земледельцы оставляют за собой право сопротивляться элитам и даже ниспровергать

их в тех случаях, когда сочтут, что “лучшие люди”... превращаются в тиранов. ...Самое поразительное в тех волнах уравнилельного насилия, которые периодически проносятся по земледельческим обществам, — то, насколько редко мишенью протестов служит неравенство как таковое: по большей части насилие направлено против отдельных индивидуумов из числа власть имущих и их злокозненных поступков... Земледельцы порой прибегали к прямому насилию, но при этом регулярно утверждали, что объектом их нападения являются только местные власти, но ни в коем случае не верховная власть... По их мнению, удаленный правитель сохранял благочестие, но его предавали нижестоящие (как гласит русская мудрость, «царь хороший, бояре плохие»))» (с. 151-152). И «когда в XVIII веке европейские реформаторы начали выбираться из своих городских анклавов в сельский мир⁷, их нередко поражало то, что крестьяне отнюдь не сетовали на неравенство и не требовали перераспределения собственности, в целом считая правильным и разумным то, что в мире много бедных и слабых людей и мало богатых и сильных» (с. 162).

По мнению Морриса, дело было не столько в политической пассивности, сколько в ценностях, соответствующих требованиям эпохи: в отличие от собирателей, которые имели возможность сбежать от агрессии, земледельцы были заперты на своих густонаселенных территориях, чьи правители стремились утихомирить многочисленных подданных и добиться, чтобы они упорно трудились, воздавали кесарю кесарево и не убивали друг друга (т. е. не уничтожали «производственные активы» правящих групп). Задачу снижения уровня насильственной смертности в аграрных обществах правители решали за счет убеждения подданных в том, что только государство имеет право на легитимное насилие (и принуждение). «Земледельцы могли выжить лишь в иерархическом, более-менее

7. Многие авторы не согласились бы с подобным изображением разрыва между сельской и городской жизнью в XVIII веке. Так, К. Стил в книге «Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь» (М.: Strelka Press, 2016) утверждает, что для Европы всегда была характерна тесная связь города и деревни, и даже в XIX веке горожане регулярно бывали в деревне и привозили ее с собой (держали в домах птицу и свиней, хранили зерно и сено), а богачи имели поместья, снабжавшие их продуктами питания. В Новое время сохранялось представление о «цивилизованности» городской жизни и «примитивности» сельской, однако в XVII — начале XVIII столетия сельские ландшафты все больше обретали рукотворный характер, чтобы удовлетворить все возрастающую потребность городов в продовольствии (осушались болота, вырубались леса и т. д.). Кроме того, «город» настойчиво проникал в деревню и переводил сельское хозяйство на промышленные методы: в XVIII веке появились железные плуги и подковы, в XIX — сельскохозяйственная техника и т. д. См. также: *Троцук И.В.* (2018). Социологическая «калорийность»: кулинарное, культурное и пространственное «измерение еды» // Социологическое обозрение. Т. 17. № 1. С. 302-324.

умиротворенном мире, и потому они стали ценить иерархию и мир... В основе их набора моральных ценностей лежит идея о том, что иерархия — это благо. Иерархия отражает в себе естественный/божественный порядок, предполагающий, что некоторые люди рождаются, чтобы повелевать, а большинство — чтобы подчиняться. Согласно этим же принципам оценивается и насилие: когда к нему прибегают законные правители, насилие служит благу; в иных случаях — нет» (с. 176-177).

«Когда люди не умели использовать ископаемое топливо, единственный способ поднять извлечение энергии... заключался в построении “Аграрии” с присущей ей структурной необходимостью в экономическом и политическом неравенстве... Моральные требования... и настроения начали изменяться лишь после того, как рост крупномасштабной морской торговли, сопровождавшийся перемещением некоторых земледельческих обществ из аграрного центра в сторону городов-государств или к раннему модерну... привел к пересмотру этих требований... Восточная и западная окраины Старого Света начали сталкиваться с крайне непривычными требованиями совершенно отказаться от политической и экономической иерархии вместо того, чтобы просто перетасовывать позиции, занимаемые людьми в этой системе» (с. 163-165). Общество, потребляющее ископаемое топливо, стало результатом совместного применения угля и энергии пара в производственных целях, что дало резкий прирост производительности, снижение цен, рост прибыли, энергетическое изобилие и иную структуру сельского хозяйства и производства. К 1914 году большинство населения мира жило в экономике, основанной на потреблении ископаемого топлива и привязанной к глобальным рынкам.

Четвертая глава характеризует «ценности потребителей ископаемого топлива» (индустриальной капиталистической эпохи) как присущих обществам, дополняющим энергию растений и животных энергией угля, нефти и газа, ставящим большинство видов равенства выше насилия и крайне нетерпимым к нему. Для Морриса главные результаты ряда революций в сфере извлечения энергии — скачок в количестве и плотности населения, в размерах и интеграции мировых рынков и снижение необходимости в принудительном труде: рабство и крепостное право были отменены, принудительный труд вытеснен наемным. «“Агрария” была поделена на клеточки... — для элиты и основной массы мужчин и женщин, для верующих и неверующих... свободных и рабов и множества других категорий. Каждая из этих групп имела свое место в сложной иерархии взаимных обязательств и привилегий, укрепленных “Старым курсом” и державшейся на воле богов и угрозе насилия... Обществам потребителей ископаемого топлива подобное разделение только мешало. Чем решительнее та или иная группа отказывается от жесткой структуры... тем крупнее и эффективнее будут ее рынки и тем удобнее ей будет существовать в мире иско-

И.В. Троцук

Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире

паемого топлива. «Индустрия» — такая же абстракция, как и «Агрария»... но именно в эту сторону двигался наш мир после 1800 года» (с. 198): либеральным путем — через объявление границ между клеточками несущественными, а всех людей равными в глазах закона, или нелиберальным путем — через уничтожение различий, иногда посредством силы.

Для российского читателя в книге Морриса неожиданным окажется множество примеров из российской истории. В частности, XX век предстает в работе как период сильнейшего раскола между странами, которые пошли по либеральному пути (Великобритания, США и др.) и по нелиберальному пути (Россия). Коммунистический и фашистский пути к «Индустрии» автор объединяет общим настроем насильственно очистить общество от тех, кто был не угоден властям, подчинить граждан суровой дисциплине, резко расширить масштабы государственной власти, а также тем, что нелиберальные пути к «Индустрии» нередко показывали более быстрый экономический рост, чем либеральные варианты, но в конечном итоге экономически выиграла именно последние.

Характеризовать последний, нынешний этап истории Моррису сложнее всего, потому что это «эпоха грандиозной перестройки моральной системы... никогда прежде не менялось столь многое, столь быстро и для столь большого числа людей... Менее чем за десять поколений политическая, экономическая и гендерная иерархия, казавшаяся совершенно естественной и справедливой, стала считаться — в той или иной степени — нежелательной» (с. 217). Индустриализация не могла не изменить политические ценности, поскольку «в сообществе взаимозаменяемых граждан общая воля фактически остается единственной надежной основой для легитимной политической власти» (с. 222). Признавая, что за понятием «демократия» сегодня могут скрываться очень разные вещи, Моррис все же полагает, что в ее основе лежит убеждение во вредности политической иерархии. Он признает, что в современной истории есть прецеденты, когда «антилибералы, создавая наиболее ярко выраженную политическую иерархию из всех возможных и добившись сосредоточения всей власти в руках одного человека, утверждали, что на самом деле искореняют политическую иерархию» (с. 223), и «даже демократия неизбежно порождает влиятельную элиту, закрепляющуюся в качестве постоянных политических каст» (с. 225), т. е. трезво оценивает заинтересованность либеральных режимов в создании демократической ширмы над бережно поддерживаемой системой экономического и политического неравенства. Однако подчеркивает, что важна сама идея равенства и борьбы за демократическое устройство — как моральное основание эпохи, но тогда непонятно, почему с подобными лозунгами создаются недемократические и очень живучие режимы, идеология и экономика которых требованиям эпохи, по Моррису, не соответствуют. Чтобы снять это противоречие, он говорит о компромиссах между четкими и размы-

тыми иерархиями, общем векторе эволюции государств к поддержке определенного имущественного неравенства и разных трактовках равенства (возможностей и результатов).

Аналогичные проблемы возникают с утверждением Морриса, что «Индустрия» с ее открытым пространством и взаимозаменяемыми гражданами оказалась работоспособна только благодаря умиротворению и отказу от силовых приемов разрешения конфликтов. «Одновременно с зарождением общего критического отношения к политической, экономической и гендерной иерархии стали появляться новые идеи — о том, что война не соответствует человеческой природе, что человек в своем естественном состоянии есть существо миролюбивое» (с. 240), и «в XXI веке гораздо больше людей в ходе опросов заявляет о полном отрицании насилия» (с. 241). Полагаться на подобные суждения вряд ли имеет смысл, учитывая уровень повседневного насилия и количество вооруженных конфликтов во всех уголках мира даже в тот конкретный момент времени, когда кто-то читает книгу Морриса. Иными словами, получается, что «Индустрия» вполне жизнеспособна и при высочайшем уровне насилия⁸, несмотря на то что в основе его модели истории лежит посылка о последовательном умиротворении человечества при переходе от собирательства через земледельческие сообщества к современности: «человечество никогда еще не было таким миролюбивым, как сегодня, и никогда еще не было так решительно настроено против силового решения проблем» (с. 244). Это противоречие автор не признает, хотя в целом достаточно самокритичен, утверждая, что, во-первых, предлагаемая им схема эволюции ценностей «страдает редукционизмом, упрощая и неизбежно искажая намного более сложную реальность» (с. 244). Во-вторых, он не пытается объяснить, «почему произошла радикальная совместная эволюция способов извлечения энергии, организационных форм и ценностей, и не задается очевидным вопросом о том, как могут измениться человеческие ценности по мере дальнейшего развития наших систем извлечения энергии и организации общества» (с. 251).

Пятая глава суммирует содержание концепции Морриса в контексте объяснения, почему ценности изменялись согласно системам извлечения энергии, хотя «в истории человечества нет ничего неизбежного». Автор задает три вопроса: почему изменяются системы извлечения энергии; были ли эти сдвиги неизбежны; что

И.В. Троцук

Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире

8. Достаточно привести известную цитату П.А. Сорокина: «если главной моральной заповедью всех религий и этических систем было “не убий”, то XX век стал наиболее кровопролитным и негуманным веком... в двух мировых войнах и в более мелких войнах этого века было убито и ранено гораздо большее число человеческих существ, чем во всех войнах предшествующих десяти веков вместе взятых...» (Сорокин П.А. (1997). Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., послесл. и прил. Т.С. Васильевой. М.: Наука. С. 209).

произойдет с ценностями в будущем. Ответы он ищет с помощью следующей аналогии: «ценности эволюционируют таким же образом, как и наши гены, посредством работающего в обе стороны взаимодействия между моральными системами и окружением (физическим, социальным и интеллектуальным), сочетающегося с внешними потрясениями» (с. 257). Так, основной причиной, по которой люди вдруг начали заниматься земледелием, стало «грандиозное экзогенное потрясение в виде климатических изменений» («долгое лето»), которое сделало земледелие почти неизбежным и помогло нам стать «мозговитыми существами», начать процесс одомашнивания и демографически выиграть благодаря интенсивному сельскохозяйственному труду и иерархическому укладу (основа коллективного действия и крупных сплоченных сообществ). Оба перехода в истории — аграрную революцию и смену собирательских ценностей земледельческими, а затем промышленную революцию и вытеснение земледельческих ценностей — автор объясняет тем, что «традиционные способы существования становились все более проблематичными, и люди пытались найти новые пути» (с. 277), как правило, опираясь на географический фактор (так, расширение глобальных рынков началось с изобретения кораблей, которые могли преодолеть океаны).

Таким образом, ответ Морриса на первый вопрос о причине переходов между тремя историческими эпохами — «культурная эволюция», на второй вопрос о причине подобных изменений — «они были настолько неизбежными, насколько это вообще возможно в истории» (с. 283). Что касается будущего человеческих ценностей, то, будучи убежден, что «либерализм и демократия распространились по всему миру, потому что его охватила промышленная революция, а именно либеральные, индивидуалистические ценности лучше всего подходят для “Индустрии”, и люди по всему миру освоили их в той или иной степени» (с. 287), автор делает осторожный прогноз, что через столетие, при сохранении нынешних темпов социального развития (извлечения энергии в расчете на человека в день) и отсутствии цивилизационных крахов, Восток сможет нагнать и обогнать Запад, но речь идет уже о «постлюдях с постценностями, отличающихся от нас и от наших ценностей так же сильно, как мы отличаемся от неандертальцев» (с. 293).

Свою позицию Моррис считает «биологической», потому что уверен, что наш животный вид обрел базовый набор ценностей (справедливость, честность, любовь, верность, самоуважение, достоинство и др.) в результате эволюции, и единственное наше отличие от других животных состоит в том, что «на протяжении последних двенадцати тысяч лет мы претерпели культурную эволюцию, в ходе которой давали адаптивным признакам, возникшим биологическим путем, самое разное истолкование... Точно так же, как рост объемов извлекаемой энергии оказывал селекционное давление на эволюцию социальной организации, так и эволюция социальной ор-

ганизации оказывает селекционное давление на интерпретацию элементарных ценностей, сложившихся в ходе биологической эволюции (так, нравственное и безнравственное поведение представляют собой разные вещи в глазах собирательницы из пустыни Калахари, жителя греческой деревни и калифорнийца, использующего ископаемое топливо)» (с. 299).

За пятой главой следует охарактеризованный выше раздел с критикой концепции Морриса, которую можно было бы развернуть и продолжить. Скажем, когда утверждается, что «образ мысли всегда соответствует требованиям эпохи», кто эти требования улавливает или устанавливает, а если они как бы витают в воздухе (самоочевидны, диктуются объективными реалиями), то все равно кто-то должен их осознать и артикулировать (но кто владеет столь ценными компетенциями)? Аналогичные вопросы порождает понятие «культурные инновации» — кто именно понимает их необходимость, в состоянии их придумать, популяризовать и распространить? Впрочем, эти и другие частные замечания меркнут на фоне убежденного детерминизма Морриса, согласно которому культурные универсалии — результат «биологической эволюции, наделившей нас большим и быстродействующим мозгом», поэтому некоторые ценности встречаются и у «наших ближайших родственников среди человекообразных обезьян». Слишком жесткой выглядит и предлагаемая Моррисом схема неотвратимого движения истории от собирательства через земледелие к современности⁹. Она привлекательна тем, что делает бессмысленными попытки обнаружить в современном мире крестьянство как способ хозяйствования и устойчивую систему ценностей и поведенческих паттернов: согласно модели Морриса, крестьянский образ жизни ушел в прошлое вместе с завершением второго этапа истории — земледельческого (что сомнительно, учитывая распространенность крестьянских сообществ в ряде стран Африки, Латинской Америки и др.).

Моррис допускает сохранение прежних форм хозяйствования и социальной организации, но отводит им незначительную роль. Скажем, «на протяжении первых 90% истории человечества все люди были собирателями, и некоторые из нас остаются ими и по сей день (будучи загнаны в области с экстремальными условиями суще-

И.В. Троцук

Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире

9. Часто критикуемая модель Дж. Скотта (сосуществование государственных центров и огромной безгосударственной периферии на протяжении большей части человеческой истории) явно выигрывает на этом фоне, потому что Скотт допускает постоянные откаты от обоих модусов социального существования (государственность и безгосударственность), хотя и признает что со второй половины XX века шансы людей на игнорирование государства сошли практически на нет в силу грандиозного сокращения прежде весьма обжитой и масштабной безгосударственной периферии. См.: *Скотт Дж.* (2017). Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. И.В. Троцук. М.: Новое издательство.

ствования, но и там не скрывшиеся от влияния современных государств, рынков и вкусов)» (с. 64), хотя уже к 1800 году собиратели составляли менее 1% населения. Моррис неоднократно подчеркивает, что возводит конструкцию, которая не улавливает множество отклонений от заданного курса, его утверждения все равно слишком оптимистичны. Например, что нашей эпохе не нужна характерная для аграрного строя иерархия (неравенство по критериям пола, возраста, веры, дохода и т. д.), — но сегодняшняя жизнь, пусть не столь жестко, но не менее четко иерархизирована в вертикальной и горизонтальной плоскостях (как и прежде, действуют и взаимные обязательства, и традиционные привилегии, и угрозы насилия, и апелляции к божественному).

В заключительной десятой главе Моррис уверенно и остроумно отвечает на критику, считая ее «самой искренней формой лести в научных кругах», и, по сути, лишь уточняет и дополняет положения первых глав. Тем более что «ни один автор на его память не отрекся от своих взглядов перед лицом уничтожительной критики... а прелесть его критических отзывов состоит в том, что их авторы — романист, философ, филолог и историк — настолько по-разному смотрят на эволюцию человеческих ценностей и настолько по-разному реагируют на эту тему, что заставляют взглянуть на собственные аргументы с совершенно иных точек зрения» (с. 357). Практически единственное сомнение в своей теории, которое Моррис счел обоснованным, состоит в том, что любая крупномасштабная модель, как и любой идеальный тип, при проверке действительностью обнаруживает массу исключений. Моррис подчеркивает, что не претендовал на репрезентативную выборку обществ, стоящих на разных этапах извлечения энергии (что невозможно), а описываемые ценности — номинальные, а не количественные данные, т. е. их можно охарактеризовать в формате эссе, но не ранжировать или измерить в зависимости от способа извлечения энергии (такая возможность появилась в эпоху опросов общественного мнения, но и социологические мониторинги часто дают «причудливые результаты» в виде «поучительных аномалий»). Книга — «эссе, написанное в духе рекомендаций Гирца: выдвигающее предположения, но не демонстрирующее корреляций, опирающееся на хорошо обоснованные обобщения качественного плана, сделанные в антропологии, археологии и исторической социологии» (с. 62). Впрочем, в последней главе, отвечая на критику, Моррис отстаивает свои взгляды с куда большим пылом, чем можно было бы ожидать после подобных предупреждений читателя в начале работы.

Ответ критикам автор выстраивает следующим образом: его оппоненты не оспаривают две предпосылки его теории — что существует несколько ключевых ценностей, глубоко безразличных почти всем людям, и что они являются адаптивными признаками, возникшими в ходе биологической эволюции, — а значит, не могут

оспаривать утверждения (три стадии человеческой истории и факторы, таковые объясняющие), которые из этих предпосылок вытекают. Так, критику причинно-следственной связи между масштабами общества и иерархией Моррис объясняет не неверностью своей концепции, а недостаточно четким описанием этой связи на микро- и макроуровне. Он признает, что «в большей степени виновен в излишне сжатой аргументации, чем в ошибках и путанице» (с. 398), и уточняет ряд положений своей теории, например, трактовку биологической эволюции, в ходе которой «мы приобрели способность использовать иерархию и насилие в тех или иных масштабах в зависимости от встающих перед нами проблем. Когда нам больше всего годится иерархия, мы иерархичны; когда иерархия неэффективна, мы обходимся без нее. Мы постоянно экспериментируем, и те индивиды и группы, которым удалось сделать верный выбор, процветают, а те, кому это не удалось, — погибают» (с. 395). Аргументация автора здесь понятнее, но не убедительнее: вопрос о том, каковы критерии эффективности и для кого именно выбор оказывается верным, остался без ответа. Моррис признается: «не уверен, что мне удалось убедить возражавших в моей правоте, тем более что они не сумели доказать мне, что я ошибаюсь. Однако они, безусловно, заставили меня более серьезно и по-новому обдумать мои идеи и внушили мне новые идеи и мысли о новых книгах, которые мне хотелось бы написать. С точки зрения исследователя, едва ли можно надеяться на что-то большее» (с. 452).

Тор Хэнсон полагает, что «научное исследование — это, как правило, монотонная однообразная работа, перемежаемая краткими, редкими моментами восторга и открытий» (с. 31), причем «наука не столько обнаруживает новые факты, сколько «открывает новые способы их объяснения»» (с. 83). Эти два утверждения прекрасно характеризуют обе книги. Они не предлагают читателю поразительных новых открытий из сферы биологии или антропологии, но заставляют задуматься о том, столь ли убедительны и безальтернативны те модели объяснения социальной истории, которые мы привыкли воспринимать как единственно возможный исторический нарратив. Обе работы категорически нельзя просматривать по вертикали (с «Триумфом семян» это в принципе может получиться, а с «Собирателями, земледельцами и ископаемым топливом» однозначно нет), а нужно внимательно читать и размышлять о прочитанном, и такое вдумчивое чтение не оставит читателя без награды — радости от лучшего понимания весьма сложных вещей, в частности, взаимосвязи биологического и социального.

Однако следует предупредить читателя о необходимости сохранять критическую отстраненность и не поддаваться увлечению идеально-упрощенными (в веберовском смысле) схемами Морриса, которые, например, наводят на мысли, что крестьянства сегодня нет и быть не может, потому что закончилась эпоха земледельцев, а значит, свойственные ей хозяйственные практики, социальная органи-

зация, образ жизни и ценностные приоритеты просто невозможны (или маргинальны); или что политическая пассивность российского населения и высокое доверие высшей власти при пессимистично-критичном восприятии ее среднего и низового уровней — пережитки мировоззрения земледельческого сообщества (Россия слишком долго была аграрной страной), в частности, «консервативная модернизация» («восстановление стандартов, по которым жили предки») и усмотрение сути всех проблем «не в существовании политической или экономической иерархии, а в злоупотреблениях порочных людей» (с. 156). Эти и аналогичные объяснения очень привлекательны в силу своей простоты, но это не значит, что их следует принимать и увлеченно отстаивать. Иными словами, помимо тех критических замечаний, которые Моррис поместил в тексте, не следует приписывать его концептуальным построениям больше далеко идущих импликаций, чем уже содержатся в книге.

Biological, social and moral in the logic of history, or whether or not there is peasantry in the contemporary world

Review of the book: Morris I. Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve. Ed. and with an introduction by S. Macedo; with comm. by R. Seaford, J.D. Spence, C.M. Korsgaard, M. Atwood. Transl. from English by N. Edelman. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2017. 488 p. [and review of the book: Hansen T. The Triumph of Seeds. How Grains, Nuts, Kernels, Pulses, and Pips Conquered the Plant Kingdom and Shaped Human History. Trans. from English by N. Maisuryan, A. Olefir, ed. by V. Bologova. Moscow: Alpina non-fiction, 2018. 374 p.]

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Fundamental Sociology Higher School of Economics, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

**«...Жить единым человеческим общежитием»,
или Теория общины**

Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: ЛЕНЛАНД, 2016. — 480 с. ISBN 978-5-9710-3745-3

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-179-187

Фраза из известного стихотворения Маяковского вынесена в заголовок этой рецензии недаром. Стихотворение настолько известно, что многие из людей моего поколения, думаю, знают его наизусть. Оно входило в школьную программу в советское время. А весь фрагмент, из которого выдернуты эти слова, просто искрит энергетикой революционной романтики: «Мы живем, зажатые железной клятвой./За нее — на крест, и пулею чешите:/это — чтобы в мире без России, без Латвий,/жить единым человеческим общежитием». Мне просто хотелось с самого начала этого разговора о сельской крестьянской общине, на который провоцирует монография Л.Б. Алаева, подчеркнуть, насколько интересными были в 20-е годы прошлого века воззрения на будущее общечеловеческой цивилизации таких апостолов теории прогресса, как «марксисты-ленинцы». Нельзя не отметить, что и сегодняшние «общечеловеки» с их глобально-экономическими взглядами обеими руками проголосуют за «мир без России, без Латвий», в котором все будет сделано по уму «невидимой рукой рынка». И для меня это — повод лишний раз прокричать со страниц своих публикаций о том, что невелика разница между советским «марксизмом» и западным антикоммунизмом, как бы ни бросалась она в глаза чисто внешне. Обе идеологии — суть две ипостаси теории общечеловеческого прогресса. А вот разница между ними обеими, с одной стороны, и методологией крестьяноведения — с другой, принципиальна.

Монография Л.Б. Алаева создает очень хорошую возможность для разъяснения этой отнюдь не бесспорной и не очевидной, но все-

таки истины. У Т. Шанина в глубоком исследовании, посвященном крестьянской революции в России¹, есть комментарий по поводу стремительного перехода в 1990-е годы многих российских историков и обществоведов («из ярых марксо-прогрессистов в не менее завзятые рыночно-прогрессисты»). Он объясняет это как раз тем, что и то и другое — не более чем вариации на тему прогресса². А теория прогресса к крестьянам и их общинным организациям склонна относиться снисходительно. Мол, если и есть в социальной практике человечества что-нибудь допотопное, отжившее, пережиточное, то это именно оно. Мне понадобилось в данном контексте в который раз апеллировать к остроумным замечаниям Шанина, чтобы сказать главное и сразу: с моей точки зрения, Л.Б. Алаев подвергает уничтожающей критике «марксо-прогрессизм» в столь нескучном вопросе, как крестьянская община, с позиций «рыночно-прогрессизма». А это похоже на выстрел себе же в ногу. Но теперь, выдав этот общий вердикт, я попробую подробнее поговорить о некоторых деталях.

Леонид Борисович Алаев, несомненно, является настоящим экспертом в проблематике сельской общины. Его владение литературой, как русскоязычной, так и зарубежной, вызывает большое уважение. А его критика даже не марксизма, а именно самого К. Маркса в этом вопросе составляет, по-моему, самые блестящие страницы рецензируемой книги. Так, поймав классика на противоречии между его взглядами, высказанными в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» и обнаруженными в набросках письма к Вере Засулич, он пишет (и не согласиться с этим невозможно): «Советские марксисты испытывали большие трудности с использованием Марксовой схемы эволюции общины. Ею нельзя было пользоваться, но ее нельзя было и отбросить. ...Основная трудность заключалась в том, что — по определению — все слова Маркса являются абсолютной истиной, но в его работах, как мы видели, отражены разные концепции эволюции общины. Эта трудность преодолевалась в основном разведением разных цитат в зависимости от тематики. Когда речь шла о конкретной стране и конкретных общинах, использовалась схема из набросков письма к Вере Засулич, а когда шли разговоры о всемирной истории, о Западе и Востоке, об «азиатском способе производства» и прочих высоких материях, то исследователи обращались к «Формам, предшествующим...»» (с. 36).

И вот тут, кажется, ученый загоняет себя в ловушку. Он обнаружил явное жульничество и не мог не возмутиться, как и мы сейчас

1. Некоторые крестьяноведы пишут об «общинной революции», но здесь нет противоречия, т.к. в крестьяноведении слова «крестьяне» и «община» — в известном смысле являются синонимами (см.: *Люкшин Д.И.* (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.)
2. *Шанин Т.* (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг.: Пер с англ. М. С. 17.

задним числом возмущаемся, понимая, насколько он прав по отношению к советской историографии. Ловушка в том, что, критикуя марксизм, необходимо было нащупать под ногами какую-то твердую почву — в виде антимарксизма. И автор не нашел ничего более пригодного для этого, чем антикоммунизм, то есть рыночно-либеральная доктрина. Он обратился к полемике между отечественными историками-аграрниками и соотечественниками Маркса из «констанцской исследовательской группы»³, тяготея к последним, поскольку они разоблачали общинные иллюзии классика. Алаев упоминает об этом на первых же страницах введения, которое он задиристо озаглавил «О том, что все знают», намекая, что общепризнанные и широко распространенные взгляды на крестьянскую общину составляют ложное знание, а настоящее, адекватное знание — удел немногих. «Нельзя сказать, что у меня нет солидных союзников, — пишет в этой связи автор. — Это, во-первых, великий французский историк Фюстель де Куланж (1830–1889), у которого я заимствовал, в частности, формулировку, ставшую заглавием данной книги (“Община — роман, вставленный в историю”), это, во-вторых, целая плеяда немецких историков, разложивших так называемую “общинную теорию”, если можно так выразиться, “по камешкам” и показавших, что она не только не верна, но — еще того хуже — сводит богатую аграрную историю Германии в хилый теоретический ручеек» (с. 9). Там есть и «в-третьих», и «в-четвертых» — например, Н.П. Павлов-Сильванский, чье имя «известно, но его идеи искажаются, а затем критикуются» (с. 10)⁴. Эта фраза озадачивает: а может быть, и я предварительно искажаю идеи Л.Б. Алаева для удобства критики? Отгоняя от себя эту мысль, здесь лишь выражу сожаление, что историк, готовясь занять свою единственно верную теоретическую позицию по сельской общине (и, похоже, раз и навсегда), углядел совершенную правоту немецких критиков Маркса, напрочь отказав в какой бы то ни было основательности аргументации их российских оппонентов, например, В.П. Данилова⁵. В последнем он видел адепта «марксизма-ленинизма» по аграрному вопросу (с. 12, с. 130–131), но это ошибка. Иначе

3. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). / Под ред. В.В. Бабашкина. М. С. 320.

4. О критике идей Н.П. Павлова-Сильванского см.: *Эммонс Т.* (2018). Проблема «особого пути» России в позднеимперской историографии // «Особый путь»: от идеологии к методу. М. С. 159–165.

5. По мнению В.П. Данилова, исследования «констанцской группы» сводились к попыткам «представить развитие сельской общины в целом (равно в Европе, в России, в Индии...) в виде “дискретного”, т. е. прерывистого процесса, выражающегося в том, что общинные организации периодически возникали и исчезали, не будучи связаны между собой ни генетически, ни сущностно». А их оппоненты «в ответ говорили о том, что из исследований “констанцской группы” вовсе не следует вывод ни об отсутствии сельской общины у германцев до XII–XIII вв., ни об отрица-

не было бы в отечественной аграрной историографии рассыпанного набора в издательстве «Мысль» в 1966 году подготовленного под руководством Данилова двухтомника «Коллективизация сельского хозяйства в СССР»⁶. Иначе не была бы без объяснения причин закрыта в 1976 году работа руководимой Даниловым секции «Общинные организации сельского населения» Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы⁷.

Иначе не принялся бы с таким энтузиазмом В.П. Данилов вместе со своим английским коллегой и другом Т. Шаниным за организацию регулярной работы международного междисциплинарного теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития». Вот это была настоящая оппозиция вульгарному марксизму по аграрному вопросу. Цель семинара — ознакомить российскую научную общественность с тем, что к тому времени (самое начало 1990-х годов) на Западе уже имело по меньшей мере тридцатилетнюю историю развития под названием *Peasant Studies*, — с теорией и историей обществ аграрной цивилизации. По понятным причинам ничего подобного в советском обществоведении развиваться не могло, ибо данный методологический подход содержит совершенно иной взгляд на сельскую общину по сравнению с марксизмом — как с вульгарным советским, так и аутентичным. Нельзя сказать, что эта цель семинара достигнута вполне, поскольку многие коллеги, которым, казалось бы, это необходимо, продолжают, что называется, «в упор не видеть» в современной отечественной аграрной литературе того, что с легкой руки одного из самых авторитетных участников *всех* пятнадцати заседаний семинара А.В. Гордона получило название «крестьяноведение». Однако это, убежден, дело времени⁸.

Много усилий, к примеру, приложили Марченя и Разин, поддержанные коллегами и единомышленниками из РГГУ, чтобы организовать 5 марта 2018 года на площадке этого университета Всероссийскую научно-практическую конференцию «Крестьянство в истории XX века: Восток, Запад, Россия». На секции, посвященной российским аграрным сюжетам, выступил Л.Б. Алаев с изложением того, что, по его мнению, мало кто знает да никто особенно и не желает знать из истории крестьянской общины в России.

нии родства марки и более ранних форм общины» (Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 320.

6. См.: *Кондрашин В.В.* (2013). Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки*. Т. 8. М.

7. См.: *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* (2015). С. 322–323.

8. См.: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки*. 2012. М., 2012. С. 376.

Он уверенно высказался против того общепринятого взгляда, согласно которому сельская община существовала у наших предков ровно столько, сколько существуют сами мелкие сельские земледельцы, и представляет собой естественную форму их социальной организации. На самом деле, говорил он, крестьянская передельная община с круговой порукой в вопросах выполнения тягла создавалась вотчинниками и помещиками не ранее XVII–XVIII веков. А в XIX веке к этому делу подключилось государство, резонно полагая вслед за крупными земельными собственниками, что община — очень удобная форма организации, позволяющая усилить экономическую эксплуатацию крестьянства почти беспредельно. Честно говоря, на соответствующих страницах «Романа, вставленного в историю» мне не удалось обнаружить какие-либо аргументы и факты в пользу такого взгляда на вещи. Аргументация осуществляется по принципу «мое слово против твоего слова». Так, в одном месте автор резюмирует: «Материалы свидетельствуют, что не уже сложившаяся община попадала во власть помещика, а помещики создавали общину из попавших в крепостную зависимость от них крестьян» (с. 106). Между тем, если посмотреть на приводимые в этой связи в рецензируемой монографии материалы под углом зрения крестьяноведения, они могут запросто засвидетельствовать и нечто совсем иное. По-видимому, людям определенных теоретических и политических убеждений удобнее, комфортнее полагать, что в аграрной истории стран Западной Европы и России значительно больше общего, нежели об этом говорят и пишут исследователи, фокусирующиеся на российской специфике, на «особом пути» России. И в первую очередь такой теоретический подход, естественно, затрагивает наиболее массовую, масштабную историческую реальность в вопросе о том, к какому типу ведения хозяйства тяготели наши крестьянские предки — к общинному или частновладельческому.

На это выступление Алаева на конференции в РГГУ жестко и эмоционально отреагировал известный специалист по народнической литературе второй половины XIX века В.В. Зверев. Он подчеркнул, что претензия на научную оригинальность в данном случае совершенно неуместна, поскольку заявленная теоретическая позиция — не более чем воспроизведение популярной когда-то полемики между историком-государственником Б.Н. Чичериным и историком-почвенником, приверженцем идеи «особого пути» России И.Д. Беляевым. Кстати сказать, Маркс очень интересовался содержанием этих споров и даже просил одного из постоянных своих корреспондентов переводчика на русский язык «Капитала» Н.Ф. Даниельсона держать его в курсе. С тех пор, по словам Зверева, в историографии сделано немало в подтверждение того, что позиция Беляева тогда была существенно ближе к исторической реальности. Так что возвращение к той прежней постановке вопроса под видом некой научной новизны вряд ли имеет смысл. О том, что

В.В. Бабашкин
«...Жить единым
человечьим обще-
житьем», или Тео-
рия общины

делалось в этом направлении в исторической науке, говорил в 1994 году В.П. Данилов на заседании семинара по обсуждению монографии классика *Peasant Studies* Р. Редфилда «Малое сообщество. Крестьянское общество и культура». Вспоминая в подробностях работу секции «Общинные организации сельского населения» на XIV сессии Симпозиума по аграрной истории в Гродно 25–29 сентября 1972 года, он, в частности, сказал: «По сути, мы тогда возвратились к старым спорам времен Беляева — Чичерина, однако это возвращение положило начало их преодолению. В основе старых споров лежало характерное сведение признаков общины к “обязательной уравнительности наделов”, сословной замкнутости и круговой поруке⁹, а следовательно, трактовка общины как именно поземельной организации. Гродненская дискуссия содействовала более широкому пониманию общины не только как поземельной (и шире — социально-экономической) организации, но и организации местного самоуправления, сохранявшей демократические начала даже будучи интегрированной в систему государственного управления.

Традиционное культурно-бытовое единство придавало общине законченность целостного “мира”, охватывающего все стороны жизни его членов. Можно сказать, что тогда, в дискуссиях первой половины 1970-х годов, мы пришли к пониманию того универсализма общины как социальной организации сельского населения, которое с такой полнотой и системностью изложил в своей работе Р. Редфилд¹⁰. Стоит ли удивляться тому, что работа секции в административном порядке была свернута? Ведь такой взгляд на характер организованности и самосознания российского крестьянства как огромного большинства населения страны был чреват существенными поправками к логике сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», в которую, как в прокрустово ложе, была загнана советская историография — даже и после хрущевских разоблачений на XX съезде партии. Наиболее красноречивым примером в подтверждение этого может служить грандиозный документально-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», осуществлявшийся под руководством Данилова и Шанина¹¹. То обстоятельство, что с учетом научных результатов этого проекта по всем швам трещит идеологический шаблон Великой Октябрьской социалистической революции, — победы. В 1990-е годы идейно-политическое руководство страны в любом случае как-то должно было от него избавляться. А вот то, что сегодняшний паллиатив — Великая российская революция 1917 года

9. *Ключевский В.О.* (1908). Курс русской истории. Ч. II. М. С. 378.

10. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 321–322.

11. См.: *Кондрашин В.В.* (2014). Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара. С. 341–347.

(ВРР) — так же плохо совмещается с представлениями о самоорганизованной длительной и упорной крестьянской общинной революции, это уже серьезнее. Так, в пресловутом едином школьном учебнике истории два параграфа посвящены ВРР — о Феврале и об Октябре 1917 года (напоминает попытку впрячь в одну телегу коня и трепетную лань). И там речь о чем угодно, только не о майском съезде крестьянских и солдатских депутатов. Более того, известные 242 крестьянских наказа все-таки вскользь упоминаются. Однако они, оказывается, поступили в адрес I съезда Советов (?!)¹².

В этой связи вспоминается другой школьный учебник русской истории для средних школ. Он был создан в результате долголетней педагогической деятельности выдающимся представителем государственной школы в отечественной историографии С.Ф. Платоновым. Изданный двумя частями в 1909–1910 годах, он сразу и заслуженно стал самым популярным школьным учебником истории в России. Наверное, он сложноват для школьников нынешнего «поколения ЕГЭ», но написан таким хорошим языком и настолько качественно с научной точки зрения, что не удержусь и выскажу крамольную мысль. Зачем было затевать всю эту чехарду с тремя линейками единого школьного учебника, если можно было просто переиздать этот великолепный труд, закрывающий главные сюжеты отечественной истории по эпоху Александра III включительно?

Как мы помним, Зверев попенял Алаеву не только за обращение к старой полемике как якобы новому слову в науке, но и за солидарность с позицией государственника Чичерина. А ведь в учебнике государственника Платонова интересующий нас исторический сюжет излагается в полном соответствии с теми мыслями об общине, которые в том споре озвучивал почвенник Беляев¹³. Причем Платонов самой судьбой своей показал, что русский историк может быть не только теоретиком, но и практиком государственности. Собравшись было к 1917 году на покой, он после большевистского переворота увидел не только угрозу российской государственности, но и большие перспективы ее укрепления, и счел своим гражданским долгом встать «в ряды повседневных работников»¹⁴. В 1920 году он — действительный член Академии наук, в 1929 году — академик-секретарь отделения гуманитарных наук АН СССР. Своей профессиональной и общественной деятельностью Платонов внес весомый вклад в развитие отечественной государственности. Но что мне представляется особенно важным, он тем самым подкрепил убеждение автора знаменитой монографии «Рос-

12. История России. 10 класс (2017). Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / [М.М. Горинев, А.А. Данилов, М.Ю. Морозов и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение. С. 44.

13. Платонов С.Ф. (1996). Учебник истории для средних школ. Петрозаводск: Корпорация «Фоллум-норд». С. 130–134.

14. Брачев В.С. (2006). Травля русских историков. М. С. 35.

сийские крестьяне и Советская власть» М.Л. Левина в совершенной необходимости в нашей исторической науке того, что можно назвать «смыканием периодов»¹⁵.

Дело в том, что обе упомянутые выше разновидности теории прогресса единодушно полагают год 1917-й чем-то вроде водораздела в российской истории. Это либо прорыв в светлое будущее («марксо-прогрессизм»), либо уродливое отклонение от нормы с последующей необходимостью к этой норме возвращаться («рынок-прогрессизм»). Но для крестьяноведения важнее другое: и в тот бурный год, и в последующие годы продолжилась тысячелетняя история общинно-крестьянской России. Как говорил М.Л. Левин о времени коллективизации, «крестьянство ушло в историю, но это как раз то прошлое, которое очень мощно влияет (чтобы не сказать “давит”) на настоящее — через культуру, тип личности и социальную психологию советских людей»¹⁶. Увы, для людей, мыслящих, как Алаев, это — чушь, иллюзия. Об общинных архетипах соотечественников они и речь не введут. Автор «Романа, вставленного в историю» пишет, что к лету 1932 года все земельные общества прекратили свое существование, а главу под названием «Русская община как базис раздумий о судьбах Родины» завершает следующим образом: «Так возникла, расцвела и погибла русская община, оставив послевкусие, достаточное для длительного жевания» (с. 130-131). Что ж, как говорится, «пожует — увидим».

Добавлю лишь, что в рамках этого «жевания» в начале нового тысячелетия развивалась настоящая драма, связанная с именем видного исследователя общинной истории средневековой Руси И.Я. Фроянова. Как пишет автор его научной биографии В.С. Брачев, «разработанная им концепция общинного строя Киевской Руси позволяет по-новому взглянуть на историю России — эта концепция показывает, насколько сильными оказались в нашем народе заложенные в нем еще в глубокой древности общинные, коллективистские, демократические начала: мирская поддержка, взаимопомощь, стремление к равенству и справедливости, негативное отношение к стяжательству и корыстолюбию»¹⁷. В 1997 году ученый опубликовал работу, связанную с осмыслением судеб Родины в XX веке¹⁸, содержание которой непосредственно связано с его историко-социальными убеждениями и созвучно тому, что выше обозначено.

15. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 312.

16. Там же. С. 311. См. также: *Бабашкин В.В.* (1996). Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН. С. 276–284; *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* (2016). Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 216–234.

17. *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 204–205.

18. *Фроянов И.Я.* (1997). Октябрь семнадцатого. (Глядя из настоящего). СПб.

но как «крестьянская революция в России». За это и за изданную двумя годами позже монографию «Погружение в бездну»¹⁹ историк подвергся травле в отечественной либеральной («демократической») прессе, результатом которой стал его уход с должности декана исторического факультета Санкт-Петербургского университета (2001) и с должности заведующего кафедрой русской истории (2003). При этом, по свидетельству Брачева, «несмотря на оголтелость нападок на И.Я. Фроянова, даже злейшие недруги его были вынуждены ограничиться критикой работ ученого исключительно по новейшей истории России, молчаливо признавая тем самым неизбежность его вклада в разработку истории Древней Руси как автора оригинальной концепции о доклассовом и общинном характере ее общественного и государственного строя»²⁰.

Я не уверен в том, насколько готов к такому молчаливому признанию автор «Романа, вставленного в историю». У него есть отличное, глубокое определение того, что есть сельская община (с. 17-18). Однако применение этого определения как инструмента для проведения широкого историко-сравнительного анализа Л.Б. Алаев полагает некорректным и неуместным. Именно такие вещи он и называет «романом об общине» (с. 52-53) в западноевропейском смысле этого слова — беллетристика, выдумка, *fiction*. Но ведь есть у нас великие литературные произведения об общине, напрочь опровергающие этот смысл слова «роман». «Устои» Н. Златовратского, «Деревенские будни» его же, «Письма из деревни» А. Энгельгардта, «Власть земли» Г. Успенского — это всего лишь первое, что приходит в голову. Назвать беллетристикой все эти произведения мыслителей, свидетельствующие о присутствии у наших соотечественников того, что в *Peasant Studies* давно уже называют «моральной экономикой крестьянства», как-то язык не поворачивается. Впрочем, это уже тема для отдельного большого разговора.

“A human coexistence way of life”, or a theory of the rural community

Vladimir Babashkin, Professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

19. *Фроянов И.Я.* (1999). Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб.

20. *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 200.

Китайско-российская конференция «Сельское возрождение»

А.А. Куракин

*Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: chto-delat@yandex.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-188-197

5–6 мая 2018 года в Пекине в Колледже гуманитаристики и исследований в области развития (College of Humanities and Development Studies) при Китайском сельскохозяйственном университете прошла совместная конференция китайских и российских исследователей сельской проблематики. Собрались представители гуманитарного знания: экономисты, географы, социологи. Название конференции на русском звучит несколько пафосно и немного сбивает с толку. Английское слово «revitalization», которое использовали китайские коллеги, можно перевести не только как «возрождение», но и как «оживление», «активизация». Именно последнее значение было в центре внимания совместной встречи, поскольку о возрождении имело бы смысл говорить, если бы сельское хозяйство обеих стран лежало в руинах, что на сегодняшний момент преувеличение даже для России.

Китайские коллеги подошли к делу по-китайски щепетильно и ответственно, они добились переключки выступлений российских и китайских докладов.

В конце первого дня конференции был зачитан почетный доклад Александра Никулина (РАНХиГС) «Чаянов и марксисты», который стоял немного вне основной повестки, — это была дань традиции Колледжа приглашать зарубежных исследователей с докладами по их «любимой» теме.

В целом же доклады можно сгруппировать по семи тематикам, которые и представлены ниже.

1. Сельскохозяйственное развитие Китая и России: экономические и пространственные тренды

Несколько докладов представляют собой обзоры положения в сельском хозяйстве и на сельских территориях России и Китая.

Доклад *Алексея Наумова* (факультет географии МГУ) был посвящен региональным аспектам модернизации и инновационного развития сельского хозяйства в России и за рубежом. Автор обратил внимание на географическую концентрацию сельского хозяйства как источник глобальной дифференциации в сельскохозяйственном развитии. Он насчитал 100 специализированных сельскохозяйственных регионов в мире, которые производят существенную долю ключевых сельскохозяйственных культур. Дело не только в том, что на пять стран — лидеров в производстве соответствующей культуры приходится 53% произведенной пшеницы, 70% риса, 68% кукурузы и 88% сои, но и в том, что внутри этих стран производство специализировано. Так, указанные объемы пшеницы, риса и кукурузы произвели чуть более 20 специализированных регионов, а сои — вообще только 9. В своем докладе Наумов осветил роль науки и технологий в успешном развитии сельского хозяйства на примерах колонизации южноамериканских саванн, деятельности корпорации ЭМБРАПА в Бразилии, описал географию модернизации сельского хозяйства в России и перспективы инновационного развития сельского хозяйства в суровых условиях Севера.

Евгения Серова (ФАО) рассказала о факторах устойчивости российского сельского хозяйства. Так, ряд общемировых тенденций препятствуют созданию устойчивого сельского хозяйства, среди них: 1) потепление климата, 2) деградация почв, 3) избыточная нагрузка на природные ресурсы и зачастую неэффективное их использование, 4) ускоренная урбанизация. Помимо вышеуказанных проблем для российского сельского хозяйства характерны: 1) нестабильность урожаев, 2) технологическое отставание и низкий уровень вложений в исследования и разработки, 3) слабое участие в мировых цепочках добавленной стоимости, 4) не до конца решенные вопросы качества продовольствия, 5) нестабильная аграрная политика. Также Россия не избежала мировой проблемы несбалансированной диеты, которая приводит к ожирению, диабету и прочим заболеваниям. Среди положительных факторов автор отмечает внимание, которое российские аграрии уделяют вопросам беспашотного земледелия и точного сельского хозяйства.

Цисонг Ду (Национальная академия экономической стратегии) представил обзор сельскохозяйственного развития в Китае. Стратегия сельского возрождения была принята на XIX съезде Коммунистической партии Китая. С 1978 года, когда начались реформы в Китае, прошло уже 40 лет. За это время китайское сельское хозяйство добилося значительных результатов:

1) Резко выросли объемы сельскохозяйственного производства. Выросло производство таких основных сельхозпродуктов, как зерновые (рис, кукуруза, пшеница), хлопок, масличные культуры, сахар, мясо, молоко, яйца, фрукты и овощи. В животноводстве все возрастающую роль играют крупные механизированные животноводческие фермы, которые дали бешеный рост производительности. Начиная с 1980-х годов ежегодный рост производства яиц составил

в среднем более 28%, мяса (всех видов) — более 16%. Молоко стало фактически новым продуктом китайского сельского хозяйства, его производство стартовало в 1980-х годах практически с нулевой отметки, после чего темпы ежегодного его прироста в среднем составили более 82%. Производство рыбы и морепродуктов также росло почти на 39% в год, правда, прежде всего за счет искусственного разведения, а не вылова.

2) Доля растениеводства в структуре сельскохозяйственного производства упала, тогда как доля животноводства и рыболовства (в т.ч. рыбоводства) выросла.

3) Вырос уровень сельскохозяйственной механизации (в 5,6 раза), увеличилась площадь орошаемых земель, уменьшилась площадь земель, подверженных затоплению, заболачиванию и засухе.

4) Новые крупные сельхозпроизводители капиталистического типа вытесняют традиционных мелких фермеров. Эти новые сельхозпроизводители зачастую остаются семейными фермерами, но они стремятся к укрупнению и аккумуляции земель. На руку этим фермерам играет то, что движение сельхозземель в Китае происходит достаточно оперативно.

5) В сельском хозяйстве постоянно возникают новые индустрии: например, быстрая интернетизация или расцвет сельского туризма.

6) Сельское хозяйство Китая становится все более открытым по отношению к внешнему миру. Товарооборот сельскохозяйственной продукции за последние 20 лет резко вырос, причем как экспорт, так и импорт. При этом импорт растет опережающими темпами, так что сейчас Китай больше покупает, чем продает, хотя еще в начале 2000-х годов экспорт и импорт были примерно равны. Существенно выросли прямые иностранные инвестиции в китайский сельскохозяйственный сектор. С некоторым запозданием, но наметилась и противоположная тенденция, когда уже китайские предприятия стали инвестировать в сельское хозяйство зарубежных стран, преимущественно Южной Америки и Африки.

7) Выросли доходы сельхозпроизводителей и покупательная способность сельского населения, причем этот рост происходит более быстрыми темпами, чем рост доходов горожан.

Докладчик перечислил и проблемы, с которыми сталкивается сельское хозяйство страны:

1) Множественные риски: продовольственная безопасность (как обеспечение продуктами питания, так и безопасность (экологичность) самой продукции), зависимость от импорта семенного материала, экологические проблемы.

2) Рост издержек производства и уменьшение нормы прибыли, что уменьшает конкурентоспособность продукции китайского сельского хозяйства на мировых и внутренних рынках.

3) Уменьшение отдачи от новых технологий в сельском хозяйстве.

4) Кадровые проблемы на селе

В качестве перспектив развития профессор Ду отметил следующие:

1) Построение системы сельхозпроизводителей, которая бы органично включала в себя традиционное крестьянское хозяйство, семейных фермеров, агробизнес и сельскохозяйственные кооперативы.

2) Расширение сферы услуг для сельхозпроизводителей за счет кооперативов и специализированных компаний.

3) Упрощение циркуляции сельскохозяйственных земель от традиционных крестьянских хозяйств к семейным фермерам.

4) Реформирование политики субсидирования. Речь идет об уменьшении субсидий на мероприятия, которые подрывают устойчивое развитие сельского хозяйства (химикаты, добыча воды из глубоких подземных слоев и т. д.), перенаправление субсидий специализированным производителям зерновых.

5) Ужесточение контроля для защиты сельскохозяйственных земель.

6) Создание стимулов для развития экологического сельского хозяйства.

7) Увеличение импорта продукции, которая требует большой нагрузки на землю, а также расширение инвестиций в сельское хозяйство зарубежных стран.

8) Повышение эффективности исследований и разработок в сельском хозяйстве.

9) Оптимизация механизма ценообразования на продукцию сельского хозяйства.

Шунг Лю (Китайский народный университет) подробно осветил ситуацию с коллективной собственностью на землю в Китае. Без этого просто невозможно понять сельские реалии Китая, вопрос достаточно специфический, с множеством деталей и нюансов. Коллективная собственность, роль государства, местных сообществ и производственных команд, реформы конца 1970-х — начала 1980-х годов, аренда земли, появление семейных фермеров — хитросплетения всех этих реалий, событий и перемен являются тем базисом, с которого приходится начинать изучение сельского Китая.

А.А. Куракин
Китайско-рос-
сийская конфе-
ренция «Сельское
возрождение»

2. Продовольственная безопасность и продовольственное обеспечение

Наталья Шагайда (РАНХиГС) рассказала о вопросах продовольственной безопасности в России после введения продовольственного эмбарго в качестве ответных санкций против ряда стран Евросоюза и Северной Америки. Она подчеркнула разницу между определением продовольственной безопасности как физической и экономической доступности продовольствия для населения (согласно ФАО) и российской доктриной продовольственной безопас-

ности, где последняя понимается в первую очередь как продовольственная независимость страны от импортных продуктов питания. Продовольственная независимость России была успешно достигнута (за исключением молока и овощей, где наблюдается не столь уж значительное отставание от целевых показателей). Также улучшается сальдо экспорта-импорта (экспорт стабильно растет, а импорт резко сократился после введения эмбарго). В потреблении продуктов питания также нет серьезных трудностей, причем структура потребления год от года улучшается. Но отдельные проблемы все-таки остаются. Во-первых, снизившиеся доходы населения привели к сокращению потребления продуктов питания. Этому способствовали и выросшие цены. Во-вторых, если оценивать потребление продуктов питания в целом, то действительно острых проблем нет, но если рассмотреть отдельно низкодоходные слои населения, то картина будет иная. Группы с низким доходом не могут позволить себе покупать рекомендованный набор продуктов питания и потребляют слишком мало калорий. Иными словами, они не имеют экономического доступа к нормальному продовольственному рациону.

Кевин Чен (Международный институт исследований продовольственной политики) выступил с докладом о стратегии продовольственной безопасности в Китае. Китай в каком-то смысле находится на полпути от полуголодного существования в начале и середине XX века к продовольственному изобилию развитых стран. С одной стороны, производство сельскохозяйственной продукции резко увеличилось и перекрывает рост населения (который, кстати, фактически прекратился). Увеличение производства сельхозпродукции происходило не изолированно, а вместе с ростом экономики в целом, т. е. в русле так называемого китайского «экономического чуда», которое длится уже не одно десятилетие. С другой стороны, Китай все еще занимает второе место в мире по количеству недоедающего населения. Экономический рывок и институциональные преобразования вызвали следующие (отнюдь не уникальные для Китая) последствия:

1. Темпы экономического роста замедляются (быстрый рост не может быть вечным), а доля сельского хозяйства в ВВП неуклонно снижается по мере индустриализации страны.
2. Продолжаются процессы урбанизации и старения населения.
3. Идет усиление социального неравенства.

Экономический рост поставил Китай перед новыми вызовами (при еще нерешенных старых проблемах), связанными с несбалансированной диетой населения, которая ведет к заболеваниям. Частью данной проблемы является и общемировая тенденция к росту ожирения, которая не миновала и китайцев. Все это ведет к необходимости выстраивать продовольственную политику, ставя во главу угла достижение и поддержание сбалансированного питания населения.

Проблеме российского сельскохозяйственного экспорта и взаимодействию аграриев с налоговой службой был посвящен доклад *Александра Куракина* (НИУ ВШЭ и РАНХиГС). В попытке избавиться от схем необоснованного возмещения НДС (надо признать, действительно широко распространенной практики не только в сельском хозяйстве, но и в экономике России в целом) Федеральная налоговая служба попыталась изъять посреднические фирмы из цепочки движения сельскохозяйственной продукции от производителя до конечного потребителя. Было решено апробировать этот подход на экспортерах зерновых как наиболее крупных налогоплательщиках. Однако это могло серьезно затруднить экспортные поставки, поскольку, по мнению самих аграриев, посредники необходимы при доставке сельскохозяйственной продукции из удаленных регионов страны. В результате был запущен процесс переговоров бизнеса и налоговой службы, который привел к созданию так называемой «Аграрной хартии».

Доклад *Ижуи Хана* (Китайский сельскохозяйственный университет) касался торговли сельскохозяйственными товарами между Китаем и Россией. С 2001 года товарооборот сельскохозяйственной продукции между нашими странами неуклонно растет, сохраняя примерный паритет между экспортом и импортом (Китай поставляет России одни товары и примерно на эту же сумму закупает другие). Из России в Китай идут главным образом рыба и морепродукты, растительные масла и зерновые, а из Китая в Россию — фрукты, овощи, рыба и морепродукты. Хан отмечает взаимодополняемость сельскохозяйственных отраслей двух стран и из этого делает вывод о хороших перспективах увеличения товарооборота и сотрудничества двух стран. Он акцентировал внимание на тенденции к глобализации и торговой либерализации, а также международной кооперации в сельском хозяйстве в рамках правил ВТО. На наш взгляд, автор поспешил выделять данные тенденции как неизбежное будущее, поскольку в последнее время наблюдается нарастание протекционизма, введение санкций и даже торговые войны (несмотря на ВТО и прочие международные правила и соглашения). Однако это не отменяет перспектив взаимодействия на двусторонней или региональной основе. Так, он упомянул о возможности сотрудничества в рамках проекта нового шелкового пути и Евразийского экономического союза. Потенциал сотрудничества состоит не только в увеличении количественных показателей товарооборота сельскохозяйственной продукции, но и в качественном сотрудничестве в областях биотехнологии, информационных технологий, транспорта, что составляет будущее современного сельского хозяйства. Иными словами, речь идет не только об обмене произведенной продукцией, но о кооперации на всех стадиях сельскохозяйственного производства. Такая кооперация становится возможной, если уда-

А.А. Куракин
Китайско-рос-
сийская конфе-
ренция «Сельское
возрождение»

ется интегрировать двустороннюю торговлю и взаимные инвестиции. Здесь на первый план выходят межстрановые договоренности о зоне свободной торговли, гармонизации национальных законодательств, облегчающих взаимную торговлю и инвестиции, построении совместных информационных платформ.

4. Поселенческая структура и административно-территориальное деление

Ольга Глезер (Институт географии РАН) в докладе о соотношении поселенческой и муниципальной структуры в сельской России отметила их неадекватность друг другу и бессмысленность проводящихся почти непрерывно муниципальных реформ. Одним из последствий постоянного укрупнения муниципалитетов (в т.ч. присоединение сельских муниципалитетов к городским муниципальным округам) стало ослабление местного самоуправления, т.к. местные особенности и нужды конкретных сельских сообществ размываются из-за укрупнения и централизации.

Схожей теме на примере Китая был посвящен доклад *Дакаи Денга* (Нормальный университет Центрального Китая). В своем выступлении он призвал разделять административные функции и самоуправление и привел три примера реформ. В муниципалитете Синьюань (провинция Гуандон) так называемые «естественные» деревни получили права самоуправления, а изначальные административные единицы были разделены на зоны, в каждую из которых входило по несколько «естественных» деревень. В провинции Хунань, наоборот, произошло слияние деревень в более крупные административные единицы, права самоуправления здесь были переданы на уровень последних. Наконец, в Японии есть примеры, когда административные функции спускаются на уровень ниже, а функции самоуправления при этом поднимаются на уровень выше. Примеры Синьюаня и Японии докладчик считает успешными, тогда как пример Хунаня — провальным. Основную причину он видит в том, что при реформировании крайне важно найти баланс между администрированием и самоуправлением, который зависит от конкретных условий той или иной местности. Если уделять внимание только какому-то одному аспекту (как это было в Хунане), то реформы, скорее всего, приведут к негативному результату.

5. Проблемы стариков и молодежи на селе

Положению разных возрастных групп на селе в России и Китае было посвящено четыре доклада: три по теме старшего поколения (пенсионеров) и один по теме молодежи.

Дмитрий Rogozin (РАНХиГС) представил результаты социологического опроса сельских стариков (65 лет и старше) в России. Краткие выводы: 1) люди старшего поколения не обучаются, 2) не работают, 3) сохраняют семью, 4) не путешествуют, 5) испытывают постоянную физическую боль, 6) работают в саду или огороде, 7) поддерживают чистоту тела и одежды, 8) самостоятельно передвигаются.

Доклад *Янву Лиу* (университет Вухан) был посвящен классической (со времен Дюркгейма) социологической теме самоубийств. В данном случае изучались самоубийства сельских стариков в Китае. Результаты основаны на этнографическом исследовании 55 деревень в 11 провинциях, покрывающем случаи самоубийств с 1980 по 2009 год. Главный вывод состоит в том, что за последние годы резко выросло число самоубийств среди сельских стариков по мотивам, связанным с условиями жизни (социально-экономически или из-за болезни). И это происходило, несмотря на объективный рост благосостояния сельского Китая. Автор видит причину в резкой смене роли стариков в сельских семьях, когда из важного и востребованного члена семьи они стали превращаться в тех, кем можно пожертвовать. Их место заняли среднее и молодое поколение, а нужды стариков в экономической и медицинской поддержке отошли на задний план.

Янся Цан (Китайский сельскохозяйственный университет) затронула тему активного старения. Проблема старения для Китая становится довольно острой, особенно в сельской местности (доклад Янву Лиу о самоубийствах сельских стариков тому лишнее подтверждение). Стариков численно больше, значительная их часть страдает серьезными заболеваниями вплоть до физической недееспособности, многие из них живут одни, в бедности и социальной изоляции. На фоне общей негативной тенденции профессор Цан представила позитивный пример деревни Донлин в провинции Цзянсу, где реализуются принципы активного старения, основанные на безопасности, здоровье и участии стариков в общественной жизни.

Доклад *Лю Пан* (Китайский сельскохозяйственный университет) был посвящен тому, как современная китайская молодежь становится крестьянами. В связи с продолжающейся активной миграцией сельской молодежи в города данный вопрос вовсе не является праздным для современного Китая. Раскрестьянивание сельского населения в современных условиях скорее возможно через привлекательность жизни в сельской местности, нежели через привлекательность сельского хозяйства.

6. Сельская кооперация

Рената Янбых (РАНХиГС) рассказала о том, почему сельская кооперация нужна современной России и почему она никак не до-

бьется успеха. Она остановила свое внимание на молочной потребительской кооперации, т.к. на селе, несмотря ни на что, люди все еще содержат достаточно коров, чтобы было возможным создавать эффективные молочные кооперативы.

Чжиху Тонг (Китайский народный университет) проанализировал ведущиеся в Китае дискуссии о том, по какому пути развиваться фермерским кооперативам в стране: должны ли они быть специализированными или диверсифицированными. Экономические преобразования в Китае привели к сельскому расслоению и выделению из крестьянской массы фермеров, ведущих все укрупняющееся специализированное хозяйство. Для обслуживания интересов этих фермеров появились специализированные фермерские кооперативы, которые получили поддержку государства и стали бурно развиваться. Обратной стороной такого развития стало то, что данные кооперативы попали под контроль крупных фермеров, которые стали их использовать, ущемляя интересы мелких крестьян. По мнению автора, для мелких фермеров (особенно тех, кто лишь частично занят в сельском хозяйстве) необходимы кооперативы иного рода: те, которые предлагают диверсифицированные услуги, а не заточены под специализированное производство.

7. Альтернативы сельского развития

Александр Никулин (РАНХиГС) представил доклад об опыте аграрных преобразований в Белгородской области. Осуществляемую там аграрную политику действительно можно назвать альтернативной моделью развития сельского хозяйства и села в России, но аналогов в стране ей найти крайне сложно. Никулин подчеркивает, что проводимую на Белгородчине политику затруднительно тиражировать, т.к. она непосредственно связана с личностью губернатора Евгения Савченко, который бессменно руководит регионом почти 25 лет. Докладчик называет его политику «экономической революцией без культурной революции» (последнее придавало дополнительные смыслы сказанного для китайской аудитории). Социальную философию Савченко докладчик помещает на перекрестке между Столыпиным, Чаяновым, Лениным, Федоровым и Путиным. Экономические результаты Белгородской области впечатляют, причем развитие идет сразу по нескольким направлениям: 1) поддержка смешанного сельского хозяйства, где сосуществуют агрохолдинги, фермеры и кооперативы; 2) создание сельских социальных кластеров, делающих привлекательным сельский образ жизни; 3) симбиотические отношения между сельскохозяйственным производством и устойчивым развитием (например, большое внимание уделяется экологическим вопросам).

Доклад *Ли Чжоу* (Китайский народный университет) был посвящен практикам альтернативного сельского хозяйства в Китае.

Докладчик отметил, что наряду с очевидными успехами в сельском хозяйстве и борьбе с недоеданием в Китае остаются проблемы продовольственной безопасности, неустойчивости сельского хозяйства (в т. ч. загрязнение окружающей среды) и кризис сельского самоуправления. В качестве одного из возможных способов решить эти проблемы автор называет альтернативные продовольственные сети. Это альтернативные производственные практики (органическое сельское хозяйство, поддержание биоразнообразия, отказ от химикатов и т. п.), альтернативные ценности (локальный продовольственный суверенитет и безопасность, защита окружающей среды, честная торговля и т. п.), альтернативные рынки (прямые сделки между производителями и конечными потребителями). Автор приводит примеры того, как те или иные элементы альтернативного сельского хозяйства работают (пусть пока они являются скорее маргинальными) в современном Китае.

А.А. Куракин
Китайско-рос-
сийская конфе-
ренция «Сельское
возрождение»

China-Russia conference “Rural revitalization”

Alexander Kurakin, Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Senior Researcher at the Higher School of Economics, 101100, Moscow, Myasnitskaya, 20.
E-mail: chto-delat@yandex.ru

Энциклопедия по модели «общего дела».
О XVII Международных научных чтений памяти
Н.Ф. Федорова (7–10 июня, Боровск — Москва)

А.О. Горская

Анна Олеговна Горская, главный библиограф Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова при Библиотеке №180 Юго-Запада Москвы. Москва, ул. Профсоюзная, 92. E-mail: gorskaja@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-198-207

С 7 по 10 июня 2018 года в Москве и г. Боровске Калужской области прошли XVII Международные чтения, посвященные памяти выдающегося российского мыслителя, родоначальника традиции отечественного космизма, теоретика и практика музейного и библиотечного дела, педагога-новатора Николая Федоровича Федорова (1829–1903).

Первый день чтений, совпавший со 189-м днем рождения Московского Сократа, как Федорова назвал С.Н. Булгаков, прошел в Боровске. Ровно 30 лет назад, с 14 по 15 мая 1988 года здесь состоялись Первые Федоровские чтения, что вполне закономерно, ведь Боровск называют столицей не только старообрядчества, но и русского космизма. С осени 1866 по весну 1867 года Федоров преподавал в здешнем городском училище историю и географию. А с 1880 по 1892 год арифметику и геометрию тут же читал Константин Циолковский.

Пленарное заседание, открывшее чтения 7 июня, было посвящено той первой конференции, «возвращению» ее лиц, ее времени, когда произошло, по сути, невозможное: два боровских художника — Владимир Гурьев и Игорь Солдатенков — убедили местные власти организовать масштабные чтения памяти ключевого российского христианского философа.

Центральной фигурой начального дня XVII чтений заслуженно оказался первый из них, главный инициатор и организатор стартовой конференции, художник, поэт и философ Владимир Евгеньевич Гурьев (1946–1993). Он один из тех, благодаря кому участники чтений увидели Боровск примерно таким же, каким его запомнили Федоров и Циолковский. В 1980-е годы вместе с товарищами по ВООПИК Гурьев защищал от бездумной застройки и сноса оставшийся с купеческих времен центр Боровска и Пафнутьев-Боровский монастырь, основанный в 1444 году, добился реставрации (и сам

реставрировал) храм Спаса Преображения на Взгорье, стоящий с 1804 года на главной площади. Именно благодаря Гурьеву боровский дом Циолковского был приведен в музейный статус. Вместе со своим другом, краеведом, историком русской традиционной культуры Александром Бойко они разработали проект превращения Боровска и его окрестностей в ноосферный архитектурно-ландшафтный заповедник. Увы, как рассказал в своем докладе на нынешних чтениях *Александр Бойко*, город-музей и сегодня остро нуждается в защите. В 2010 году, когда совместным приказом Минкульта и Минрегиона перечень исторических городов России был сокращен более чем в 11 раз, Боровск тоже попал под эти «ножницы». С тех пор началась и длится томительная, а для целого ряда объектов историко-культурного наследия прямо фатальная история возвращения ему статуса «исторического поселения федерального значения».

«В Калужской области было 9 исторических городов, а теперь их просто нет. Я хотел бы задать вам вопрос: как нам это вернуть? Или мы должны иметь голые, гладкие стены магазинов, фабрик? Федоров писал, что “музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь, а не отнимать ее”. Это значит, что каждое археологическое открытие — это память о лицах, каждый дом, в котором жил солдат, погибший за Боровск, — это память об этом человеке. Если мы уничтожаем этот дом, мы теряем эту память. Я вас прошу не допустить уничтожения культуры, потому что это скажется на нас. Не будет памяти — не будет нас», — обратился Бойко к участникам конференции, своеобразно «вернув» их в реальность 1988 года, когда они с Гурьевым заставили свой город не только говорить о Федорове, но и «делать как он», отстаивали (и отстояли) подлинность Боровска, подняли, по выражению его первого мэра и энтузиаста Владимира Канунникова, «народное движение по сохранению места, его истории, его памятников».

Центральной темой второго и третьего дня чтений стал недавно запущенный под эгидой ИМЛИ РАН научный проект «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия», цель которого — представить в систематизированном виде основные достижения федороведения XX–XXI веков в России и за рубежом, собрать целостный и авторитетный свод знаний о философе, стать путеводителем по его творческому наследию и федоровиане XX века, продемонстрировать значение идей Федорова для современности.

Как отметила в своем вступительном слове член-корреспондент РАН, глава Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН *Наталья Корниенко*, проект энциклопедии задуман в точном следовании академической традиции: ему предшествовало издание полного собрания сочинений Федорова, дополненное исследовательскими томами-спутниками и научными монографиями составителей федоровского пятитомника.

В выступлении доктора филологии, в.н.с. ИМЛИ РАН, руководителя проекта «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия» *Анастасии*

Гачевой указанная «линейка» была дополнена и другими вехами федороведения XX–XXI веков. Эта почти 120-летняя история исследования и предъявления наследия Н.Ф. Федорова началась выходом в 1906 и 1913 годах двух томов «Философии общего дела», подготовленных учениками мыслителя — Н.П. Петерсоном и В.А. Кожевниковым. Среди других ее вех — труды и издания свободных мыслителей советской России 1920–30-х годов — А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, пытавшихся через Федорова расширить аксиологию коммунистического проекта; предшествовавшая Второй мировой войне и послевоенная рефлексия русской эмиграции (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, В.Н. Ильин); «возвращение» Федорова в Советском Союзе 1960-х — в связи с всплеском интереса к истории космонавтики; работы и публикации Светланы Семеновой 1970–1990-х годов, ставшие опорой нового федороведения. Наконец, сами Федоровские чтения, на которых в 2009 году, благодаря сербскому философу, переводчику и издателю Владимиру Меденице, и родилась идея энциклопедии.

Очерчивая ее будущие контуры, Анастасия Гачева определила основные тематические и проблемные векторы, по которым будет строиться работа над проектом. Это, в числе прочего: научная реконструкция биографии Федорова, изобилующей лакунами; установление философских, богословских, этических, эстетических источников федоровского «супраморализма»; исторически-конкретная разработка темы философского взаимодействия Федорова с его современниками (Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, В.С. Соловьевым и др.); систематизация с позиций философии, культурологии и языкознания базовых концептов «Философии общего дела»; определение ее места в истории европейской и мировой мысли и ее влияний на русский религиозно-философский ренессанс, искусство Серебряного века, идейный горизонт пореволюционной эпохи («третья революция духа») и т. д.

Говоря об общей организации и структуре будущей энциклопедии, Анастасия Гачева указала на ее близость к первой в отечественной философской науке персональной энциклопедии — Розановской. Подобно ей, в Федоровской за основу будет принят не алфавитный, а тематический принцип подачи материала, окажутся широко представлены понятия, в том числе авторские, характеризующие особенности федоровской мысли, каждый предмет или лицо, выведенные в словарную статью, станут рассматриваться не как самодостаточное явление, а в привязке к главному герою проекта. Также в качестве желаемого образца было отмечено широкое цитирование текстов философа, на которое решились составители Розановской энциклопедии.

Но будут, разумеется, и отличия. Создатели Розановской энциклопедии ограничили систематизируемый материал хронологическими рамками жизни В.В. Розанова, энциклопедия «Н.Ф. Федоров» будет содержать специальный отдел «Fedoroviana», посвященный влиянию идей мыслителя на философию, литературу,

искусство, научную и инженерную мысль XX века. Кроме того, принципиальной особенностью Федоровской энциклопедии окажется ее междисциплинарный характер. Помимо историков философии в ней примут участие представители других областей гуманитарного и естественнонаучного знания и практики: историки, филологи, музееведы, библиотековеды, педагоги, биологи, физики, экологи и педагоги.

«Как Федоров ожидал синтеза наук вокруг общего дела, так и мы должны его устроить», — прокомментировала этот момент Анастасия Гачева.

В ряд уникальных черт Федоровской энциклопедии необходимо добавить также то, что она будет существовать одновременно в двух форматах: бумажном и сетевом. О последнем рассказал на конференции его будущий куратор, ведущий аналитик центра обработки электронных и мультимедийных данных РГГУ *Сергей Петров*. Сайт энциклопедии будет создан им на платформе MediaWiki — программного обеспечения, написанного специально для «Википедии». На том же вики-движке работает и портал московского Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова — nffedorov.ru, один из немногих долгожителей Рунета, который, постоянно модернизируясь, существует с 1999 года. Им также руководит Сергей Томасович.

Свой выбор средств «Википедии» он обосновывает тем, что это ПО гарантирует своим пользователям непрерывное развитие и открытость. Сущностно важен и сам принцип коллективной работы в режиме реального времени, предполагающий сохранение абсолютно всех предыдущих версий и правок. Кроме того, новый сайт должен иметь возможность «перекликаться» с порталом nffedorov.ru, его по-настоящему бесценной библиотекой. Академическое собрание сочинений Федорова здесь не просто оцифровано, а хранится в нескольких удобных форматах: это вычитанный Word и Pdf с распознаванием. Их уже несколько лет дополняет указатель произведений с доступом к каждому тексту, а в данный момент создаются аналогичные именной и предметный указатели. Также Петровым скоро будут выложены первые результаты его работы над частотным словарем Федоровских словоформ.

В ходе начавшейся вслед за установочными докладами дискуссии сразу же наметился ключевой проблемный сюжет будущей энциклопедии: коллизия фундаментального, собственно-философского и проективного, жизнестроительного полюсов.

Энциклопедический портрет Федорова, блестящего постклассического философа и одновременно «пророка» новейшего времени, призывавшего, ответив на завет Христа, возратить жизнь умершим, портрет федоровианы XX–XXI веков, объединяющей последователей и продолжателей идей общего дела, наконец, сам по себе выбор доминантной интонации готовящегося труда целиком зависят от самоопределения его авторского коллектива между названными точками.

Как и в любом споре, мнения тут оказались различными.

Так, для доктора философии, декана факультета религиоведения Московского православного института *Владимира Варавы* Федоров — это прежде всего глобальная, в масштабах всей европейской философской культуры, фигура, тот, кто впервые со времени первых христиан «поставил вопрос о смерти», рутинизировавшийся и банализированный в истории нашей эры.

Чем считать саму по себе Федоровскую философию воскрешения, как к ней относиться — как к научному проекту, утопии или ереси — не суть важно, убежден Варава. Главное, на его взгляд, — тот этический импульс, то «прикасание к смерти в аспекте нравственного долга перед умершими», какое дает Федоров.

По мнению *Евгения Титаренко*, кандидата философских наук, доцента Санкт-Петербургского госуниверситета, Федорова не стоит рассматривать вне, за пределами его текста. Это не более и не менее как уникальный «автор», который «своим языком, своей конструкцией, ее ритмом, попыткой обратиться одинаково понятно к ученым и неученым — создал неповторимый текст, укладывающийся в мировую традицию христианского универсализма».

Противоположную позицию занял *Игорь Артюхов*, биофизик, член координационного совета Российского трансгуманистического движения. Свой доклад, посвященный современному научному иммортализму, предлагаемым им подходам к максимальному увеличению продолжительности жизни (а в пределе — к победе над смертью), он начал с того, что: «Философия общего дела — это очень конкретная концепция, и понимать ее надо совершенно буквально, пусть и с учетом тех реалий, в которых она создавалась. Общее дело — это дело, то, что надо делать руками».

При этом нельзя не оговорить существеннейшего отличия трансгуманистического извода «общего дела» от его Федоровского оригинала. Эта особенность, проявившаяся также в позиции Игоря Валентиновича, была отрефлексирована в докладе аспирантки кафедры философской антропологии философского факультета МГУ *Анастасии Криман*. Она подчеркнула, что если трансгуманисты замкнуты на самих себе, стремятся возродить себя либо в новом качестве, либо буквально, то для Федорова главной задачей человечества было воскрешение отцов.

Возвращаясь к обозначившемуся в ходе проработки образа энциклопедии столкновению векторов «знания» и «действия», приведем резюмирующую реплику Анастасии Гачевой, заявившей о необходимости диалектического подхода к этим рабочим противоречиям, снятия их через саму фигуру Федорова:

«Федоров — проклятый философ, и это должно быть отражено в энциклопедии. Поэтому мы будем выводить его философию на современность — в статьях о проблемах смерти, бессмертия, регуляции природы, идее выхода в космос и др. Но мы не должны отказываться и от качества фундаментальности. Потому что

сам Федоров, восставая против формата энциклопедии, которая “засушивает” знание, разводя его с действием, одновременно был в лучшем смысле этого слова энциклопедистом. Он в некотором смысле — модель того, как нам предстоит показать его наследие. Все знание прошлого наполнялось в нем новыми смыслами, всецело и без остатка подчинялось его проективному идеалу, не существовало вне силового поля главной идеи.

Большинство докладов второго и третьего дня конференции представляли из себя попытки обрисовать первые контуры будущих энциклопедических статей. Показательно, что они оказались объединены не описательной, а эвристической стратегией: Федоровская энциклопедия будет прежде всего связана с открытием новых документальных материалов и исследовательских ракурсов, новых контекстов федоровской мысли и ее неочевидного присутствия в трудах современников и потомков — от философов до изобретателей.

Кандидат философских наук, доцент Института лингвистических исследований РАН *Наталья Козловская* и доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова *Лариса Шестакова* представили на конференции проект своей статьи «Язык Н.Ф. Федорова». В ней впервые в федороведении будет целостно представлен языковой облик «Философии общего дела» (на всех уровнях — от орфографического до синтаксического), проанализированы принципы и приемы, лежащие в основе организации этого корпуса текстов. Особое внимание планируется уделить ядру федоровского лексикона — его авторским философским терминам, отражающим концептуальный уровень учения общего дела и образующим единую систему. Козловская и Шестакова выделяют несколько механизмов ее порождения, в их числе — терминологизация общеупотребительных слов («отцы», «совершеннолетие», «сыны») и переосмысление известных научных, философских, богословских понятий («социализм», «материализм», «Пасха», «литургия», «крещение», «сверхчеловек»). Наиболее же типичным для Федорова ими признан «синтаксический путь» терминотворчества с его двухкомпонентными атрибутивными словосочетаниями, образующимися путем согласования и управления: «музей с вышкой», «продовольственный вопрос», «санитарный вопрос», «общее дело».

Учитывая, что этот словесный аппарат дает наиболее яркое, показательное языковое проявление федоровского супраморализма, авторской терминосистеме планируется посвятить также отдельную статью. Кроме того, в предварительном словнике энциклопедии намечены и такие темы, как «Общий язык», «Филологическая Пятидесятница», «Лингвистические взгляды Н.Ф. Федорова».

Представление биографического блока энциклопедии состоялось в формате дискуссии *Анастасии Гачевой* с архивистом *Валерием Богдановым*, в свое время установившим точную дату рождения Федорова, и историком, доцентом Воронежского государственного университета *Александром Акинъшиным*, реконструировавшим

на основе переписки, газетных публикаций, архивных документов воронежский этап жизни и деятельности Федорова (книга «Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901)», опубликованная им в соавторстве с Олегом Ласунским в 1998 году).

В ходе этого обсуждения были намечены основные направления архивного поиска, связанные прежде всего с огромными лакунами в биографии мыслителя до 1873 года (начальная дата известной исследователям переписки). Так, энциклопедия должна будет окончательно прояснить происхождение матери Федорова, о которой пока известно лишь, что это была «дворянская девица Елизавета Иванова». Своего детального восстановления ждет также путь Федорова-педагога, в течение 14 лет читавшего историю и географию в уездных училищах Липецка, Богородска, Углича, Одова, Богородицка, Боровска, Подольска.

Кроме того, запланировано провести обзор всех архивов, в которых присутствуют или могут присутствовать материалы, связанные с Федоровым. Среди них есть и прекрасно разобранные, как, например, архив Н.П. Петерсона, ближайшего друга, последователя и публикатора Федорова, и до сих пор почти не исследованные, как собрание документов историка С.А. Белокурова, ключевого участника инициированного Федоровым в 1894 году проекта собирания сведений об обывденных храмах. Также ученым предстоит скрупулезно просмотреть архив К.Э. Циолковского, его переписку — на предмет возможного фигурирования там имени Н.Ф. Федорова. По предположению Анастасии Гачевой, родоначальник космонавтики мог общаться с Федоровым не только в юные годы, когда проходил свои университеты самообразования в библиотеке Румянцевского музея, но и позднее, когда Циолковский занимался теорией и конструированием цельнометаллического дирижабля и работал над трудом «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Убедительный образ словарной статьи как исследования был дан историком, ведущим специалистом Отдела публикации архивного фонда Центрального государственного архива г. Москвы *Александром Балакиревым*, которому предстоит руководить разработкой энциклопедической темы музея.

Помимо анализа полемики Федорова с традиционным «музеем как собранием вещей» и его собственного проекта «музея как собора лиц», ключевого орудия всеобщего воскрешения, в статье будет сделана попытка уточнить эту теорию реальным комментарием. По мысли Балакирева, федоровская философия музея укоренена в современном ему международном музейном ренессансе конца XIX века, когда музейщиков и социальных философов Европы, а равно и отечественную народническую интеллигенцию одинаково привлекала и вдохновляла идея этого института как воплощения демократического разума, преодолевающего противоречия ученых и неученых, труда и капитала, слова и дела, выводящего жизнь общества на новые рубежи.

Это установление исторической обусловленности федоровской темы музея было поддержано указанием на типологически близкие ей актуальные теории и практики, которое предприняла музеевед, в недавнем прошлом замдиректора Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина по выставочной деятельности и международным связям *Зинаида Бонами*. Говоря о сходстве Федоровского музейного проектирования и так называемой «новой музеологии», возникшей на рубеже XX–XXI веков как междисциплинарная сфера знания, подпитываемая современной социологией, философией, теориями памяти и информации, она указала на фундаментальный выбор этой последней в пользу человека, сообщества зрителей, а не музейной коллекции. «Та идея, что преподносится новой музеологией, связана с интроверсией, а конкретно — с внутренним чувством тоски, утраты, вызванным вынужденным разрывом человека с прошлым. Именно таковы истоки создания архива или музея в работе Жака Деррида “Архивная лихорадка”. Это преодоление некоей внутренней травмы, возвращение домой...» — отметила Зинаида Амагусовна, указав на необходимость установить в энциклопедии корреляцию таких выражений Федорова, как «восстановление», «воскрешение», «восстановительный музей», с современными понятиями из областей музеологии, антропологии, исследования памяти («ревивализм», «культурная память», «мнемософия»).

Во многих выступлениях конференции речь шла о том, что готовящаяся энциклопедия послужит ощутимой переоценке масштабов интеллектуального контакта Федорова с выдающимися российскими мыслителями XX века. *Анастасия Гачева* и кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ *Оксана Седых* показали это на примере Владимира Соловьева и Павла Флоренского, отметив, что они сближаются с Федоровым своей критикой «позитивного» разума и кабинетной мысли, постановкой вопроса о человеке как «центре всеобщего сознания природы», трактовкой истории как богочеловеческого процесса, образами живого музея, литургии, философии культа.

О том же, но уже в связи с лидером российских аграрников 1920-х годов, одним из самых авторитетных в сегодняшнем мире отечественных социологов Александром Чаяновым, его темами особой, отличной от рыночной крестьянской экономики, кооперативной самоорганизации селян, проектом Института общественной агрономии, посвященного выстраиванию связей между «учеными» аграрниками и «неученым» крестьянским миром, говорил кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС *Александр Никулин*.

Отметим также интереснейший блок докладов, посвященных философии техники у Н.Ф. Федорова.

Евгений Кучинов, кандидат философских наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета,

рассмотрел взгляды Федорова на технику как проектирование и прощупывание новых возможностей человеческого организма, который должен обрести «полноорганность», стать самопитающимся, самовосстанавливающимся, способным к безграничному перемещению и действию уже без помощи орудий. Их он поставил в параллель с идеей анархо-био-космистов братьев Гординых о технике как предельном изобретении, введении в мир небывалого, метафорой чего в их утопии «Страна Анархия» оказывается выход в космос. «Есть совершенно загадочный образ и у Федорова, и у Циолковского, и у биокосмистов — образ земли как космического корабля. Совершенно непонятно, что это такое, как это вообразить? И вот, мне кажется, что земля как космический корабль — это и есть техника из утопии братьев Гординых, определяемая не через диалектику формы и материи, а через идею изобретения чего-то нового», — резюмировал Кучинов.

Тема техники как «идеальной машины», когда на первый план в ней выдвигается не собственно-техническая сущность, а мощнейший ресурс обновления человека и мира, была продолжена в докладе кандидата философских наук, доцента кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета *Николая Короткова*, посвященном представлению философии общего дела как подлинной перспективы видения и оценки научной фантастики, и обратно — научной фантастики как «пробного камня» многих идей русского космизма.

Sci-fi исключительно смело предстала здесь «как не мысль только, но и не факт, а проект» (по выражению Федорова), как воображаемое, граничащее с новым сущим, новой онтологией. «Научная фантастика, а конкретно т. н. “твёрдая” научная фантастика, уделяющая внимание прежде всего вопросам науки и техники, это прообраз того самого коперниканского творчества, о котором пишет Федоров, говоря, что искусство должно создавать не мертвые подобия реальности, а преобразовывать саму реальность», — заявил докладчик. Показательно, что после этого решено было включить научную фантастику в словник готовящейся энциклопедии.

Впрочем, наиболее «проективным» из сообщений конференции, во всяком случае ближе всего отвечающим здесь федоровскому правилу «не отделять знания от действия» (где «знание» касается прежде всего ответа на вопрос «почему сущее умирает?»), следует признать выступление протоиерея *Андрея Дударева*, клирика храма свт. Пантелеимона в г. Пушкино и одновременно директора Дачи-музея В.В. Маяковского, озаглавленное «Практика воскресения. Снесенные кладбища 1920–1930-х гг. Опыт определения места захоронения и идентификации останков (К вопросу о восстановлении могилы Н.Ф. Федорова)».

«Может быть, Федоровское учение о воскресении как следствие научно-технического прогресса — и не бред. Может, это и будет следствием научно-технического прогресса, а значит, нам нужны будут останки, чтобы воскрешать», — рассуждая таким образом,

отец Андрей взялся за розыски утерянных в 1930-е годы могил, начав с известных жителей города Пушкино, похороненных на местном Боголюбском кладбище, превращенном в советское время в простой лес. За прошедшие с тех пор два года он, с помощью наложения прежних и современных карт, анализа метрических книг и старых фотографий, опроса старожилов, поискового щупа, собственной грубой силы (самолично перекидал 80 кубометров земли — 10 КамАЗов) и овладения методами судебно-медицинской экспертизы, нашел и установил принадлежность четырех стертых с лица земли могил. Это захоронения пушкинского купца, мецената, а с 1921 года священника Михаила Семеновича Шарикова, его супруги Александры Васильевны Шариковой и их маленького сына Сергея. Четвертая могила, обнаруженная на месте бывшей Боголюбской церкви (сейчас там гаражный городок), под 50 кубометрами мусора, принадлежит Сергею Дмитриевичу Лебедеву, ее настоятелю.

Федоров писал: «В отношении сына к отцу, внука к деду и вообще потомка к предку заключается не одно только знание, но и чувство, которое не может ограничиться представлением, мыслью, а требует видения, личного отношения, требует быть лицом к лицу». Эта фраза вспомнилась, когда, дойдя в своей презентации до фотографий найденных им останков, отец Андрей сказал: «Я специально показываю, чтобы вы увидели красоту. Когда мы ждем воскресения, все встает на свои места, ты понимаешь, что смерть не лишает человека его положения, его красоты, его величия». Кроме того, он заявил, что на сегодня «христианство раскрыло только порядка 10–15 процентов своего потенциала. И золотым ключиком ко многим церковным ценностям и дарам Духа Святого являются те предметы, которых мы сегодня коснулись».

На данный момент отец Андрей находится в одном шаге от того, чтобы найти в Пушкино могилу знаменитого художника-авангардиста, последователя Н.Ф. Федорова Василия Чекрыгина и в двух шагах от того, чтобы восстановить место упокоения самого автора «Философии общего дела», похороненного в Москве, на бывшем кладбище Скорбященского монастыря (сейчас это Новослободский парк).

Думается, что это станет главным событием юбилейного для Федорова 2019 года, когда будет отмечаться 190-летие философа воскресения.

A “common-task” type encyclopedia.

On the XVII International Scientific Readings in memory of N.F. Fedorov (7th of June — 10th of June, Borovsk — Moscow)

Anna Gorskaya, Chief-Bibliographer at the Fedorov Museum-Library, Moscow.
 Profsoyuznaya str., 92. gorskaja@gmail.com

Крестьяноведение

2018. Том 3. № 2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2018. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1022.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ